

**СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
ФГБОУ ВО «ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

ОТРАЖЕНИЯ

Первые опыты художественного перевода

Альманах

Выпуск 15

**Редакторы и составители:
К. С. Корконосенко, О. В. Матвиенко**

**Санкт-Петербург — Донецк
2025**

УДК 82-822=03
ББК 84(0)
О-862

Ответственная за выпуск А. В. Кузьмина

С предложениями и пожеланиями обращаться по адресу:

Донецк, 283001, ул. Университетская, 24. ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», кафедра теории и практики перевода. Матвиенко О. В.

Тексты для публикации можно также направлять по электронной почте на адрес кафедры теории и практики перевода kf.tpp@donnu.ru или на адрес редактора сборника matvizar@gmail.com. Присланные материалы не возвращаются и не рецензируются.

Издание носит некоммерческий характер и не поступает в продажу.

Проект реализован при поддержке Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ»

Рецензенты:

В. Е. Багно, член-корреспондент РАН, научный руководитель ИРЛИ РАН

Е. В. Филатова, д. филол. н., заведующая кафедрой английского языка для естественных и гуманитарных специальностей ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Печатается по решению ученого совета факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», протокол № 9 от 01.10.2025 г.

О-862 **Отражения. Первые опыты художественного перевода:** Альманах. Вып. 15. Ред. и сост. К. С. Корконосенко, О. В. Матвиенко; [отв. за выпуск А. В. Кузьмина]. СПб.; Донецк, 2025. 200 с.

В пятнадцатый выпуск сборника «Отражения» традиционно включены лучшие переводы золотого фонда классической и современной словесности, выполненные победителями Международного конкурса начинающих переводчиков им. Э. Л. Линецкой (2024 г.), который ежегодно проводится Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге. Рубрика «В переводческой мастерской» представляет перевод поэмы А. Д. Хоупа «Преданный слуга», выполненный русско-австралийской переводчицей Галиной Лазаревой, подборку «Стихи поэтов Британских островов» Марины Челаукиной, а также творчество петербуржца Иоэля Матвеева: серию его английских стихов, переводов стихотворений и песен с русского, идиша и древнеирландского на английский.

В разделе «Из Кастаньольского источника» опубликованы переводы студентов Института иностранных языков РУДН им. Патриса Лумумбы (Москва), ДонГУ (Донецк) и Северо-Кавказской государственной академии (Черкесск), выполненные в рамках семинара «Поэзия Ксении Некрасовой в английских переводах», который был проведен д. филол. н., вед. науч. сотр. ИМЛИ им. А. М. Горького РАН М. Р. Ненароковой. Помимо того, в альманахе традиционно включены тексты призеров Всероссийского конкурса для школьников «Мои первые переводы» (Донецк, 2025).

УДК 82-822=03
ББК 84(0)

ISBN 978-5-6051351-7-3

© Союз писателей Санкт-Петербурга, 2025
© Донецкий государственный университет, 2025
© Корконосенко К. С., Матвиенко О. В.,
составление, 2025

От составителя

Дорогой читатель!

Мы рады предложить Вашему вниманию новый, пятнадцатый выпуск переводческого альманаха «Отражения».

Наш проект развивается, и достаточно успешно. Мы публикуем материалы очередного Международного конкурса начинающих переводчиков им. Э. Л. Линецкой, состоявшегося в 2024 году. Конкурс, который ежегодно проводится под эгидой Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге и популяризирует классические традиции Петербургской (Ленинградской) школы перевода, объединил в виртуальном русскоязычном пространстве людей, влюбленных в художественный перевод. География конкурса весьма широка: от дальнего зарубежья до новых территорий (в том числе и нашего Донбасса), недавно ставших частью России. Благодаря конкурсу «Отражения» регулярно пополняются, по выражению классика, «хорошими и разными» переводами с английского, немецкого, французского, испанского, итальянского, венгерского, китайского, а с недавних пор — еще и с арабского и турецкого! Публикуя лучшие переводы иностранной поэзии и прозы, надеемся, что читатели смогут обогатить свое представление о классической и современной словесности, порадоваться удачным переводческим решениям.

Рубрика «В переводческой мастерской» представляет творчество талантливой поэтессы, переводчицы, барда Галины Лазаревой, живущей в далекой Австралии и активно участвующей в межкультурном диалоге: в этот раз мы публикуем ее перевод поэмы австралийца А. Д. Хоупа «Преданный слуга». Здесь же напечатана замечательная подборка «Стихи поэтов Британских островов» Марины Челаукиной. Примечательно, что обе переводчицы в разное время были победительницами в конкурсе Пушкинского Дома. Еще один гость рубрики известен нашим читателям по предыдущему выпуску: это петербургский автор-полиглот, прозаик, поэт и литературный переводчик Иоэль Матвеев, пишущий на идише, русском и английском языках. В этом выпуске мы разместили серию его английских стихов, переводов стихотворений и песен с русского, идиша и древнеирландского на английский, а также песню «Надежда» в переводе на эсперанто.

В разделе «Из Кастальского источника» читатель увидит итоги семинара «Поэзия Ксении Некрасовой в английских переводах», организованного и вдохновленного д. филол. н., вед. науч. сотр. ИМЛИ им. А. М. Горького РАН Марии Равильевны Ненароковой. В работе семинара приняли участие студенты Института иностранных языков РУДН им. Патриса Лумумбы (Москва), Донецкого Государственного Университета (Донецк) и Северо-Кавказской государственной академии (Черкесск), подарив английский голос удивительной русской поэтессе XX столетия.

*В разделе «Опыт художественного перевода в Донбассе» напечатаны Пасхальная секвенция *In Resurrectione D.N.* в переводе ученицы М. Р. Ненароковой, преподавателя кафедры теории и практики перевода ДонГУ Елены Вишневецкой. Здесь же опубликованы лучшие переводы начинающих — лауреатов республиканского конкурса «Мои первые переводы» (2024), который ежегодно проводится Донецким государственным университетом для старшеклассников Донбасса.*

Пользуясь случаем, напоминаю, что редколлегия ждет Ваши переводческие подборки. То, что Вы переводите «для себя», чему посвящаете свободное время и отдаете душевные силы. Тексты, которые Вы шлифуете и совершенствуете, добиваясь идеального звучания, безупречного стиля.

Надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Интересного Вам чтения!

Ольга Матвиенко

Слово о конкурсе

Каждый год, начиная с 2009-го, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) совместно с Союзом писателей Санкт-Петербурга проводит Конкурс начинающих переводчиков имени Э. Л. Линецкой. С идеей организации такого конкурса выступили ученики Эльги Львовны, бывшие участники ее семинара — Т. Н. Чернышева, М. Д. Яснов, В. Е. Багно и В. Н. Андреев.

Конкурс проводится при финансовой поддержке Института перевода в Москве; цель его — сохранение традиций отечественной школы художественного перевода, а задача — на конкурсной основе отметить лучшие переводы поэзии и прозы, выполненные начинающими переводчиками на материале предложенных заданий. Для участников Конкурса не устанавливается ограничений по возрасту, гражданству и месту жительства. Начинающим может считать себя всякий переводчик, делающий первые шаги в художественном переводе, не состоящий ни в каком профессиональном союзе и имеющий не более трех переводных публикаций. В 2023 году оргкомитет принял выстраданное, но необходимое решение: не привлекать к следующему конкурсу многократных призеров прошлых лет. Таким образом мы открываем дорогу по-настоящему начинающим переводчикам, а сборник «Отражения-15» можно считать прощанием с нашими многолетними друзьями. Впрочем, для них всегда найдется место в рубрике «Переводческая мастерская».

Диапазон заданий год от года меняется: на конкурс предлагаются тексты на разных языках, в номинациях Проза и Поэзия. В 2023 году к уже традиционным английскому, венгерскому, испанскому, итальянскому, китайскому, немецкому и французскому мы добавили турецкий и арабский. Информация о конкурсе помещается на сайт Пушкинского Дома, а потом, уже без усилий оргкомитета, передается по социальным сетям.

Награждения в Большом зале Пушкинского Дома проходят и торжественно, и весело. Это праздник для всех любителей перевода. Отрадно, что на этом празднике завязывается общение лауреатов и с профессиональными переводчиками, и между собой, и этот заинтересованный диалог продолжается и потом, выходя за рамки конкурсных заданий.

Один из результатов такого общения — издание лучших переводов 2024 года в нынешнем выпуске «Отражений» под двойным грифом — Союза писателей Санкт-Петербурга и Донецкого государственного университета. Я живу в Петербурге, а мой соредaktor, многократная победительница Конкурса начинающих переводчиков Ольга Матвиенко — в Донецке. Ее ежегодную работу над альманахом я считаю подвижничеством.

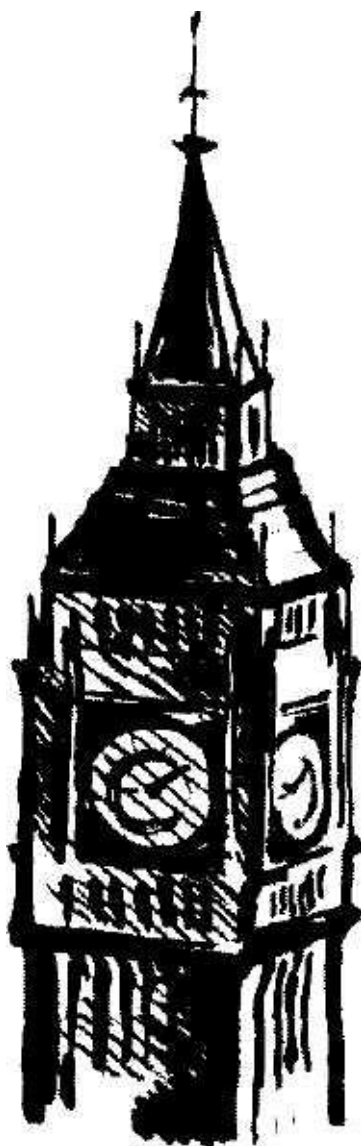
Этот совместный проект интересен читателям, поэтому работа над ним продолжится и в будущем.

*Кирилл Корконосенко,
эксперт и организатор конкурса*

**МАТЕРИАЛЫ КОНКУРСА
НАЧИНАЮЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ
ИМ. Э. Л. ЛИНЕЦКОЙ
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2024)**

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО

АНГЛИЙСКАЯ ПРОЗА

A Full Life by F. Scott Fitzgerald (fragment)

At twilight on September 3d, 1923, a girl jumped from the fifty-third-story window of a New York office building. She wore a patented inflatable suit of rubber composition which had just been put on the novelty market for purposes of having fun—the wearer by a mere jump or push could supposedly sail over fences or street intersections. It was fully blown up when she jumped. The building was a set-back and she landed on the projecting roof of the fiftieth floor. She was bruised and badly shaken but not seriously hurt.

She recovered consciousness in the ambulance and gave the name Gwendolyn Davies but in the emergency room when the intern so addressed her she denied it, and insisted on leaving the hospital after necessary stitches had been taken. Several inquiries that were undoubtedly for this girl asked for a different name. The intern, Dr. Wilkinson, gathered that a little orgy after hours had been taking place in the office at the time.

A week later Dr. Wilkinson took out a library book that he had borrowed there some time before. It was a collection of mysterious cases re-written from contemporary newspaper accounts, and the third story, entitled *The Vanished Girl*, read as follows:

In 1915 Delphis, N.Y., was an old town of large, faded houses, built far back on shady lawns—not at all like the Long Island and New Jersey villages where even Sunday is only a restless lull between the crash of trains. During the war there was a murder there, and in 1922 bandits held up a garage. After that nothing happened for a long time till Gwendolyn Davies walked out of her father's house one day and disappeared off the face of the earth.

She was the daughter of a poor doctor and the prettiest girl in town. She had a brave, bright face that made you look at her, yellow hair and a beggar's lips that would not beg in vain. The last person who ever laid eyes on Gwen Davies was the station master who put her suitcase on the train. She told him lightly that she was leaving for her family's own good—she didn't want to "raise the roof," but no scandal ever developed about her. When she reached New York she was to go directly to a recommended boarding house adjacent to the college. She didn't appear there—she simply melted like a shadow into the warm September night.

"Height, five feet five inches, weight, one hundred and sixteen pounds. Features, regular and pleasing. Left eye slightly larger than the right. Wearing a blue traveling suit and a red, leather-trimmed hat. Bright personality. We ask everyone to keep an eye out for this girl whose parents are prostrated by her disappearance."

She was one of many thousands of lost girls, but her beauty and the fact that her father was a reputable physician made it news. There was a "ring" said the tabloids; there was original sin, said the pulpit; and "mark my words," said the citizens of Delphis, their words being wild suppositions about somebody knowing something more than he or she saw fit to tell. For awhile the town of Delphis was

as sad as the village of Hamelin after the Pied Piper had come and gone—there were young men who forgot their partners entirely when the orchestra played “Babes in the Woods” or “Underneath the Stars,” and fanned they had loved Gwen and would never love another.

After a few years a New York judge walked away into the blue and the case of Gwen Davies was revived for a day in the newspapers, with a note that someone had lately seen her or her double in a New York surface car; after that the waters closed over her, apparently forever.

Dr. Wilkinson was sure it was the same girl—he thought for awhile of trying to trace her by going to a newspaper with the story but he was a retiring young man and the idea became shelved like the play he was always going to write and the summer he was going to spend on the Riviera.

But he never forgot—he was forever haunted by the picture of the girl floating slowly out over the city at dusk, buoyed up by delicious air, by a quintessence of golden hope, like a soaring and unstable stock issue. She was the girl for whom a part of him was always searching at cafes and parties and theatres, when his practical wife would ask:

“Why are you staring around, Harvey? Do you see anybody we know?”

He did not explain.

Фрэнсис Скотт Фицджеральд. Жизнь на полную

3 сентября 1923 года в Нью-Йорке произошло странное событие. С пятьдесят третьего этажа офисного здания выпрыгнула девушка. На ней был надувной костюм из резины, который был выпущен в продажу для веселого времяпрепровождения. Любой, кто надевал, мог перепрыгнуть через заборы или парить над улицами.

Во время прыжка костюм раздулся, девушка приземлилась на выступ пятидесятого этажа, избежав серьезных травм.

Она очнулась в скорой и назвалась Гвендолин Дэвис. Однако в больнице, когда к ней обращались по этому имени, она утверждала, что ее так не зовут и что она хочет покинуть больницу после необходимых процедур. Несколько раз ее просили назвать ее настоящее имя. Доктор Уилкинсон догадался, что была какая-то вечеринка в здании офиса накануне происшествия.

Спустя неделю он начал читать книгу из библиотеки – сборник загадочных историй, взятых из газет. Третий рассказ в книге назывался как «Исчезнувшая».

В 1915 году городок Делфис представлял собой тихое место со старинными выцветшими домами, построенными в тени теннисных лужаек. Делфис был совсем не таким, как пригороды Лонг-Айленда и Нью-Джерси, где воскресный день – это небольшая передышка между постоянным грохотом поездов. В годы войны здесь произошло убийство, а в 1922 году

бандиты ограбили автомастерскую. С тех пор все было спокойно, пока Гвендолен Дэвис не пропала.

Она была дочерью нищего доктора и самой красивой девушкой в городе. Сильная духом и с прекрасным лицом она приковывала взгляды людей. Волосы светлые, а губы умоляющие – никого не оставляли равнодушными.

Последний, кто видел Гвендолен, был смотритель станции, когда он загружал ее багаж. Она сказала, что уезжает на благо ее семьи и не хочет поднимать шум из-за этого, хотя ни одного скандала с ее именем не было связано. По приезде в Нью-Йорк она хотела остановиться в неплохом отеле, прилегающем к университету. Но ее там не оказалось. Гвендолен будто исчезла как тень в сумраке ночи сентября.

«Рост – 165 см., вес – 52 кг. Приятная внешность. Левый глаз слегка больше, чем правый. Одета в синий дорожный костюм, на голове красная шляпа с кожаной отделкой. Выделяется среди многих. Просим всех, кто видел ее, сообщить об этом горюющим родителям».

Случай Гвендолен ничем не отличался от тысячи других, но из-за ее красоты и известности отца история получила огласку. Таблоиды утверждали, что некое «кольцо» связано с пропажей девушки; проповедники говорили о грехе; а жители Дельфиса твердили «попомните наши слова» и высказывали подозрения о том, что кто-то знал всё об инциденте, но не мог об этом рассказать. В городе пропало веселье в точности, когда Крысолов покинул Гамельн. Юноши забывали о своих возлюбленных едва услышав мелодию «Детки в лесу» или «Под звёздным небом» и клялись, что никого так не любили как Гвендолин.

Через несколько лет после инцидента судья бесследно исчез, а статья о Гвен всего на день появилась в газете с новостью о том, что ее или ее двойника видели в трамвае Нью-Йорка. После этого Гвендолин канула в Лету.

Доктор Уилкинсон был уверен, что девушка из скорой и Гвен – это один и тот же человек. Он даже хотел обратиться с этой новостью в газету, но в силу своего характера отложил идею «на потом», как это было с пьесой, которую он хотел и написать, и отдыхом на французской Ривьере.

Но он никак не мог забыть ее. Он искал ее образ в медленно парящем воздухе прелестного вечера на закате солнца, – квинтэссенция мечты, обретающей или теряющей надежду. Он пытался ее разыскать глазами среди толпы в кафе, на вечеринках. Его жена замечала изменения в муже и всегда спрашивала:

«Харви, почему ты все время кого-то ищешь? Ты увидел кого-нибудь из знакомых?»

Но он никогда ей не отвечал.

Перевод Анны Вахитовой (anna.dogadina.2012@mail.ru), занял второе место в номинации «английская проза» (2024)

Фрэнсис Скотт Фицджеральд. Жить на полную

Под вечер третьего сентября тысяча девятьсот двадцать третьего года с пятьдесят третьего этажа нью-йоркского небоскреба сбросилась девушка. На ней был недавно запатентованный резиновый надувной костюм, разрекламированный как новый способ веселого времяпровождения: предположительно, одного прыжка или толчка хватало, чтобы перелететь через забор или перекресток. Когда она прыгнула, костюм полностью надулся. Здание было ступенчатым, и она приземлилась на крышу выпирающего пятнадцатого этажа. Девушка отделалась несерьезными травмами и испугом.

Очнулась она в машине скорой помощи и назвалась Гвендолен Дейвис, но, когда в пункте первой помощи врач-интерн обратился к ней по этому имени, пошла на попятную и настояла на выписке сразу же после наложения необходимых швов. Несколько человек, однозначно справлявшихся о здоровье именно этой девушки, назвали совершенно другое имя. Интерн, доктор Уилкинсон, разузнал, что тем днем, после рабочего времени, в конторе устроили гуляния.

Спустя неделю доктор Уилкинсон сел за недавно взятую в библиотеке книгу. Это был сборник загадочных дел, в основу которых были положены актуальные новостные сводки. В третьем рассказе под названием «Исчезнувшая» он прочитал следующее:

«В тысяча девятьсот пятнадцатом году город Дельфис, штат Нью-Йорк, являл собой собрание больших старых домов, заполонивших тенистые лужайки, — отличное от Лонг-Айленда или Нью-Джерси зрелище, где на смену грома поездов даже по воскресеньям приходит только беспокойный гам. Во время войны он стал местом преступления, — убийство, — а в тысяча девятьсот двадцать втором году бандиты ограбили гараж. После этих событий последовало долгое затишье, которое нарушила Гвендолен Дейвис, однажды покинувшая родительский дом и исчезнувшая с лица земли.

Она была дочерью бедного доктора и в городе слыла самой красивой девушкой. Лицо у нее было запоминающееся, бесстрашное, приковывающее взгляд, волосы — светлыми, а губы, не без причины, так и просили поцелуя. Последним Гвендолен Дейвис видел начальник станции, который загрузил ее чемодан в поезд. Она мимоходом обмолвилась, что уезжает ради семьи, — якобы не хочет «поднимать вокруг себя шум», хотя с ее именем никогда не было связано ни одного скандала. Добравшись до Нью-Йорка, она должна была направиться напрямиком в отрекомендованный пансионат при колледже. Там ее так и не увидели, — она словно растворилась в тенях теплой сентябрьской ночи.

«Рост: 165 сантиметров. Вес: 52 килограмма. Черты лица правильные и красивые. Левый глаз немного больше правого. Синее дорожное платье и красная отделанная кожей шляпка. Общительная. Просим помочь подавленным горем родителям в поисках исчезнувшей девушки».

Она была лишь одной из многих тысяч пропавших девушек, но популяризовать эту новость помогли ее красота и уважаемая репутация отца как доктора. Таблоиды уверяли, что в деле не обошлось без «кольца»; проповедники припоминали первородный грех; жители Дельфиса приговаривали: «помяните мое слово», пускаясь в дикие домыслы, что кто-то обязательно чего-то не договаривает. Какое-то время своим горем Дельфис напоминал деревушку Хамельн после того, как там побывал крысолов: под звуки «Детей в лесу» и «Под звездами» юноши совершенно забывали своих партнерш и клялись в вечной любви и верности Гвен.

Пару лет спустя, после неожиданной пропажи нью-йоркского судьи, газеты на один день вспомнили о деле Гвен Дейвис, прибавляя, что недавно ее, либо ее двойника, видели в городском трамвае. После этого она, видимо, навсегда, погрузилась в пучину забвения».

Уилкинсон был уверен, что речь шла о той самой девушке. Какое-то время доктор подумывал найти ее, обратившись с этой историей в газету, но юношей он был застенчивым, и эта задумка была им отложена, как все никак не написанная пьеса или планы летнего отдыха на Ривьере.

Она, однако, навечно осталась у него в памяти, эта медленно плывущая над закатным городом девушка, поддерживаемая на лету пьянящим воздухом и квинтэссенцией американской мечты, словно скачущий то вверх, то вниз курс акций. Именно ее он бессознательно искал в кафе, на вечерах и в театре, что всегда в его прагматичной жене вызывало вопрос:

— Ты куда глядишь, Харви? Увидел знакомого?

Он ничего не отвечал.

Перевод Анны Калугиной (anya-kalugina2012@yandex.ru). Родилась в Ярославле. В 2021 г. окончила Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского по специальности переводоведение. В настоящее время преподает в гимназии английский и французский языки. Перевод занял третье место в номинации «английская проза» (2024)

Фрэнсис Скотт Фицджеральд. Насыщенная жизнь

Третьего сентября 1923 года, с наступлением сумерек, одна девушка выпрыгнула из окна офиса, находящегося на 23-м этаже Нью-Йоркского бизнес-центра. На ней был брендовый прорезиненный надувной костюм, который она недавно приобрела на рынке новинок для забавы. Предполагалось, что надев его, владелец сможет перепрыгивать через заборы или преодолевать перекрестки. В момент прыжка костюм был надут до предела. Поскольку у здания имелись отступы, девушка приземлилась на выступающий навес пятидесятого этажа. Она ушиблась и была в шоковом состоянии, но в целом обошлось без серьезных повреждений.

Девушка пришла в сознание в больнице скорой помощи и сначала представилась, как Гвенделин Дэвис. Однако уже в палате, когда интерн обратился к ней по имени, она сказала, что ее зовут иначе и настояла на

выписке из больницы сразу же после того, как ей снимут швы. В нескольких поступивших в больницу запросах, касавшихся, несомненно, этой пациентки, также упоминалось другое имя. Из этих обращений интерн — доктор Уилкинсон — узнал, что в момент происшествия в офисе проходила какая-то вечеринка.

Неделю спустя доктор Уилкинсон принялся за чтение книги, которую он накануне взял в библиотеке. Это была антология необъяснимых случаев, собранных из заметок современных газет. В третьем очерке, под заголовком «Исчезнувшая девушка», он прочитал следующее:

В 1915 году Дельфис, штат Нью-Йорк, представлял собой обветшалый городишко с большими выцветшими домами, построенными на тенистых лужайках когда-то в далеком прошлом. Жизнь там была совсем не такой, как на Лонг Айленде или в Нью-Джерси, где даже воскресенье ощущается, всего лишь как беспокойный сон между крушениями поездов. Во время войны там произошло убийство, а в 1922-м бандиты ограбили какой-то гараж. После этого там долгое время не случалось ничего достойного упоминания, пока однажды некая Гвендолин Дэвис не вышла из дома своего отца и не пропала бесследно.

Она была дочерью бедного доктора и, пожалуй, самой хорошенькой девушкой во всем городке — с бесстрашным, выразительным лицом, которое хотелось рассматривать, светлыми волосами и пленительными губами, которые не стали бы умолять впустую. Последним человеком, видевшим Гвен Дэвис, был начальник станции, который заносил в поезд ее чемодан. В разговоре с ним она между делом обмолвилась, что уезжает ради блага своей семьи и не хотела бы поднимать шум, хотя вокруг нее никогда и не возникало никаких скандалов. Добравшись до Нью-Йорка, она должна была направиться напрямик в рекомендованный пансионат, неподалеку от колледжа. Но там она так и не появилась — она просто растворилась как тень в теплой сентябрьской ночи.

«Рост — пять футов и пять дюймов, вес — сто шестнадцать фунтов. Черты лица правильные и приятные. Левый глаз немного больше правого. Одета в синий дорожный костюм и красную шляпку, отделанную кожей. Яркая внешность. Мы просим всех и каждого помочь с поисками этой девушки, чьи родители подавлены ее исчезновением».

Она была одной из тысяч исчезнувших девушек, но ее красота и тот факт, что ее отец был уважаемым врачом, сделало это событие сенсацией. В желтой прессе писали, что она стала жертвой криминальных разборок, проповедники усматривали в ее исчезновении греховные связи, а простые жители делились друг с другом дикими догадками, подходящими для пересудов на досуге. В это время в Дельфисе царил такое уныние, будто вы оказались в Хэмлине, после его посещения крысоловом — юноши, забывали про своих подружек, едва только оркестр начинал играть «Малышек в лесу» или «Под звездами» и разгоряченно рассказывали о том, что они всегда любили Гвен и никогда больше никого не полюбят.

Несколько лет спустя в Нью-Йорке пропал без вести местный судья, и случай Гвен Дэвис вновь всплыл в газетах, но уже с упоминаниями о том, что позже кто-то видел, как она или ее двойник едет по Нью-Йорку в автомобиле. После этого упоминания о ней канули в лету, видимо, навсегда.

Доктор Уилкинсон был уверен: именно эта девушка и стала его пациенткой. Он даже подумал о том, чтобы попытаться отыскать ее по горячим следам и обратиться с этой историей в редакции местных газет, но он был всего лишь молодым человеком, чьи проекты часто расходились с делами. Так и эта идея была отложена в долгий ящик. Впрочем, как и пьеса, которую он намеревался написать или лето, которое он собирался провести на Ривьере.

Но он так и не смог забыть эту историю — его то и дело преследовал образ девушки, медленно проплывающей над городом в сумерках, обдуваемый восхитительным воздухом, сама квинтэссенция драгоценной надежды, которая то взмывает вверх, то падает вниз, словно котировки на бирже. Какая-то его часть бессознательно продолжала искать Гвендолин среди людей в кафе, на вечеринках и театрах. Иногда, когда жена его спрашивала:

«Харви, почему ты постоянно оглядываешься по сторонам? Ты увидел кого-то знакомого?»

Он не мог ничего объяснить.

Перевод Екатерины Соломатиной (solomatina85@yandex.ru). Родилась и живёт в Астрахани. Получила культурологическое образование. С детства изучает иностранные языки и питает интерес к литературе. Пишет прозу для детей и взрослых. Играет в региональной лиге по «Что? Где? Когда?». Увлекается психоанализом. Пеерво занял третье место в номинации «английская проза» (2024)

Ф. Скотт Фицджеральд. Целая жизнь (Отрывок)

На закате 3 сентября 1923 года девушка выпрыгнула из окна пятьдесят третьего этажа офисного здания в Нью-Йорке. На ней был запатентованный надувной костюм из особой резины, только что появившийся на рынке новинок в сфере развлечений: его обладатель мог одним прыжком перемахнуть через забор или перелететь оживлённый перекрёсток с одного толчка. Когда она прыгала, он был полностью надут. Здание оказалось разрушенным, а девушка приземлилась на выступающую крышу пятидесятого этажа. Она была вся в синяках и заметно потрясена, но серьёзно не пострадала.

Прыгунья пришла в себя в машине неотложки и представилась как Гвендолин Дэвис, но когда интерн в отделении скорой помощи обратился к ней по этому имени, она отрицала, что её так зовут, и потребовала отпустить её из больницы, как только нужные швы будут наложены. На несколько запросов, обращённых к ней, девушка просила указать другое имя. Стажёру,

доктору Уилкинсону, удалось выяснить, что в это время офис был закрыт, и что в нём проходила небольшая оргия.

Неделю спустя доктор Уилкинсон достал книгу, взятую незадолго до этого в библиотеке. Это был сборник загадочных случаев, взятых из современных газетных статей, и третья история, «Исчезнувшая девушка», была такова:

В 1915 году Дельфис, штат Нью-Йорк, был старым городком с большими выцветшими домами, построенными в далёком прошлом на тенистых лужайках, — совсем не похожим на деревушки Лонг-Айленда и Нью-Джерси, где даже воскресенье — лишь тревожное затишье меж грохотом поездов. Во время войны здесь произошло убийство, а в 1922-м бандиты ограбили гараж. Затем долгое время ничего не происходило, пока однажды Гвендолин Дэвис не покинула отчий дом и не исчезла с лица земли.

Она была дочерью бедного врача и самой очаровательной девушкой в городке. У неё было смелое, яркое лицо, от которого было не оторвать взгляда, золотистые волосы и губы нищенки, которая не стала бы побираться. Последним, кто видел Гвен Дэвис, был начальник станции, который укладывал в поезд её чемодан. Она легкомысленно сказала ему, что уезжает ради семьи — ей не хотелось «поднимать шумиху», — но скандала вокруг неё так и не разразилось. По прибытии в Нью-Йорк она должна была отправиться прямо в рекомендованный ей пансионат, расположенный возле колледжа. Но она не появилась там — просто растворилась, как тень, в тёплой сентябрьской ночи.

«Рост пять футов и пять дюймов, вес сто шестнадцать фунтов. Черты лица правильные и приятные. Левый глаз чуть больше правого. Была одета в синий дорожный костюм и красную шляпку с кожаной отделкой. Яркая личность. Просим вас внимательно присмотреться, не видели ли вы эту девушку, родители которой потрясены её исчезновением».

Она была одной из многих тысяч потерявшихся девушек, но её красота вкупе с тем, что отец её был уважаемым врачом, сделали из этого новость. Таблоиды кричали, что это «звоночек»; «это первородный грех», — вещали с кафедры; «попомните наши слова», — говорили жители Дельфиса, выстраивая дичайшие предположения о том, что кто-то знает больше, чем счёл нужным поведать. Некоторое время в Дельфисе царил такое же уныние, как в Гамельне после прихода и ухода Крысолова: когда оркестр играл «Babes in the Woods» или «Underneath the Stars», юноши совершенно забывали своих партнёрш и твердили без устали, что любили только Гвен и никогда не полюбят другую.

Спустя несколько лет нью-йоркский инцидент канул в небытие, а дело Гвен Дэвис лишь на один день вернулось в газеты, когда кто-то заявил, что недавно видел её или её двойника в некоем нью-йоркском автомобиле; затем воды сомкнулись над ней — видимо, навсегда.

Доктор Уилкинсон был уверен, что это одна и та же персона. Сперва он хотел попробовать разыскать её, рассказав эту историю газетчикам, но он был молодым человеком, склонным к уединению, и эта идея была отложена

на дальнюю полку — как пьеса, которую он вечно собирался написать, и лето, которое собирался провести на Ривьере.

Но он не забыл: его постоянно преследовал образ девушки, медленно плывущей над вечерним городом, поддерживаемой восхитительным воздухом, квинтэссенцией золотой надежды, подобно взлетающему и нестабильному курсу акций. Она была той самой, которую какая-то частичка его всегда искала в кафе, на вечеринках, в театрах, когда его практичная жена спрашивала:

«Что глазеешь по сторонам, Харви? Видел кого-то из наших знакомых?»

Но он молчал.

Перевод Романа Олеговича Адрианова (лит. псевд. Элиас Отис, 93in39@gmail.com), Родился в 1978 г. в Калининграде, в нём и живет. Биолог по образованию, что сказывается и на его мировоззрении в целом, а порой и на творчестве. Пишет стихи с 7 лет, за это время становился лауреатом и победителем многочисленных городских и областных конкурсов, публиковался в сборниках и антологиях областного и российского уровня. В 2001 г. при поддержке Калининградского отделения Союза российских писателей издан сборник стихов «Трамвай до Мадагаскара», в 2003-м — самиздатовский сборник «Последний ангел». В 2014-м — целых три книги, «Ловцы Левиафанов» (крупная проза), «Обретение Рая» (малая проза) и «Ribedo» (поэзия), в 2015-м — новый сборник стихов «Двери», в 2018-м — «Затмения» и «Триптих». Редактор электронного литературного альманаха «Лалангамена» (2002-2006 гг. и снова с 2015 г.), оккультного журнала «Апокриф» (с 2003 по н. вр.). Автор крупнейшего на сей день русскоязычного палиндрома на 6000 знаков. Участник «Золотой сотни» по результатам фестиваля «Всемирный день поэзии» 2018 и 2019 гг. Награждён медалью «За развитие русской мысли» (2021) и «За жертвенное служение» (2022).

АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

**Christina Georgina Rossetti.
A Diamond Or A Coal?**

A diamond or a coal?
A diamond, if you please:
Who cares about a clumsy coal
Beneath the summer trees?
A diamond or a coal?
A coal, sir, if you please:
One comes to care about the coal
What time the waters freeze.

**Кристина Джорджина Россетти. Алмаз
или же уголь?**

Алмаз или же уголь?
Позвольте взять алмаз:
Кому есть дело до угля
Под кроной древа в летний час?
Алмаз или же уголь?
Мой выбор — уголь, сэр:
Нет лучше ничего угля
В холодный зимний день.

*Перевод Алёны Зубченко
(alena2007zubchenko@gmail.com), студентки 1
курса бакалавриата, направление «Зарубежная
филология», Самарский университет им.
Королёва. Это первый опыт перевода
английской поэзии, сама переводчица тоже
любит писать стихотворения. Перевод занял
второе место в номинации «английская поэзия»
(2024)*

**Кристина Джорджина
Россетти. Алмаза ли? угля?**

Алмаза ли? угля?
Алмаз — мой выбор прост!
Кто будет грубым рад углям
Под летний хор берёз?
Алмаза ли? угля?
Угля! к чему вопрос!
Пора подумать об углях,
Когда трещит мороз.

*Перевод Романа Олеговича
Адрианова (лит. псевд. Элиас
Отис, 93in39@gmail.com).*

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО

HEМЕЦКАЯ ПРОЗА

Marc-Uwe Kling. Die Känguru–Chroniken. Das Känguru von gegenüber

Ding Dong. Es klingelt. Ich gehe zur Tür, öffne und stehe einem Känguru gegenüber. Ich blinzle, kucke hinter mich, schaue die Treppe runter, dann die Treppe rauf. Kucke geradeaus. Das Känguru ist immer noch da.

»Hallo«, sagt das Känguru.

Ohne den Kopf zu bewegen, kucke ich noch mal nach links, nach rechts, auf die Uhr und zum Schluss auf das Känguru.

»Hallo«, sage ich.

»Ich bin gerade gegenüber eingezogen, wollte mir Eierkuchen backen, und da ist mir aufgefallen, dass ich vergessen habe, Eier zu kaufen...«

Ich nicke, gehe in die Küche und komme mit zwei Eiern zurück.

»Vielen lieben Dank«, sagt das Känguru und steckt die Eier in seinen Beutel.

Ich nicke, und es verschwindet hinter der gegenüberliegenden Wohnungstür. Mit meinem linken Zeigefinger tippe ich mir mehrmals auf meine Nasenspitze — und schließe die Tür.

Bald darauf klingelt es wieder. Sofort reiße ich die Tür auf, denn ich stehe immer noch dahinter.

»Oh!«, sagt das Känguru überrascht. »Das ging aber schnell. Äh... Gerade ist mir aufgefallen, dass ich auch noch kein Salz habe ...«

Das Känguru von gegenüber.

Ich nicke, gehe in die Küche und komme mit einem Salzstreuer wieder.

»Vielen Dank! Wenn Sie vielleicht noch ein wenig Milch und Mehl hätten...«

Ich nicke und gehe in die Küche. Das Känguru nimmt alles, bedankt sich und geht. Zwei Minuten später klingelt es wieder. Ich öffne und halte dem Känguru Pfanne und Öl hin.

»Danke«, sagt das Känguru, »gut mitgedacht! Wenn Sie vielleicht noch einen Schneebesen hätten oder ein Rührgerät ...«

Ich nicke und gehe los. »Und vielleicht eine Schüssel zum Mixen?«, ruft mir das Känguru hinterher.

Zehn Minuten später klingelt es wieder.

»Kein Herd ...«, sagt das Känguru nur.

Ich nicke und gebe den Weg frei.

»Gleich rechts«, sage ich.

Das Känguru geht in die Küche, und ich folge ihm. Es stellt sich so ungeschickt an, dass ich die Pfanne übernehme.

»Wenn Sie vielleicht noch etwas zum Füllen hätten...«, sagt das Känguru. »Buntes Gemüse oder gar Hackfleisch?«

»Hackfleisch müsste ich erst kaufen«, sage ich.

»Kein Problem. Ich hab Zeit«, sagt das Känguru. »Es ist eh besser, wenn der Teig noch etwas Luft bekommt.«

Ich nehme den Schlüssel vom Haken.

»Aber nicht zu Lidl!«, ruft mir das Känguru hinterher. »Die Arbeitsbedingungen da sind unter...«

Ich gehe also zum Metzger und kaufe Hackfleisch. Als ich wieder ins Haus komme, begegnet mir die Nachbarin von unten.

»Ham Se den Neuen jesehen?«, fragt sie.

Ich nicke.

»Na, der ist ja wohl och nich von hier, wa?«, fragt sie und kratzt sich an ihrem Hitlerbärtchen. Natürlich hat sie nicht wirklich einen Bart. Es ist eher ein Flaum. Ein Hitlerfläumchen. »Bald übanehm die verdammten Türken dit ganze Haus.«

Ich schaue noch mal genauer hin. Hm. Vielleicht ist es doch ein Bärtchen.

»Wat kieken Se denn so?«, fragt sie.

»Ich glaube, es kommt aus Australien«, sage ich.

»Hm. Australien sag'n Se. Kann och sein. Aba ejal woher. Dieser Islam macht mir jedenfalls ganz narvös.«

Марк-Уве Клинг. Новый сосед

Звенит звонок. Иду к двери, открываю — а там... кенгуру. Моргаю, оглядываюсь, пробегаю глазами вверх-вниз по лестнице. Гляжу прямо перед собой. Кенгуру собственной персоной.

— Здравствуйте, — говорит.

Не двигая головой, снова гляжу по сторонам, на часы, и наконец, на него.

— Здравствуйте, — отвечаю.

— Я ваш новый сосед, из квартиры напротив. Хотел испечь блины, а яйца купить забыл...

Киваю, иду на кухню и приношу оттуда пару яиц.

— Спасибо огромное, — берёт и прячет их в сумку.

Киваю, и кенгуру уходит в соседнюю квартиру. Потираю пальцем кончик носа — и закрываю дверь.

Опять звенит звонок. Открываю сразу, потому что ещё не успел отойти от двери.

— Ого, как быстро, — удивляется кенгуру. — Видите ли, у меня, оказывается, и соли нет...

Киваю, иду на кухню за солонкой.

— Большое спасибо! Ещё бы немножечко молока и муки...

Киваю, иду на кухню. Кенгуру всё берёт, кланяется и уходит. Минуты через две опять звонит. Открываю, протягивая сковороду и масло.

— Спасибо, — говорит, — как вы догадались? Ещё бы венчик или миксер...

Киваю — и на кухню.

— И миску заодно, — кричит вдогонку.

Минут через десять опять звонит.

— Нет плиты, — заявляет.

Киваю и отступаю в сторону:

— Пожалуйста, направо.

Кенгуру идёт на кухню, я за ним. Начинает готовить, но так неумело, что не выдерживаю и сам становлюсь к плите.

— Добавить бы в тесто чего-нибудь, — говорит кенгуру. — Овощей всяких, а лучше мясного фарша.

— Фарша нет. Надо купить, — отвечаю.

— Не вопрос. Подожду, — говорит. — Пускай тесто ещё подышит.

Снимаю с вешалки ключ.

— Только не в супермаркет! — кричит вдогонку. — Там ужасные условия труда!

Иду на рынок и покупаю фарш. На обратном пути встречаю соседку снизу.

— Видали нового жильца? — спрашивает.

Я киваю.

— Небось, и этот не нашенький, ага? — спрашивает соседка, теребя гитлеровские усики. На самом деле у неё, конечно, нет усов. Скорее пушок. Гитлеровский пушок. — Ох, турки клятые! Того и гляди весь дом заграбастают.

Присматриваюсь повнимательнее. Хм. Может быть, всё-таки усы.

— Чего пялитесь-то? — спрашивает.

— Он, вроде, из Австралии, — говорю.

— Хм. Вот как? Ну, из Австралии, так из Австралии. Откуда он, мне без разницы. По-любому этот ислам у меня в печёнках сидит.

Перевод Анны Ивлевой (av26lyalina@rambler.ru). Родилась в г. Шостка Сумской области. Закончила Киевский государственный экономический университет и Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва). Работала ведущим специалистом в Шосткинском райфинуправлении. С 2011 г. проживает в Москве. Победительница конкурсов переводов: Магаданской областной библиотеки 2021 г. по английской прозе, "Читающий Петербург" 2022 г. по английскому языку (Ирландия). Перевод занял первое место в номинации «немецкая проза» (2024)

Марк-Уве Клинг. Кенгуру напротив

Дин-донг. Раздался звонок. Я подошел к двери и открыл — напротив стоял кенгуру. Я моргнул, обернулся, взглянул на лестницу, ведущую вниз, затем на лестницу, ведущую вверх. Уставился прямо. Кенгуру все еще был здесь.

«Привет», — сказал кенгуру.

Не двигая головой, я еще раз посмотрел налево, направо, на часы и наконец на кенгуру.

«Привет», — ответил я.

«Я только что переехал в квартиру напротив, собрался испечь омлет, но до меня дошло, что я забыл купить яйца».

Я кивнул, сходил на кухню и вернулся с двумя яйцами.

«Огромное спасибо», — произнес кенгуру и запрятал яйца в свою сумку.

Я кивнул, и он исчез за дверью квартиры, напротив. Указательным пальцем левой руки я несколько раз коснулся кончика своего носа и закрыл дверь.

Вскоре звонок раздался снова. Я немедленно открыл, так как все еще стоял за дверью.

«О! — удивленно воскликнул кенгуру. — Так быстро. Эм...я тут обнаружил, что у меня и соли нет...».

Я кивнул, прошел на кухню и вернулся с солонкой.

«Благодарю! Если бы у Вас нашлось еще немного молока и муки...».

Я кивнул и пошел на кухню. Кенгуру взял все, отблагодарил и ушел. Двумя минутами позже в дверь позвонили снова. Я открыл, протянув сковородку и масло.

«Спасибочки, — ответил кенгуру, — как предусмотрительно! А может быть, у Вас еще найдется венчик или миксер...».

Я кивнул и пошел.

«И, может, миска для взбивания?» — крикнул мне вслед кенгуру.

Через десять минут звонок раздался снова.

«Плиты нет...», — только и сказал кенгуру.

Я кивнул и уступил дорогу.

«Сразу направо», — произнес я.

Кенгуру прошел на кухню, я проследовал за ним. Он так неуклюже приступил к готовке, что я перехватил у него сковородку.

«Если бы у Вас нашлось еще что-нибудь для начинки... — начал кенгуру — Овощная смесь или, возможно, даже фарш?»

«Фарш следует сначала купить», — ответил я.

«Без проблем, время у меня есть, — сказал кенгуру, — будет даже лучше, если тесто насытится воздухом».

Я снял ключ с крючка.

«Но только не в Лидл! — крикнул мне вслед кенгуру. — Там невыносимые условия труда...».

Итак, я сходил к мяснику и купил фарш. Когда я возвращался домой, мне встретила соседка снизу.

«Вы видели новенького?» — произнесла она с сильным берлинским акцентом.

Я кивнул.

«Ну он, видно, не местный, как думаете?» — сказала она, почесав свои гитлеровские усики. Разумеется, это были не настоящие усы. Скорее пушок. Гитлеровский пушок.

«Проклятые турки скоро захватят весь дом».

Я присмотрелся повнимательнее. Хм. Возможно, это все-таки усики.

«Чего Вы так смотрите?» — спросила она.

«Я думаю, он из Австралии», — ответил я.

«Хм. Австралия, говорите. Тоже может быть. Но без разницы откуда. В любом случае этот ислам меня уже достал».

Перевод Елизаветы Язевой (yazevaelizaveta@yandex.ru). Работает в сфере общественного транспорта, в качестве хобби занимается переводом художественной литературы с немецкого языка. Причисляет себя к начинающим переводчикам, планирует планомерно развиваться в этой области, осмысливая в своих переводах логичность и структурированность немецкой грамматики, а также лексическое многообразие языка. Перевод занял второе место в номинации «немецкая проза» (2024)

Марк-Уве Клинг. Кенгуру из квартиры напротив

Динь-дон. Звонят. Иду к двери, открываю и вижу кенгуру. Хлопаю глазами, оглядываюсь через плечо, смотрю на лестницу вверх, затем вниз. Гляжу перед собой. Кенгуру все еще там.

— Привет, — говорит кенгуру.

Не поворачивая головы, еще раз смотрю влево, вправо, на часы и наконец на кенгуру.

— Привет, — отвечаю я.

— Я только что въехал в квартиру напротив и хотел приготовить блинчики, но тут вспомнил, что забыл купить яйца...

Киваю, иду на кухню и возвращаюсь с парой яиц.

— Большое спасибо, — говорит кенгуру и сует яйца в сумку.

Киваю, животное исчезает за дверью напротив. Я несколько раз стучу левым указательным пальцем по кончику носа — и закрываю дверь.

Вскоре снова звонок. Я не успел отойти и тут же открываю.

— О! — говорит удивленно кенгуру. — Как быстро! Э-м-м...я тут вспомнил, что забыл еще и соль...

Киваю, иду на кухню и возвращаюсь с солонкой.

— Большое спасибо! Может, у вас еще найдется немного молока и муки...

Киваю, иду на кухню. Кенгуру забирает всё, благодарит и уходит. Через две минуты снова звонок. Открываю, протягиваю кенгуру сковородку и масло.

— Спасибо! — говорит кенгуру. — Как вы догадались? Может быть, у вас еще будет венчик для взбивания или миксер...

Киваю и ухожу.

— И еще миска! — кричит мне вслед кенгуру.

Через десять минут снова звонок.

— Нет плиты..., — только и говорит животное.

Киваю и даю ему пройти.

— Сразу направо, — предупреждаю.

Кенгуру направляется в кухню, я следую за ним. Но животное такое неуклюжее, что мне приходится взять у него сковородку.

— У вас найдется начинка? — говорит кенгуру. — Овощи или, быть может, фарш?

— Фарш надо купить, — отвечаю я.

— Ничего страшного, я не тороплюсь, — говорит кенгуру. — Для теста даже лучше, если оно постоит.

Беру ключ с крючка.

— Но только не в «Лидл!»¹ — кричит кенгуру вдогонку. — Условия труда там...

В общем, иду в мясную лавку и покупаю фарш. На обратном пути встречаю соседку снизу.

— Видали нового? — спрашивает она.

Киваю.

— Он, поди, тоже не отсюда? — говорит соседка и треплет свои гитлеровские усики. Конечно, усы у нее не настоящие. Скорее, пушок. Гитлеровский пушок.

— Эти чертовы турки скоро весь дом заполонят.

Пристально смотрю на нее. Гм. Возможно, это все же усы.

— Чего это вы всё глаза таращите? — спрашивает она.

— Думаю, он из Австралии, — отвечаю я.

— Из Австралии говорите. Кто их разберет! Все равно откуда. Эти мусульмане уже в печёнках у меня сидят.

Перевод Марины Юрьевны Васильевой (marinotshka2008@yandex.ru). Живет в Казани, преподаватель кафедры иностранных языков и перевода Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова, соискатель кафедры контрастивной лингвистики Казанского (Приволжского) федерального университета. Участница переводческих семинаров Гёте-института (мастер И. С. Алексеева), школы «Азарт» (мастер М. В. Зоркая), курсов по художественному переводу Creative Writing School (мастера И. С. Алексеева, А. Филиппов-Чехов, В. В. Котелевская). Переводит художественную и научно-популярную литературу с немецкого языка. Перевод занял третье место в номинации «немецкая проза» (2024)

Марк-Уве Клинг. Хроники кенгуру. Кенгуру по соседству

Динь-дон. Звонят. Подхожу к двери, открываю её и оказываюсь лицом к лицу с кенгуру. Моргаю, озираюсь назад, смотрю вниз по лестнице, затем вверх по лестнице. Смотрю прямо перед собой. Кенгуру всё ещё здесь.

— Привет, — говорит кенгуру.

Не двигая головой, смотрю налево, направо, на часы и, наконец, на кенгуру.

— Привет, — отвечаю я.

— Я только что въехал в квартиру напротив и захотел испечь блины, но понял, что забыл купить яйца.

---

¹ Крупная немецкая сеть супермаркетов-дискаунтеров (примечания переводчика).

Я киваю, иду на кухню и возвращаюсь с двумя яйцами.

— Большое спасибо, приятель, — благодарит кенгуру и кладёт яйца в сумку.

Я снова киваю, и он исчезает за дверью соседней квартиры. Несколько раз постукиваю себя по кончику носа указательным пальцем левой руки — и закрываю дверь. Вскоре снова раздаётся звонок. Я тут же открываю дверь, потому что всё ещё стою перед нею.

— О! — удивлённо восклицает кенгуру. — Так быстро. Э-э... Я только что заметил, что у меня нет ещё и соли...

Я киваю, иду на кухню и возвращаюсь с солонкой.

— Огромное Вам спасибо! Если бы у Вас ещё было немножко молока и муки...

Я киваю и иду на кухню. Кенгуру забирает всё, благодарит и уходит. Через пару минут снова звонок в дверь. Я открываю и протягиваю кенгуру сковороду и масло.

— Благодарю, — говорит кенгуру, — отлично придумано! Если у Вас ещё найдётся венчик или миксер...

Я киваю и собираюсь идти.

— А может, ещё и миска, чтобы всё смешать? — кричит мне вслед кенгуру.

Через десять минут снова звонок.

— Плиты нет... — только и успевает сказать кенгуру. Я киваю и уступаю ему дорогу.

— Прямо и направо, — объясняю я.

Кенгуру направляется на кухню, и я следую за ним. Получается так неуклюже, что я хватаюсь за кастрюлю.

— Было бы ещё чем её наполнить, — вздыхает кенгуру. — Разные овощи или, может быть, фарш?

— Фарш не помешало бы сначала купить, — отвечаю я.

— Без проблем, — говорит кенгуру. — Я никуда не спешу. Всё равно тесту надо ещё немного надышаться.

Я снимаю ключ с крючка.

— Только не к Лидлу! — кричит мне вслед кенгуру. — Условия труда там так себе...

В общем, я иду к мяснику и покупаю фарш. Вернувшись в подъезд, встречаю соседку снизу.

— Видели этого нового парня? — интересуется она.

Я киваю.

— Он, наверное, не отсюда? — спрашивает она, почёсывая гитлеровские усики. Конечно, на самом деле это не усики. Так, скорее пух. Гитлеровский пушок.

— Скоро чёртовы турки захватят весь дом.

Я присматриваюсь повнимательнее. Хм. Может быть, всё-таки даже усики.

— Что же это творится? — спрашивает она.

— Думаю, он из Австралии, — отвечаю я.

— Хм. Из Австралии, говорите... Может быть, может быть. Знамо дело, оттуда. Так или иначе, этот ислам меня просто бесит.

Перевод Романа Олеговича Адрианова (лит. псевд. Элиас Отис, 93in39@gmail.com).

НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ

Ilma Rakusa. Versuch einer Heimatbestimmung

Heimat ist
jenes bergende Gras
das Haus dort mit dem verkrüppelten Dach
der Wind den du isst wie trockenen Staub
Vater Mutter verwehtes Laub
das Märchenbuch das nach Honig riecht
der Mohnkuchen der Erinnerung wiegt
das traurige Lied vom verlorenen Hahn
das Fernweh das nicht ankommen kann
der Glanz in den Augen des Friends
die Liebe die nichts bereut
was du dir selbst bist in schlafloser Nacht
oder unterwegs zwischen Himmel und Schacht
die Stimme des einzigen Sohns
ein Vers mit eigenem Ton
das Gedächtnis das Tiefen auftut
der Lichthase in sicherer Hut
Sommer Herbst und blauweisser Schnee
die lachend weinende Zeit die nie steht.

Ильма Ракуза. Опыт родинотворчества

Родина — это
до шеи трава
дом с покосившейся крышей, кровать
ветер, глотающий серую пыль
мать и отец раздвигают ковыль
сборник рассказов, что мёдом пропах
маковый коржик хрустит на зубах
грустную песню заводит петух
радость дорог, приключения дух

блещут восторженно друга глаза
нежность, в которой нет места слезам
тот, каким стал ты, несломленный сном
иль на пути между небом и дном
сын, что гуляет с тобой у раки
стих, что ложится в ложбину строки
бурная памяти детской река
солнечный зайчик в надёжных руках
лето, и осень, и падает снег
смеха и плача негаснувший бег

Перевод Романа Олеговича Адрианова (лит. псевд. Элиас Отис, 93in39@gmail.com). Перевод занял второе место в номинации «немецкая поэзия» (2024)

Ильма Ракуза. Что же такое Родина

Родина — это
та высокая трава
старый дом где крыша протекла
ветер что пылью покрывает с головы до ног
папа мама опавший листок
запах детской книжки
и теплой медовой коврижки
о пропавшей собаке грустная песня
когда дальняя дорога тебе неинтересна
лучшего друга веселый взгляд
любовь от которой глаза горят
грезы твои в бессонную ночь
или когда ушел куда-то прочь
единственного сына первые слова
рифма знакомая с детства
воспоминания что хранятся глубоко в душе
солнечный зайчик на стене
лето осень и белоснежная зима
веселые и грустные уходящие времена.

Перевод Ксении Ничипорук (k.nichyporuk@gmail.com). Родилась и выросла в г. Бресте (Белоруссия), окончила Минский государственный лингвистический университет, любит лингвистику и искусство перевода. Перевод занял третье место в номинации «немецкая поэзия» (2024)

**Илма Ракуса. Что такое Родина?
Попытка определения**

Родина – это заветные травы,
Домик под крышей совсем обветшалою,
Пыльного ветра волнующий вкус,
Папы и мамы забота и грусть.
Книжечка сказок, пропахшая мёдом,
Маковый штрудель с памятью рода,
Грустная песня дружка-петушка,
Жажда дорог, что со мною пока.
Радость в глазах закадычного друга,
Свет от любви, что дарила подруга,
Мысли в бессонной ночи: Кто я есть
В жизни, что в пропасть бросает с небес.
Родина – смех долгожданного сына,
Память, которой подвластны глубины,
Строк стихотворных авторский почерк,
Солнечный зайчик, что в танце хохочет,
Летняя осень, снег белый в лазури,
Время, что мчится сквозь радость и бури.

Перевод Нины Васильевны Лучкиной (luckinanina2@gmail.com), занял третье место в номинации «немецкая поэзия» (2024).

ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОЗА

Jacques-Émile Blanche.

Propos de Peintre. De David a Degas. Fantin-Latour

A cette époque-là, les peintres avaient un amour de leur métier, qui ne les empêchait pas de regarder, de s'intéresser et de rendre justice à tout confrère auquel ils reconnaissaient une valeur. Degas, Manet, visitaient aussi le Salon annuel avec soin, tout convergeait vers le Salon; seuls s'en écartaient ceux qui, comme les impressionnistes, essayèrent, étant déjà connus, d'y faire recevoir un tableau. Manet n'y renonça jamais; sa plus grande joie eût été d'obtenir la médaille d'honneur. Aussi, les membres du jury dont on se moquait entre soi, avaient-ils malgré tout un prestige national.

Les séances de ce jury pour la préparation des «récompenses» à donner, prenaient des semaines; on voyait ces messieurs, précédés de gardiens, passer d'une galerie dans l'autre, les rideaux se refermaient à la porte de la salle, une sonnette était agitée par le président. Ces formalités étaient solennelles et des centaines d'artistes tâchaient d'apprendre leur sort, par quelque -18-employé du Ministère des Beaux-Arts; ils rôdaient dans le Palais de l'Industrie, en attendant une médaille ou une «mention honorable» qui leur assurât une année prospère.

On imagine difficilement aujourd'hui ce qu'il fallut d'audace au petit groupe dit des *Impressionnistes*, pour exposer, à part, dans un immeuble dont ils essuyaient les plâtres.

Cette audace inquiétait Fantin. Or, je ne sais encore si cet homme si intelligent était sincère quand il traitait Renoir de «malade», les impressionnistes de «dévoyés.» Il les tenait pour immoraux, il en avait peur comme un homme chaste de la volupté. Je croirais plutôt qu'il les aimait et qu'il se défendit de se le dire à lui-même.

Je rappelais, au commencement de cette étude, le désarroi d'avant 1914, la rapidité avec laquelle se succédaient les théories d'art. On en était à ce point où l'imitation de la nature était tenue pour «inartistique», le portrait peint, pour inférieur à la photographie, et aussi commercial.

Or Fantin était portraitiste, un scrupuleux copiste de la nature; s'il se plaisait à la peinture pour la peinture, il redoutait «les excès du tempérament» disait-il avec ironie, et préféra l'asservissement du réalisme, la soi-disant platitude du «rendu», aux extravagances chromatiques, à la déformation de la ligne, à la recherche du ton rare, et à «l'originalité obtenue coûte que coûte.»

Il aurait été fustigé par «la critique d'avant-garde», ne fût-ce son passé de «raté»—disons mieux—de *méconnu*, et s'il avait eu une clientèle d'Américains ou de personnages officiels.

Sa retraite farouche dans le vieil atelier dont il faisait lui-même «le ménage»—ceci peut sembler ridicule, mais c'est exact—ajoutait à sa légende, et rassurait ceux qui croient que le génie est réservé aux humbles.

Жак-Эмиль Бланш о Фантен-Латуре. Фрагмент очерка

То было время, когда любовь к ремеслу не мешала художникам смотреть работы товарищей по цеху, выказывать к ним интерес и воздавать должное всякому, в ком они находили достоинства. Дега и Мане тоже не пропускали ежегодный Салон — все пути вели в Салон; не стремились туда лишь те, кто, подобно импрессионистам, чьи имена были уже на слуху, однажды пытались пройти суровый отбор. Мане никогда не отказывался от участия; Почетная медаль доставила бы ему величайшую радость. Да и члены жюри, пусть над ними между собой и посмеивались, пользовались безусловным авторитетом в обществе.

Заседания жюри по распределению наград длились неделями; следуя за зрителями, господа-эксперты переходили из галереи в галерею. И вот, наконец, портьеры перед входом в зал смыкались, звенел колокольчик председателя. Торжественный ритуал соблюдался неукоснительно, и сотни художников тщились вызнать хоть что-нибудь о своей участи через какого-нибудь мелкого клерка Министерства изящных искусств, слоняясь по Дворцу промышленности в ожидании медали или «почетного упоминания», ведь это обеспечило бы им безбедное существование на весь следующий год.

Сегодня и представить трудно, сколько отчаянной смелости потребовалось горстке тех, кого прозвали «импрессионистами», чтобы выставиться независимо, по другому адресу, принимая на себя риски первопроходцев на неизведанной территории.

Подобная дерзость тревожила Фантена. Я и теперь не уверен, был ли этот умнейший человек искренен, называя Ренуара «больным», а импрессионистов — «хулиганами». Он считал их «бесстыдниками», боялся, как целомудрие боится сладострастия. Мне же кажется, что он их нежно любил, но запретил сам себе в этом признаваться.

В начале этого очерка я уже упоминал о смятении в художественной критике предвоенных лет, о скорости, с которой очередная теория искусства сменяла предыдущую. Дошло до того, что подражание действительности и вовсе не почиталось за искусство, а живописный портрет ставился ниже фотографии и признавался таким же коммерческим жанром.

Между тем, Фантен был «портретистом», скрупулезным копировщиком натуры; и если его увлекала живопись ради живописи, то «выплески темперамента», как он иронично выражался, его пугали - верный слуга реализма, скучную точность передачи он предпочитал колористическому сумасбродству, искажению линии, поиску редкого тона и «оригинальничанью любой ценой».

«Критики-авангардисты» разнесли бы Фантена в пух и прах, если бы не его прошлое «неудавшегося», или, скажем лучше, *непризнанного* художника, и найдись среди его покупателей американцы или высокопоставленные чиновники.

Как ни забавно, но утрюмое затворничество в старой мастерской, где он сам «наводил порядок», лишь укрепляло миф Фантена, а заодно и уверенность у тех, кому нравится думать, что без смирения не может быть и таланта.

Перевод Анны Хильми (a.hilmi@mail.ru). Родилась и живет в Санкт-Петербурге, окончила факультет иностранных языков ЛГПИ (теперь РГПУ) им. А. И. Герцена по специальности французский и немецкий языки. Владеет также английским и шведским. Профессиональная жизнь всегда была связана с языком, в том числе с устным переводом, но опыта перевода в полном смысле художественной литературы не было, хотелось попробовать свои силы. Лауреат конкурса INALCO RUSSE OPEN-2023. Перевод занял первое место в номинации «французская проза» (2024)

Жак-Эмиль Бланш. О художниках. От Давида до Дега. Фантен-Латур

В то время художники были влюблены в свое ремесло, что не мешало им смотреть, интересоваться и отдавать должное тем из своих собратьев, чьи работы были достойны внимания. И Дега, и Мане непременно посещали ежегодный Парижский салон, бывший средоточием художественной жизни. Держались обособленно лишь те, кто пытался выставлять в Салоне свои полотна, уже будучи известным, как, например, импрессионисты. Мане не пропускал ни одного Салона: получить Почетную медаль было бы для него величайшей радостью. Стало быть, несмотря на насмешки, которыми их осыпали в разговорах между собой, члены жюри пользовались общепризнанным авторитетом.

Заседания, где решалось, кому присудить «поощрение», длились неделями. Члены жюри в сопровождении зрителей шествовали через галереи, на дверях залы задергивались шторы, председатель звонил в колокольчик. Вся процедура была исполнена торжественности; сотни художников пытались узнать свою судьбу через какого-нибудь служащего Министерства изящных искусств, претенденты бродили по Дворцу промышленности в предвкушении медали или звания «особо отмечен», которые обеспечили бы им безбедный год.

Сегодня едва ли можно себе представить, сколько храбрости потребовалось маленькой группе людей, называвших себя *импрессионистами*, чтобы первыми выставить свои полотна отдельно от всех, в новом салоне.

Фантена эта смелость тревожила. Однако я до сих пор не знаю, был ли этот умнейший человек искренен, когда называл Ренуара «сумасшедшим», а импрессионистов «заблудившимися». Он находил их *безнравственными* и страшился, как целомудренный сладострастия. Но мне кажется, что в действительности он любил их, просто запретил себе в том признаваться.

В начале очерка я уже упоминал о смятении, которое царило в 1914 году, о том, насколько быстро в искусстве одна теория сменяла другую. Дошло до того, что подражание природе стало считаться «нехудожественным», а о

живописном портрете говорили, что он не только уступает фотографии, так еще и создается только ради денег.

А ведь Фантен был именно *портретистом*, то есть тем, кто точно отображает действительность. Хотя он любил живопись ради самой живописи, он сторонился того, что с иронией называл «излишками темперамента», а суровость реализма и пресловутое заурядное «воспроизведение» находили в нем больший отклик, нежели экстравагантная палитра, изогнутые линии, необычные тона и оригинальность «любой ценой».

Он мог бы стать объектом суровой «критики авангарда», если бы не его прошлое «неудачника» (или, скажем мягче, *непризнанного*), если бы его покупали американцы или кто-то из чиновников от искусства.

Дикарское затворничество в старой мастерской, где он сам «хозяйничал» — может показаться странным, но это именно так — способствовало его превращению в легенду и внушало надежду тем, кто полагал, что гений должен быть скромным.

Перевод Анны Демидовой (frenjar@yandex.ru). Окончила переводческий факультет Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова по специальности «лингвист-переводчик», рабочие языки — французский, японский, английский. Победитель конкурсов «Читающий Петербург-2022 (японский язык) и INALCO RUSSE OPEN-2023 (французский язык). Перевод занял третье место в номинации «французская проза» (2024)

Жак-Эмиль Бланш. О художнике. От Давида до Дега: Фантен-Латур (Отрывок)

...В те времена художники любили свою профессию, что не мешало им интересоваться, рассматривать и отдавать должное любому коллеге, в котором они признавали ценность. Дега, Мане тоже старательно посещали ежегодный Салон, все они встречались в Салоне; туда попадали только те, кто, подобно импрессионистам, старался, уже добившись известности, получить там площадку. Мане никогда не пренебрегал этим; он с превеликим удовольствием рад был бы получить там почётную медаль. И, несмотря ни на что, члены жюри, над которыми посмеивались между собой, пользовались авторитетом национального масштаба.

Заседания этого жюри, посвящённые подготовке «наград» к вручению, длились неделями; было видно, как эти господа в сопровождении охраны переходят из галереи в галерею, занавес на дверях комнаты задёргивается, председатель звонит в колокольчик. Эти формальности были торжественными, и сотни художников пытались узнать свою судьбу у какого-то восемнадцатилетнего сотрудника Министерства изящных искусств; они слонялись по Дворцу промышленности в ожидании медали или «почётного упоминания», которое обеспечило бы им год благоденствия.

Сегодня трудно представить, сколько смелости потребовалось от маленькой группы, известной как *импрессионисты*, чтобы добиться отдельной выставки в том здании, с которого они сдирали штукатурку.

Эта дерзость встревожила Фантена. Однако я до сих пор не знаю, был ли искренен этот весьма умный человек, называя Ренуара «больным», а импрессионистов — «заблуждающимися». Он считал их безнравственными, боялся их, как целомудренный человек — удовольствий. Я скорее поверю, что они нравились ему, но он боялся признаться в этом даже самому себе.

В начале этого исследования я упомянул о хаосе накануне 1914 года, о том, как быстро, одна теория искусства сменяла другую. Дело дошло до того, что подражание натуре стало считаться «нехудожественным», нарисованный портрет — уступающим фотографии и слишком коммерциализированным.

Однако Фантен был *портретистом*, скрупулёзным копировщиком натуры; хотя он любил живопись ради живописи, он боялся «излишеств темперамента», как он иронически называл это, и предпочитал подчинение реализму, так называемую банальность «образа», хроматическим излишествам, искажению линий, стремлению к редким тонам и «оригинальности любой ценой».

Его бы раскритиковали «критики авангарда», если бы не его прошлое как «неудачника» — или, скажем так, как *неизвестного*, — и если бы не его клиентура из американцев или чиновников.

Его строгое уединение в старой мастерской, «уборкой» в которой занимался он сам, — забавно, но факт, — добавило штрихов к его легенде и успокоило тех, кто верит, что гений предназначен лишь смиренным.

Перевод Романа Олеговича Адрианова (лит. псевд. Элиас Отис, 93in39@gmail.com).

Жак-Эмиль Бланш. От Давида до Дега. Фантен-Латур

В те времена художников отличала любовь к своему ремеслу, она не мешала им наблюдать, интересоваться и отдавать должное творчеству каждого своего товарища, которого они признавали талантливым. Дега и Мане участвовали также и в ежегодном Салоне, все дороги вели к Салону, и по ним не шли лишь те, кто, как импрессионисты, уже были известными, когда пытались представить там свои картины. Мане эта мысль так никогда и не покинула, получить почетную медаль Салона было бы для него высшей радостью. Между собой художники подсмеивались над членами жюри, но последние, несмотря ни на что, имели вес в обществе.

Заседания жюри, на которых обсуждались будущие «награды», длились неделями; можно было видеть, как эти господа шествуют из одной галереи в другую в сопровождении привратников, как за ними закрывается занавес на входе в зал, и слышно было, как звонит колокольчик в руках председателя. Эти формальности соблюдались с великой торжественностью, и сотни

художников пытались узнать об ожидающем их решении, обращаясь к тому или иному служащему Министерства изящных искусств. Художники бродили по коридорам Дворца промышленности в надежде получить медаль или «почетное упоминание», счастливый билет на процветание в будущем году.

Сегодня трудно даже представить, сколько смелости понадобилось маленькому сообществу, назвавшемуся *Импрессионистами*, чтобы начать выставляться самостоятельно, в помещении, неудобства которого они испытали вполне.

Фантена беспокоила смелость импрессионистов. Я и сейчас не могу сказать, был ли такой умный человек, как он, совершенно искренним, называя Ренуара «больным», а импрессионистов — «сбившимися с пути». Он считал их *безнравственными* и опасался их точно так же, как целомудренный человек бежит от сладострастия. Я бы скорее поверил в его любовь к ним — любовь, о которой он сам себе запретил говорить.

В начале моего очерка я вспоминал об атмосфере отчаяния накануне 1914 года, о теориях искусства, сменявших друг друга с необыкновенной быстротой. Мы дошли до того, что подражание природе считалось «нехудожественным», а живописный портрет — уступающим фотографии коммерческим заказом.

А Фантен был именно *портретистом*, щепетильно копировавшим природу: он любил живопись ради нее самой и избегал, по собственному ироничному выражению, «излишней темпераментности». Он предпочел участь раба реализма и так называемую банальную «передачу» натуры — стремлению к хроматической экстравагантности, к искажению линий, к поискам редкого тона и к «оригинальности чего бы это ни стоило».

Если бы среди его заказчиков были американцы или официальные лица, то «авангардная критика» его бы не пощадила, попутно вспомнив его «неудачное» или, лучше сказать, *малоизвестное* прошлое.

Фантен яростно затворился от мира в своей старой мастерской, которую сам «прибирал», — этот жест мог показаться смешным, но на деле стал частью легенды о художнике и успокоил тех, кто считает, что благодать гения дается лишь смиренным.

*Перевод Инны Геннадьевны Меркуловой (inna.merkoulova@yandex.ru). Кандидат филологических наук, доктор лингвистики (PhD, Франция). Доцент, основатель и руководитель Международного центра семиотики и диалога культур ГАУГН (Москва). Автор статей и книг на русском, французском, английском, испанском языках по лингвистике, семиотике культуры, французской литературе. Переводчик научных семиотических работ: Ж. Фонтаний, «Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души» (с французского, Москва, 2007), А. Ж. Греймас, «О несовершенстве» (с французского, Москва, 2022), Ю. М. Лотман, «Культура и взрыв» (на французский, J. Lotman, *L'explosion et la culture*, Limoges, 2004). В качестве переводчика художественной прозы выступает впервые. Перевод отмечен грамотой в номинации «французская проза» (2024)*

ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ

Raymond Queneau (1903—1976).
Adieu

Adieu ce grand pont ces horizontales
ses arches ses murs et ses escaliers
ses fers peints en rouge et ses
balustrades
adieu ce grand pont qui baigne ses pieds

adieu la maison et ses verticales
sa toiture mauve et ses volets gris
sa radio béante et dominicale
adieu la maison d'où je suis parti

adieu cette ville et sa vie oblique
ses pavés bien nus son asphalte noir
ses squelettes gras ses os méphitiques
adieu cette ville où meurt ma mémoire
(Marine, 1920—1930)

Рэймон Кено (1903—1976).
Прощай

Прощай старый мост на струне-
горизонте
ступени и стены и арочный свод
и столбики красных перил на излёте
прощай старый мост что по водам
бредёт

Прощай старый дом и его вертикали
лиловая кровля цветов на окне
трескучий транзистор господних
скрижалей
прощай старый дом не тоскуй обо
мне

Прощай старый город и жизнь по
наклонной
на голой брусчатке сухая трава
и жирные кости скелетов зловонных
прощай старый город где память
мертва
(Марин, 1920—1930)

*Перевод Натальи Бухтояровой
(imeza@yandex.ru). Музыкант, филолог,
переводчик. Любит ходить на концерты
классической музыки и писать о них.
Импровизирует в прозе на музыкальные
темы. Переводит стихи с английского и
французского на русский, а еще (когда
никто не видит) с русского на
английский. Мечтает делать всё
вышеперечисленное как можно чаще и
как можно больше. Перевод занял
первое место в номинации «французская
поэзия» (2024)*

Раймон Кено. Прощай

Прощай мой мост о горизонталь
ступеней арок и стен покой
его ограды краснеет сталь
прощай мой мост что омыт рекой

прощай мой дом его вертикаль
лиловость крыши и серость рам
приёмник старый отсюда вдаль
прощай мой дом я ушёл вчера

прощай мой город его постель
брусчатка голая и асфальт
его скелеты и гниль костей
прощай здесь память моя мертва

*Перевод Романа Олеговича Адрианова
(лит. псевд. Элиас Отис,
93in39@gmail.com). Перевод занял первое
место в номинации «французская
поэзия» (2024)*

Реймон Кено. Прощай

Прощай длинный мост и
горизонтали
и красная сталь винтов и стропил
арки и лестницы и балюстрады
моста что ступни в канал опустил

прощай старый дом и его вертикали
лиловая крыша над серым окном
где радио фоном в субботу
включали

прощай навсегда покинутый дом

прощай городская жизнь по
наклонной
черный асфальт нагота мостовых
широкий скелет из кости зловонной
где памяти нет моей больше в
ЖИВЫХ

*Перевод Маргариты Литвиненко
(litvinenko.mg@mail.ru). Выпускница
филологического факультета МГУ
(кафедра французского языкознания). В
настоящее время изучает поэзию
Симоны Вейль в Католическом
институте Парижа, переводит прозу и
поэзию, пишет стихи. Перевод занял
второе место в номинации
«французская поэзия» (2024)*

ПЕРЕВОДЫ С ИСПАНСКОГО

ИСПАНСКАЯ ПРОЗА

Vicente Blasco Ibáñez. Un silbido

El entusiasmo caldeaba el teatro. ¡Qué debut! ¡Qué *Lohengrin*! ¡Qué tiple aquella!

Sobre el rojo de las butacas destacábanse en el patio las cabezas descubiertas o las torres de lazos, flores y tules, inmóviles, sin que las aproximara el cuchicheo ni el fastidio; en los palcos silencio absoluto; nada de tertulias y conversaciones a media voz; arriba, en el infierno de la filarmonía rabiosa, llamado irónicamente paraíso, el entusiasmo se escapaba prolongado y ruidoso, como un inmenso suspiro de satisfacción, cada vez que sonaba la voz de la tiple, dulce, poderosa y robusta. ¡Qué noche! Todo parecía nuevo en el teatro. La orquesta era de ángeles: hasta la araña del centro daba más luz.

En aquel entusiasmo tomaba no poca parte el patriotismo satisfecho. La tiple era española, la López, sólo que ahora se anunciaba con el apellido de su esposo el tenor Franchetti; un gran artista que, casándose con ella, la había hecho ascender a la categoría de *estrella*. ¡Vaya una mujer! Legítima de la tierra. Esbelta, arrogante; brazos y garganta con adorables redondeces, y los blancos tules de Elsa amplios en la cintura, pero estrechos y casi estallando con la presión de soberbias curvas. Sus ojos negros, rasgados, de sombrío fuego, contrastaban con la rubia peluca de la condesa de Brabante. La hermosa española era en la escena la mujer tímida, dulce y resignada que soñó Wágner, confiando en la fuerza de su inocencia, esperando el auxilio de lo desconocido.

Al relatar su ensueño ante el emperador y su corte, cantó con expresión tan vagorosa y dulce, los brazos caídos y la extática mirada en lo alto, como si viese llegar montado en una nube al misterioso paladín, que el público no pudo contenerse ya, y como la retumbante descarga de una fila de cañones, salió de todos los huecos del teatro, hasta de los pasillos, la atronadora detonación de aplausos y gritos.

La modestia y la gracia con que saludaba enardeció aún más al público. ¡Qué mujer! Una verdadera señora; y en cuanto a buenos sentimientos, todos recordaban detalles de su biografía. Aquel padre anciano, al que todos los meses enviaba una pensión para que viviera con decencia: un viejo feliz, que desde Madrid seguía la carrera de triunfos de su hija por todo el mundo.

Aquello era conmovedor. Algunas señoras se llevaban a los ojos una punta del guante, y en el paraíso, un vejete lloriqueaba metiendo la nariz en el embozo de la capa para sofocar sus gemidos. Los vecinos se reían.

¡Vamos hombre, que no era para tanto!

La representación seguía su curso en medio de los ecos del entusiasmo. Ahora el heraldo invitaba a los presentes, por si alguno quería defender a Elsa. Bueno, adelante. Aquel público, que se sabía de memoria la ópera, estaba en el secreto. No se presentaría ningún guapo. Después, con acompañamiento de tétrica música, avanzaron las damas veladas para llevarse la condesa al suplicio. Todo era broma; Elsa estaba segura. Pero cuando los bravos guerreros brabantones se

agitaron en la escena, viendo a lo lejos el misterioso cisne y su barquilla, y se fue armando en la imperial corte una batahola de dos mil demonios, el público, por acción refleja, se movió ruidosamente, arrellanándose en el asiento, tosiendo, suspirando, revolviéndose para hacer provisión de silencio. ¡Qué emoción! Iba a presentarse Franchetti, el famoso tenor, un gran artista de quien se murmuraba que habíase casado con la López buscando una compensación a sus facultades decadentes en la frescura y valentía de su mujer. Aparte de esto, un maestrazo que sabía salir triunfante con auxilio del arte.

¡Ah!... Ya estaba allí, de pie en el esquife, apoyado en larga espada, el escudo embrazado, cubierto el pecho de escamas de acero, irguiendo su arrogante figura 3 de buen mozo festejado por toda la aristocracia de Europa, y deslumbrando de cabeza a pies, cual un pescado de plata envuelto en seda.

Silencio absoluto; aquello parecía una iglesia. El tenor miraba su cisne, como si allí no hubiese otro ser digno de atención, y en el místico ambiente fue desarrollándose un hilo de voz tenue, dulce, vagoroso, cual si viniera de una distancia invisible.

¡Mercè, mercè, cigno gentile!...

¿Qué fue lo que estremeció todo el teatro, poniendo de pie a los espectadores? Algo estridente, como si acabara de rasgarse la vieja decoración del fondo; un silbido rabioso, feroz, desesperado, que pareció hacer oscilar las luces de la sala.

¡Silbar a Franchetti antes de oírle! ¡Un tenor de cuatro mil francos! La gente de palcos y butacas miró al paraíso con el ceño fruncido; pero arriba la protesta fue más ruidosa. ¡Granuja! ¡Canalla! ¡Golfo! ¡A la cárcel con él! Y todo el público, arremolinándose, de pie y con el puño amenazante, señalaba al vejete que, cuando cantaba la tiple, metía la nariz en la capa para llorar, y ahora se erguía intentando en vano hacerse oír. ¡A la cárcel! ¡A la cárcel!

Pisando gente entró la pareja, y el viejo pasó a empujones de banco en banco, abofeteando a todos con su capa caída y contestando con desesperados manoteos a los insultos y amenazas, mientras que el público rompía a aplaudir estrepitosamente, para animar a Franchetti, que había interrumpido su canto.

En el pasillo detuviéronse el viejo y los guardias, respirando ansiosamente, magullados por el gentío. Algunos espectadores les siguieron.

—¡Parece imposible!—dijo uno de los guardias—. Una persona de edad y que parece decente...

—¿Y usted qué sabe?—gritó el viejo con expresión agresiva—. Mis razones tengo para hacer lo que he hecho. ¿Sabe usted quién soy yo? Pues soy el padre de Conchita, de esa que se llama en el cartel la Franchetti, de la que aplauden con 4 tanto entusiasmo los imbéciles. ¡Qué tal!... ¿Les parece raro que silbe?... También yo he leído los periódicos; ¡qué modo de mentir! «La hija amantísima...» «El padre querido y feliz...» ¡Mentira, todo mentira! Mi hija ya no es mi hija, es un culebrón, y ese italiano un granuja. Sólo se acuerda de mí para enviarme una limosna, ¡como si el corazón comiera y le contentase el dinero! Yo no tomo un cuarto de ellos: primero morir; prefiero molestar a los amigos.

Ahora sí que era oído el viejo. Los que le rodeaban sentían hambrienta curiosidad ante una historia que tan de cerca tocaba a dos celebridades artísticas. Y el señor López, insultado por todo un público, deseaba comunicar a alguien su indignación, aunque fuese a los guardias.

—No tengo más familia que *esa*. Comprendan mi situación. Se crió en mis brazos: la pobrecita no conoció a su madre. Sacó voz; dijo que quería ser tiple o morir, y aquí tienen ustedes al bonachón de su padre decidido a que fuese una celebridad o a morir con ella. Los maestros dijeron: ¡a Milán! Y allá va el señor López con su niña, después de dimitir su empleo y vender los cuatro terrones heredados de su padre. ¡Válgame Dios y cuánto he sufrido! ¡Cuanto he trotado antes del debut, de maestro en maestro y de empresario en empresario! ¡Qué humillaciones, qué vigilancias para guardar a mi niña, y qué privaciones; sí, señores, privaciones y hasta hambre, cuidadosamente ocultada, para que nada faltase a la señorita! Y cuando cantó por fin y comenzó a sonar su nombre, cuando yo me extasiaba ante los resultados de mi sacrificio, llega ese fantasmón de Franchetti, y cantando sobre las tablas dúos y más dúos de amor, acaban por enamorarse, y tengo que casar a la niña para que no me ponga mal gesto ni me parta el alma con sus lloros. Ustedes no saben lo que es un matrimonio de cantantes. El egoísmo haciendo gorgoritos. Ni cariño, ni corazón, ni nada; la voz, sólo la voz. Al ladrón de mi yerno le molesté desde el primer momento; tenía celos de mí, quería alejarme para dominar en absoluto a su mujer; y ella, que ama a ese payaso, que cada vez está más unida a él por las ovaciones, dijo que sí a todo. ¡Las 5 exigencias del arte! ¡Su modo de vivir, que no les permite deberse a la familia, sino al arte! Estas fueron sus excusas, y me enviaron a España; y yo, por reñir con ese farsante, reñí con mi hija. Hasta hoy no les había visto... Señores, llévenme ustedes donde quieran, pero declaro que siempre que pueda vendré a silbar a ese ladrón italiano... He estado enfermo, estoy solo: pues revienta, viejo, como si no tuvieras hija. Tu Conchita no es tuya; es de Franchetti... pero no; es del arte. Y ahora digo yo: Si el arte consiste en que las hijas olviden a los padres que por ellas se sacrificaron, digo que me futro en el arte y que más me alegraría encontrarme a mi Concha al entrar en casa remendando mis calcetines.

Висенте Бласко Ибаньес. Свист

Воодушевление накаляло театр. Какой дебют! Какой Лоэнгрин! Какое сопрано!

На красном фоне кресел партера выделялись головы — одни непокрытые, другие украшенные башнями из лент, цветов и тюля — неподвижные, не допускавшие рядом с собой ни шушуканья, ни шевеления. В ложах водворилась полная тишина. Никаких разговоров вполголоса. Каждый раз, когда звучало сопрано, мягкое, сильное и густое, сверху, из ада бешеной галерки, иронично именуемой «раёк», будто один большой вздох удовлетворения, вырывался продолжительный и шумный восторг. Какой

вечер! Все казалось иным в театре. В оркестре играли ангелы, даже люстра в центре зала светила ярче.

Немалую роль в этом воодушевлении сыграло и чувство удовлетворенного патриотизма. Сопрано была испанкой, по фамилии Лопес, только теперь она звалась Франкетти, взяв фамилию мужа тенора, большого артиста, который, женившись на ней, помог ей подняться до категории *звезды*.

Ах, какая женщина! Истинная дочь испанской земли. Стройная, гордая. Шея и руки очаровательной округлости, даже свободный в талии костюм Эльзы из белого тюля был тесен и готов вот-вот разорваться от давления великолепных изгибов. Ее большие черные глаза, сверкая мрачным огнем, контрастировали со светлым париком графини Брабанта. Красивая испанка на сцене выглядела застенчивой, нежной и кроткой, как и задумывал Вагнер, полагаясь на силу невинности, призывая на помощь загадочность.

Рассказывая сон Эльзы перед императором и его двором, она пела с таким выражением мечтательного восторга — руки опущены, экстатический взгляд устремлен ввысь, будто видела плывущего на облаке таинственного рыцаря — что публика была не в силах более сдерживаться, и, как гулкий пушечный залп, из всех пространств зала, даже из коридоров театра, грохнул оглушительный взрыв аплодисментов и криков.

Скромность и изящество, с которым она раскланивалась, еще больше распаляли публику. Какая женщина! Настоящая сеньора, а кроме того, все помнили подробности ее биографии, что также подпитывало симпатии зрителей. Пожилой отец, которому она каждый месяц посылала содержание на достойную жизнь: счастливый родитель, который из Мадрида следил за триумфальной карьерой дочери по всему миру.

Это было трогательно. Некоторые дамы промакивали глаза кончиками перчаток. А в райке всхлипывал старикашка, уткнувшись носом в воротник плаща и пытаясь так заглушить рыдания. Соседи над ним посмеивались:

— Брось, старина, это уже слишком!

Представление шло своим чередом среди восторженных отголосков. Вот уже герольд обращался к присутствовавшим, вопрошая, нет ли среди них того, кто выступит в защиту Эльзы. Что ж, дальше. Та часть публики, что знала оперу наизусть, была посвящена в тайну: ни один молодец не вызвался. Затем, под аккомпанемент мрачной музыки, выступили дамы, покрытые вуалью, чтобы отвести графиню на казнь. Это была игра, Эльзе не было страшно. Но когда на сцене храбрые брабантские воины пришли в движение, увидев вдалеке таинственного лебедя и его лодку, и на императорском дворе поднялся невообразимый переполох, зрители в зале тоже рефлекторно с шумом задвигались, откидываясь на спинки кресел, кашляя, вздыхая и поворачиваясь назад, чтобы вернуть тишину. Какие эмоции! Уже готовился выйти на сцену Франкетти, знаменитый тенор, великий артист, о котором шептались, что он якобы женился на Лопес, чтобы за счет свежести и живости супруги компенсировать свои слабеющие певческие способности.

Тем не менее, он был большой мастер и умел выйти сухим из воды при помощи искусства.

Ах!.. Он уже стоял там, в ялике, опираясь на длинный меч — рука продета в щит, грудь покрыта стальными чешуйками — выпрямив свою статную фигуру красавца, снискавшего обожание всей аристократии Европы, и ослепляя всем своим видом, словно серебряная рыба, обернутая в шелк.

Повисла абсолютная тишина, почти как в храме. Тенор смотрел на своего лебедя так, будто в мире не было более существа, достойного внимания, и в мистической атмосфере зазвучал высокий, тонкий и нежный, едва слышимый голос, словно идущий из невидимой дали.

Прощай! Прощай, о лебедь мой!..

Что всколыхнуло весь театр, подняв зрителей на ноги? Какой-то резкий пронзительный звук, словно на заднем плане внезапно разорвалась старая декорация. Свист — сердитый, свирепый, отчаянный, от которого, казалось, задрожал свет в зале.

Освистать Франкетти, не послушав его! Тенора за четыре тысячи франков! Люди в ложах и партере гневно взирали на галерку, но наверху протест стал еще громче. Негодяй! Подлец! Хулиган! В тюрьму его! Публика, повскакивав с мест, теснясь и грозя кулаками, указывала на старого чудака, который, когда пела сопрано, утыкался носом в плащ, чтобы плакать, а теперь встал, тщетно пытаясь заставить себя слушать. В тюрьму! В тюрьму!

Давя людей прибыл наряд из двух гвардейцев. Старик рывками прошел от скамьи к скамье, попутно шлепая сидящих свалившимся плащом и отвечая отчаянной жестикуляцией на оскорбления и угрозы, в то время как публика разразилась громогласными аплодисментами, чтобы подбодрить прервавшего пение Франкетти.

В коридоре, помятые толпой, старик и стража остановились, переводя дух. Несколько зрителей следовали за ними.

— Немыслимо! — сказал один из гвардейцев, — Пожилой человек, который к тому же и выглядит прилично...

— Почему вы знаете? — крикнул старик. Его лицо приняло агрессивное выражение. — У меня есть свои причины, чтобы сделать то, что я сделал. Да вы хоть знаете, кто я? Я — отец Кончиты, той самой, которую на афише зовут Франкетти, той, которой с таким энтузиазмом аплодируют идиоты. Вот так-то!.. Вас удивляет, что я свистел?.. Я тоже читаю газеты. Какой отличный способ врать! «Самая любящая дочь...», «Горячо любимый и счастливый отец...» Ложь, все ложь! Моя дочь больше не моя дочь, это хитрая интриганка, а этот итальянец негодяй. Она вспоминает обо мне только для того, чтобы послать мне милостыню, как будто сердце питается и довольствуется деньгами! Да я скорее умру, чем возьму эти деньги! Да лучше я у друзей попрошу!

Теперь старика слушали. Окружившие его чувствовали жадное любопытство к истории, которая так близко касалась двух знаменитостей мира искусства. А сеньор Лопес, вынесший оскорбления от публики, стремился излить кому-нибудь свое негодование, будь это даже гвардейцы.

— У меня нет другой семьи, кроме этой. Вы должны понять мою ситуацию. Она выросла на моих руках: бедняжка не знала своей матери. Потом у нее прорезался голос и она заявила, что хочет быть певицей или умереть. И вот перед вами добряк отец, решивший, что или она будет знаменитостью, или умереть вместе с ней. Учителя сказали: в Милан! И сеньор Лопес отправляется туда вместе со своей девочкой, оставив работу и продав четыре надела земли, доставшихся ему в наследство от отца. Боже милостивый, сколько я выстрадал! Сколько я побегал перед ее дебютом, от учителя к учителю, от импресарио к импресарио! Какие унижения! Постоянный отцовский присмотр, чтобы с дочерью ничего не случилось. Какие лишения! Да, господа, лишения и даже голод, тщательно скрываемый, только бы сеньорита ни в чем не нуждалась! И когда она, наконец, запела и зазвучало ее имя, а я, наконец, ощутил восторг, видя результаты своей жертвы, является этот фанфарон Франкетти, и они, совместно распевая на подмостках дуэты, по большей части любовные, закончили тем, что втюрились друг в дружку, и я был вынужден выдать замуж мою девочку, чтобы она не страдала и не разрывала мне душу своим плачем.

О, вы не знаете, что такое брак двух певцов! Эгоизм выводит рулады. Ни любви, ни сердца, ничего. Голос, один только голос. С самого начала я мешал моему зятю-вору, он ревновал ко мне и хотел держать меня на расстоянии, чтобы полностью властвовать над женой. А она, та, которая любит этого паяца, которая благодаря овациям все сильнее привязывается к нему, на все сказала «да».

Требования искусства! Их образ жизни вынуждает их отдавать долг искусству, а не семье! Вот были их оправдания, чтобы отправить меня в Испанию. И я, из-за ругани с этим комедиантом, поссорился с дочерью. До сегодняшнего дня я их не видел... Господа, ведите меня куда хотите, но заявляю, что я при любой возможности буду освистывать этого итальянского вора...

Я был болен, я одинок: хоть подыхай, старый, как будто у тебя нет дочери. Твоя Кончита больше не твоя, она принадлежит Франкетти... хотя нет, она принадлежит искусству. Так вот теперь скажу я: если искусство заключается в том, чтобы дочери забывали отцов, которые ради них принесли столько жертв, то заявляю вам, что плевать я хотел на это искусство, и меня больше порадовало бы, вернувшись домой, увидеть там мою Кончу, штопающую мне носки.

Перевод Юлии Владиславовны Харитоновой (lasicilia@mail.ru). Живет в Санкт-Петербурге. Основное образование – высшее музыкальное, дополнительное – финансовое. Работает в банковском секторе. В 2017 г. окончила курс «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации (итальянский язык)» в Державинском институте (Санкт-Петербург). Увлекается художественным переводом с итальянского, испанского и английского языков. Победитель конкурса художественного перевода «Читающий Петербург-2021», конкурса им. Э. Линецкой 2023 г. в номинации «Итальянский язык». Данный перевод занял второе место в номинации «испанская проза» (2024)

Висенте Бласко Ибаньес. Свист

Театр пылал энтузиазмом. Какой дебют! Какой Лоэнгрин! Какой типаж!

На фоне красных кресел партера отчётливо выделялись непокрытые головы и пирамиды из ленточек, цветов и тюля, неподвижные, не тронутые ни шепотками, ни раздражением; в ложах царит тишина; никаких междусобойчиков и разговоров вполголоса; наверху, в бешеном аду галёрки, иронически называемом райком, энтузиазм взрывался протяжно и громко, как глубокий вздох удовлетворения, всякий раз, когда звучал дискант, сладкий, мощный и крепкий. Какая ночь! В театре всё казалось новым. Оркестр был ангельским; даже люстра в центре светила ярче.

Немалую роль в этом энтузиазме сыграли удовлетворённые патриотические чувства. Дискант принадлежал испанке, сеньоре Лопес, хотя теперь она назвала себя фамилией своего мужа, тенора Франкетти; великого артиста, который, женившись на ней, помог ей стать звездой. Вот это женщина! Истинное дитя своей земли. Стройная, надменная; руки и шея очаровательно округлы, а белые тюли Эльзы просторны в талии, но узки и будто бы готовы лопнуть под давления великолепных изгибов. Её раскосые чёрные глаза, полные мрачного огня, контрастировали со светлым париком герцогини Брабантской. Прекрасная испанка на сцене была застенчивой, милой и смиренной женщиной, о которой грезил Вагнер, — верящей в силу своей невинности и ожидая помощи от неведомого.

Рассказывая о своих грёзах императору и его двору, она пела с таким томным и сладким выражением лица, опустив руки и восторженно воздев очи горе, будто бы видела таинственного паладина, приближающегося на облаке, что публика не могла больше сдерживаться. И оглушительными пушечными залпами из всех уголков театра, даже из коридоров, донёсся громогласный взрыв аплодисментов и криков.

Скромность и изящество его приветствия ещё более взбудоражили публику. Ах какая женщина! Настоящая леди; а что до её доброты, то все помнили детали её биографии. Пожилого отца, которому она каждый месяц отправляла пенсию на безбедную жизнь: счастливого старика, следившего из Мадрида за триумфальной карьерой своей дочери и за её мировой славой.

Это было так трогательно! Дамочки промокали глаза уголками перчаток, а в райке захныкал старик, уткнувшись носом в ворот плаща, чтобы заглушить всхлипы. Соседи смеялись.

Да ладно, ребята, не так уж это и важно!

Представление шло своим чередом под отголоски энтузиазма. Вот герольд спрашивает у присутствующих, не хочет ли кто заступиться за Эльзу. Ну, давайте же! Публика, знавшая оперу наизусть, была посвящена в тайну. Ни один красавчик не поднялся. Затем под мрачную музыку дамы в вуалях собрались вести герцогиню на пытку. Всё это не всерьёз; Эльза сохраняла уверенное спокойствие. Но когда на сцене засуетились отважные воины Брабанта, увидев вдалеке загадочного лебедя и влекомую им ладью, а

при императорском дворе возвысился двухтысячеголосый демонический гомон, зрители инстинктивно зашевелились тоже, шумно заёрзали на сиденьях, сутулясь, покашливая, вздыхая и шикая на соседей, чтобы те вели себя потише. Какое волнение! Здесь должен появиться Франкетти, знаменитый тенор, великий артист, о котором ходили слухи, что он женился на сеньоре Лопес, стараясь уравновесить свои декадентские замашки свежестью и смелостью своей жены. И, к тому же, великий мастер, способный побеждать силою искусства.

Ах!.. А вот и он, стоит в ладье, опершись на длинный меч, со щитом в руке, грудь покрывает стальная чешуя, горделивую фигуру красавца прославляет вся аристократия Европы, он ослепителен с головы до ног, как серебряная рыба, завёрнутая в шелка.

Тишина — гробовая; как в церкви. Тенор взирает на своего лебедя так, будто бы нет во всём мире никого другого, кто стоил бы его внимания, и в мистической атмосфере зарождается тонкая, сладкая, смутная нить его голоса, будто бы исходящая из незримых далей.

Mercè, mercè, signo gentile!..

Что же потрясло весь театр, заставив зрителей вскочить? Нечто пронзительное, будто бы только что сорвали старое украшение задника; яростный, гневный, отчаянный свист, от которого, казалось, свет в зале задрожал.

Освистать Франкетти, прежде чем услышать его! Тенора за четыре тысячи франков! Люди в ложах и креслах мрачно оглядывались на раёк; но и там возмущений было не меньше. Негодяй! Подлец! Мразь! В тюрьму его! И вся публика, дрожа от бешенства, вскакивая и грозя кулаками, указывала на старика, который сморкался в ворот плаща, пока пел дискант, а теперь встал, тщетно пытаясь быть услышанным. В тюрьму его! В тюрьму!

Приблизилась пара охранников, перешагивая через зрителей и оттаптывая им ноги, и старик проталкивался от скамейки к скамейке, хлеща их сброшенным плащом и отвечая отчаянными шлепками на оскорбления и угрозы, а публика разразилась оглушительными аплодисментами, пытаясь подбодрить Франкетти, прервавшего своё пение.

В коридоре старик и охранники остановились, тревожно дыша, измученные толпой. Некоторые зрители последовали за ними.

— Невероятно! — сказал один из охранников. — Вроде, пожилой, приличный мужчина...

— Да что ты знаешь! — крикнул старик с агрессивной гримасой. — У меня есть на то причины. Да ты знаешь вообще, кто я такой? Так вот, я отец Кончиты — той, которая на афише называется сеньорой Франкетти, и которой все эти идиоты с таким энтузиазмом аплодируют. Ну что? Тебе странно, что я засвистел?.. Я тоже читаю газеты; какая ложь! «Самая любящая дочь», «милый и счастливый отец»... Ложь, всё ложь! Моя дочь уже не моя дочь, она — гадкая певичка, а этот итальяшка — подлец! Она вспоминает обо мне только тогда, когда посылает мне свою милостыню,

будто бы сердце жрёт деньги и насыщается ими! Я не беру и четверти из них: лучше сдохну; предпочитаю лишний раз потревожить друзей.

Теперь старик действительно был услышан. Окружающие жаждали услышать историю, столь близко касающуюся двух знаменитостей из мира искусства. А сеньор Лопес, подвергшийся публичным оскорблениям, пытался излить своё негодование хоть кому-то, пусть даже охранникам.

— У меня нет другой семьи, кроме этой. Посудите сами. Она выросла у меня на руках: бедняжка не знала своей матери. — Он повысил голос. — Она говорила, что мечтает спиться или сдохнуть, а её добродушный отец был полон решимости сделать её знаменитостью или умереть вместе с нею. Учителя сказали: в Милан! И вот сеньор Лопес отправляется вместе с дочерью, бросив работу и продав четыре земельных участка, унаследованных от отца. Помилуй Боже, как я страдал! Сколько я набегался до её дебюта, от учителя к учителю, от мецената к меценату! Сколько унижений, сколько внимания, чтобы защитить свою дочку, и сколько лишений; да, господа, лишений, и даже голода, который тщательно скрывал, чтобы барышня ни в чём не нуждалась! И когда, наконец, она запела, и когда зазвучало её имя, когда я испытал восторг от того, ради чего принёс столько жертв, является это пугало, этот Франкетти, и вот они поют на сцене свои дуэты, даже любовные дуэты, и они, в конце концов, влюбляются, и он женится на девушке — чтобы она не корчила мне гримасы и не разрывала мне душу своими воплями. Вы, ребята, не знаете, что такое брак певцов. Один клокочущий эгоизм. Ни привязанности, ни сердца — ничего; голос, только голос. Я с первой минуты был неприятен моему зятю-воришке; он ревновал ко мне, хотел отстраниться, чтобы полностью властвовать над своей женой; и она, любя этого клоуна, всё больше сближаясь с ним из-за оваций, на всё отвечала «да». Так требует искусство! Мы можем позволить себе быть обязанными не семье, а искусству! Таковы были их оправдания, и они отослали меня в Испанию; а я, разругавшись с этим мошенником, разругался и с моей дочуркой. И до сегодняшнего дня их больше не видел... Так что, господа, везите меня куда хотите, но заявляю, что как только смогу — я снова приду освистать этого итальянского жулика... Я болен, я одинок: ну, утомил, старик, как будто у тебя и не было дочери. Твоя Кончита теперь не твоя; она принадлежит Франкетти... или нет; она принадлежит искусству. Но вот что я скажу вам: если искусство — в том, чтобы дочери забывали своих родителей, пожертвовавших собой ради них, то я скажу вам, что и я увлекаюсь искусством, и что я был безмерно рад вернуться домой и найти свою Кончиту за штопаньем носков.

Перевод Романа Олеговича Адрианова (лит. псевд. Элиас Отис, 93in39@gmail.com).

ИСПАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Miguel Hernández (1910—1942). Perito En Lunas (1933)

II

Luz comba, y no, creada por el mozo,
talludo espulgador de los racimos:
no a fuerza, y sí, de bronces en rebozo,
sí a fuerza, y no, de esparto y tiempo opimos.
Por el domingo más brillante fuimos
con la luz, enarcada de alborozo,
en ristre, bajo un claustro de mañanas,
hasta el eterno abril de las persianas.

III

A la gloria, a la gloria toreadores
La hora es de mi luna menos cuarto.
Emulos imprudentes del lagarto,
magnificáos el lomo de colores.
Por el arco, contra los picadores,
del cuerno, flecha, a dispararme parto.
¡A la gloria, si yo antes no os ancoro
—golfo de arena—, en mis bigotes de oro!

Мигель Эрнандес. Знаток луны

2.
Искусен юный сборщик винограда,
и свет волной вздымается
покорной:
не силе, но упорству маскарада;
и силе, но не почве плодородной.
Свет изгибался аркою соборной.
Под своды нас впускала колоннада.
Мы через галерею зорь смотрели
навстречу бесконечному апрелю.

3.
Вперёд! Смелее в бой, тореадоры!
моя луна без четверти полна.
От ловкости змеиной вам дана
лишь пестрота заплечного узора.

Мигель Эрнандес. Знаток Луны

II
Огонь послушен, но не всем,
зажжённый
юнцом у лозы, от жуков хранимой:
не силе, статуе, в плащ облачённой,
и силе, не траве, огнём палимой.
За самым ярким воскресеньем шли мы
с огнём, в сосуде счастья заключённом,
в руке, шагая по клуатру света,
к тем окнам, где всегда весна воспета.

III
Вперёд за славой, о тореадоры!
Без четверти моя луна. Похожи
на ящериц чудных вы в этой коже.
Спин ваших распрямите триколоры!

Пусть в арке поджидают
пикадоры —
я не боюсь, пружина взведена.
Смелее на арену, в бой, пока
вас не проткнут злачёные рога!

*Перевод Александры Ханукаевой
(a.hanukaeva@yandex.ru). Студентка
2 курса филфака СПбГУ, изучает
испанский уже двенадцать лет,
пишет стихи и хочет
профессионально заниматься
переводом. Перевод занял первое место
в номинации «испанская поэзия» (2024)*

Под аркой моя цель — вы, пикадоры.
Лечу стрелой, коль рог быть ею может.
За славой по морям песка вы мчитесь,
но якоря золотого берегитесь!

*Перевод Надежды Александровны
Филимоновой (phloxietheregasus@mail.ru). С
отличием окончила бакалавриат
филологического факультета СПбГУ,
сейчас учится там же в магистратуре на
программе «Синхронный перевод». Активно
участвует в переводческих конкурсах
(и небезуспешно). Владеет английским и
испанским языками на уровне С1-С2,
немного говорит по-итальянски и по-
японски. В свободное время любит писать
собственные стихи и прозу, как на русском,
так и на иностранных языках. Перевод
занял второе место в номинации
«испанская поэзия» (2024)*

Мигель Эрнандес. Эксперт по лунам

II

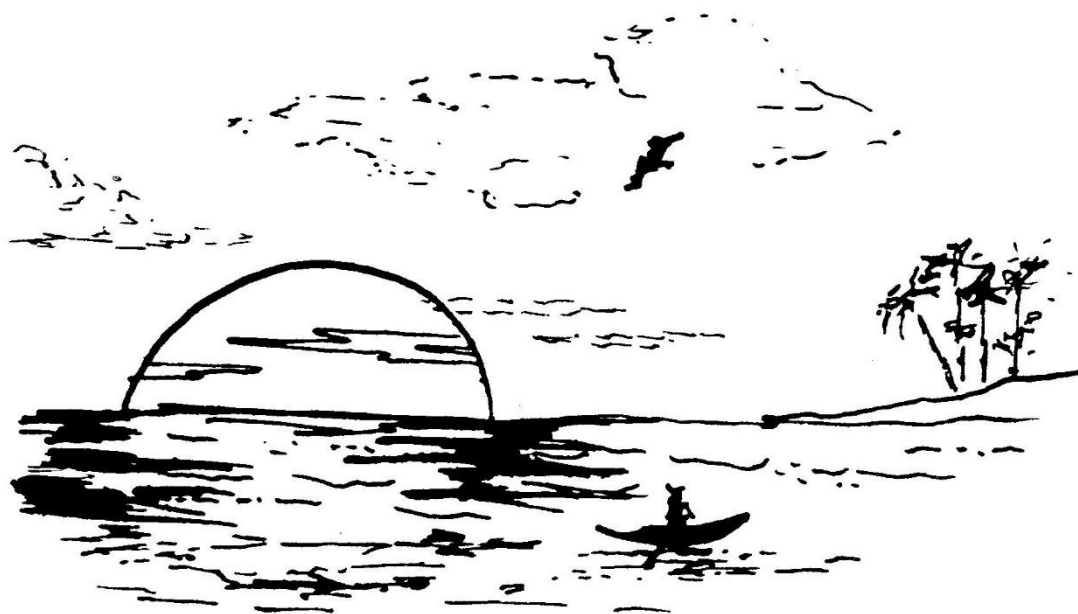
Свет брезжит — не брезжит — звездой искрящей,
и гроздьев сплетает лоза одеянья:
не силой — и силою — бронзы звенящей,
а силой — не силою — наших деяний.
На Светлую Пасху сильнее сиянье:
с рассветом спешим мы под светом пьянящим
на утренний отдых — покров его славен, —
под вечно-апрельское бряцанье ставен.

III

О, слава! слава тореадорам!
Без четверти время моей луны.
Раскрасьте красками холст спины,
Хамелеону бездумно вторя!
Стрелой из лука, враг пикадоров,
Рога навстречу устремлены.
О, слава! время молчит в часах:
Песок арены — в моих усах!

*Перевод Романа Олеговича Адрианова (лит. псевд. Элиас Отис,
93in39@gmail.com). Перевод занял третье место в номинации «испанская поэзия»
(2024)*

ПЕРЕВОДЫ С ИТАЛЬЯНСКОГО

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПРОЗА

Matteo Noris (1640-1714). Catone Uticense, 1701

Leggitore.

Tanto è pazzia nel Mondo il genio di continuo riso, quanto il genio di continuo pianto. Doveva il Filosofo nel Delirio comune correggere anche questo genio pazzo, settimo dopo i sei. A chi ben l'intende, il suo riso morale è, fra quei duoi genii contrarii fra essi, una esemplare conversatione, un solievo fruttuoso, ed un'utile disciplina alla fissa stolido malinconia degli Eracliti, tanto imparentati col pianto, che mai, non permettono il divorzio fra gl'occhi loro e le lagrime. A questi, che s'invogliano di tormenti, ho nel Drama presente imbandita una mensa di passioni amoroze ed eroiche; amoroze senza oscenità, ed eroiche per esempio; e ne la piaga di Catone ho colmata una tazza di pianto, e sangue, perché ad essa bevano i Cittadini delle Repubbliche; e la Gloria Patrizia, ebra questo netare, voli baccante per l'Universo. Questa è la seconda Idea Dramatica, che ti facio vedere nel presente Carnevale; scritta dal mio sterile infelicissimo talento. Quì Democrito ride di tall'uno, che non intende legge e giudica, e di tall'uno, che ben intende, e giudica senza leggere. Per arrivare al fondo ci vuole lo scandaglio di Demostene, non la vela leggierissima del Piloto che passa di volo la superficie. Dove è scritto con economia conviene fermarsi nel poco, dove sta il molto, per intendere il tutto; in altro modo nulla o poco intende chi legge. Chi leggerà applicato ritroverà in ogn'uno de' miei Drami senza la lanterna di Diogene quello, che dice egli non esservi.

Quanto poi fossero nimici fra di loro, Catone e Cesare, te lo dice Plutarco. Ti parla della severità, e dell'eloquenza di Catone: dell'amore che gli portava il Popolo, e Roma e che fu approvato dal Senato per lo migliore de' Cittadini; ti dirà dell'oratione che fece, perché si condannasse a morte la sceleragine dei delinquenti; ti dirà, che predisse a Roma la ruina di essa dall'armi di Cesare rubello della Patria; e che, in Utica, perché andava egli a lui con l'esercito; doppo ammonito il figlio nell'amor e ubbidienza verso la Patria si ferì: poscia squarciatasi colla mano la ferita, finì di vivere. Quest'attione Historica, perché più serve di forte esempio a gl'occhi di quella Repubblica che tanto l'amava; perché addottrini nella fede i Cittadini, ho io trasportata sotto gl'occhi della stessa Roma. Eccoti la Historia, il di più si finge, e si ti rappresenta la ferita di Catone; non la morte, perché habbiano luogo gli sponsali di Cesare con Flaminia, e di Floro con Sabina.

Маттео Норис. Предисловие к драме «Катон Утический» (1701 г.)

Читатель,

миром сим владеет безумное стремление как веселиться непрестанно, так и проливать слёзы, не зная меры. Посреди всеобщего помешательства надлежало философу исправить и этот дикий обычай, седьмой вослед шести. Для тех, кому дано разуметь, нравственный его смех есть поучительное примирение двух вкусов столь друг другу враждебных — союз утешительный и плодотворный — а вместе и полезное назидание нелепой меланхолии Гераклитов, кои так усердно предаются скорби, что никогда не

дозволяют глазам своим быть со слезами в разлуке. Им, алкающим мучений, предуготовил я в драме пиршество страстей любовных и героических — любовных без непристойности, а героических в виде примера — и из раны Катона полную чашей черпал я слезы и кровь, чтобы испили ту чашу граждане Республик, и патрицианская гордость, опьяненная нектаром оным, в вакхическом восторге воспарила бы к пределам Вселенной. Такова вторая драматическая идея, кою представляю я тебе в нынешний карнавал — создание бесплодного и несчастливого моего таланта. Демокрит здесь осмеивает одного человека, который судит, не ведая буквы закона, а равно и другого, которому всё-то ведомо, и судит он, ни одной буквы не желая прочесть. Но для понимания глубокого требуется лот Демосфена, а не легчайший парус Пилота, что лётном своим скользит над поверхностью. Там, где писано кратко, должно задерживаться на малом, там же, где многословно — ровно настолько, чтобы довольно уразуметь; иными словами, читающий не понимает либо почти ничего, либо вовсе ничего. Усидчивый же читатель в обеих драмах моих и без фонаря Диогена обнаружит то, чего, по словам последнего, не существует.

О том, какова была вражда между Катоном и Цезарем, повествует Плутарх. Он поведает тебе о суровости и красноречии Катона, о любви, питаемой народом и Римом к тому, кого Сенат признал первейшим из граждан; поведает, какую речь произнёс Катон, призывая смертью покарать преступное деяние; поведает, как предрёк он Риму гибель от меча Цезаря, восставшего супротив Отечества, и о том, почему в Утике Цезарь с войском двинулся на него. Заповедав сыну любовь и повиновение Отечеству, он сам нанёс себе рану, а после, собственной рукою отворив её, покинул эту жизнь. Сие историческое деяние, призванное служить высоким примером в глазах Республики, что так возлюбила его, и укрепить граждан в их вере, явил я ныне взорам того самого Рима. Вот тебе история, остальное же предоставим воображению; рана Катона будет показана тебе, но не смерть, ибо далее воспоследуют брачные торжества Цезаря с Фламинией и Флора с Сабинной.

Перевод Алины Арифудиной (alinari@rambler.ru). Переводчик; основная специализация — итальянский язык и культура Италии, вторая — русский язык и литература. Занимается переводом в научной, культурной, экономической, юридической и других областях. Первый художественный перевод вышел в 2021 году в Москве. Данный перевод занял второе место в номинации «итальянская проза» (2024)

Маттео Норис. Предисловие к драме «Катон Утический»

Читатель!

Столь же безумно в Мире пристрастие к непрерывному смеху, сколь и к непрерывным слезам. Философ из «*Всеобщего бреда...*» должен был бы исправить и эту, седьмую по счету, нелепую одержимость. Для тех, кто мыслит здраво, его благодетельный смех, столь далекий от обоих

пристрастий, полезен как добрые наставления, как духовное утешение, как стройное учение; не чета глупым страданиям Гераклидов, сроднившихся с плачем так, что у тех, кто им сочувствует, не высыхают слезы на глазах. Тех, кто обуреваем жадой к подобным печалям, решил я в Дrame своей угостить героизмом и любовными страстями – героизмом образцовым и страстями благопристойными. И в ране Катона наполнил я чашу слезами и кровью, дабы приникли к ней граждане наших Республик, а Слава патрициев под воздействием этого дурманящего напитка разлетелась по Миру в неистовой вакханалии.

Такова вторая драматическая идея, плод моего скудного презренного таланта, который я представлю тебе на суд на Карнавале сием. Здесь Демокрит рассмеялся бы над тем, кто читает и судит, не разумея, и над тем, кто мыслит здраво, но судит, не читая. Здесь следует погружаться в сюжет с лотом глубокомысленного Демосфена, а не скользить по водной глади под легчайшим парусом беспечного Морехода.

Где написано немногословно, надлежит особо остановиться на тех словах, в которых содержится главная мысль, если не весь смысл; иначе читатель ничего не поймет, или поймет недостаточно. Прилежный читатель и без фонаря Диогена найдет в каждой моей Дrame и то, чего изначально там не было.

Какими заклятыми врагами были Катон и Цезарь, тебе поведаст Плутарх. Он расскажет тебе о строгости и убедительности Катона; о любви, которой отвечал ему и Народ, и Рим; о службе его на благо Граждан в Сенате. Поведаст Плутарх о выразительности речей Катона, осудившего на смерть великое множество преступников; поведаст он, как предрек Катон падение Рима от рук воинов Цезаря, восставшего против своего Отечества; и что в Утике, куда направился он с войском навстречу Цезарю, Катон, повелев сыну своему любить и сохранять преданность Родине, вонзил в себя меч, после чего, разодрав себе рану рукой, расстался с жизнью.

Взору самих Римлян решил я представить эти события Истории. Пусть послужат они прекрасным примером для жителей так сильно любимой им Республики и наставят Граждан в их преданности.

Вот же тебе История, оживленная вымыслом, где изображается ранение Катона. Но не смерть, ведь есть в ней место обручению Цезаря с Фламинией и Флора с Сабинной.

Перевод Елизаветы Болдиной (liz_bold@mail.ru), аспиранта кафедры романской филологии Филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Преподает итальянский язык на ВКИЯ МИД РФ и на филологическом факультете МГУ, периодически переводит современное итальянское кино под закадровое озвучивание. Изучает итальянский, шведский, английский и румынский языки. Трепетно любит итальянский язык во всех его проявлениях и воодушевленно пробует силы в различных рабочих проектах, открывающих новые грани фундаментального филологического образования. Конкурс стал первым опытом в художественном переводе. Перевод занял третье место в номинации «итальянская проза» (2024)

Предисловие к драме «Катон Утический» Маттео Нориса

Читатель,

Гений вечного смеха приносит в мир столько же беспорядка, что и гений вечного плача. Надо было бы Философу из «Всеобщего бреда» добавить и этого сумасбродного гения, седьмого вдогонку шести первым. Для тех, кто верно понимает его насмешливые поучения, разговор меж двумя этими супротивными гениями, является примером беседы идеальной, благодатным утешением и полезным упражнением против глупейшей одержимости гераклитов унынием; так уж они сроднились с плачем, что не допускают и мысли, чтобы высохли очи их от слез. Для тех, кто настроен пострадать, я в своей драме приготовил целую трапезу из страстей любовных и героических: любовных без непристойностей и героических для примера. Из раны Катона наполнил я чашу слёз и крови, чтобы из неё вкушали граждане Республик; и чтобы высокородная публика, опьяненная этим нектаром, вакханкой летела по Вселенной. Вот вторая драматическая идея, которую я представляю вам в этой комедии, написанной скудным и убогим моим дарованием. Демокрит здесь смеется над тем, кто, не понимая, читает и судит, и над тем, кто хорошо понимая, судит, не читая. Чтобы нам основательно разобраться во всём, нужна вдумчивость Демосфена, а не легкая мысль Платона, парусом скользкая по глади повествования. Где написано немногословно, нужно остановиться на малом, в коем выражено большое, чтобы понять всё; иначе мало что понятно или вовсе непонятно будет читателю. Кто будет со вниманием читать, тот в каждой моей драме и без фонаря Диогена найдет того, кого последний объявил несуществующим.

Как враждовали меж собой Катон и Цезарь, об этом нам расскажет Плутарх. Расскажет о строгости и красноречии Катона; о любви к нему народа и римских правителей; о том, что он назначен был Сенатом на благо граждан; расскажет о речах, которые произносил Катон; почему приговорили его к смерти; расскажет, кто предсказал разрушение Рима армией Цезаря, грабителя отечества; и как Катон в Утике, зная что Цезарь идет к нему с войском, дал наставление сыну любить Отчизну и верно служить ей и нанес себе рану; после же, раздирая ее руками, окончил свою жизнь. Нашу же историю я перенес пред очи самого Рима, чтобы послужила она ярчайшим примером для той Республики, которую так любил Катон; и чтобы преподать согражданам наставление в верности. Вот вам история, по большей части выдуманная, и вот перед вами рана Катона; но до смерти дело не дойдет, чтобы состоялись свадьбы Цезаря с Фламинией и Флоро с Сабиной.

Перевод Екатерины Юрьевны Богдановой (ekaterina.bgd@gmail.com). Хотела поступить в иняз, но закончила нархоз в Иркутске. Совмещает языки и экономику, переводя с английского экономические тексты. Тем не менее любовь к языкам никуда не исчезла. В жизни переводчицы их несколько, разной степени освоенности. Последняя любовь — итальянский. Сначала изучала его сама, потом пришла на курс перевода в СПбГУ, где чудесные Наталия Владимировна и Чечилия поделились своей любовью к языку и к переводу и где переводчица окончательно очаровалась

итальянским. А перевод она всегда любила. Данный перевод занял третье место в номинации «итальянская проза» (2024)

Маттео Норис. Катон Утический

К читателю

Гений непрерывного смеха — такое же безумие в мире, как и гений непрерывного плача. Философу в *«Обыкновенном бреду»* пришлось поправлять и сего безумного гения, на седьмой раз после шести. Тем, кто хорошо понимает сие, его нравственный смех, меж двух сих противостоящих гениев, суть образцовая беседа, плодотворное облегчение и полезное поучение для закосневшей, унылой меланхолии Гераклита, столь тесно связанной с плачем, что никогда, никогда не в силах позволить разлучить глаза и слёзы. Тем, кто жаждет страданий, я накрыл в сей драме целый стол любовных и героических страстей; любви без непристойностей, героических примеров; и излил на раны Катона полную чашу слёз и крови, дабы граждане республик могли испить из неё; и Патрицианская Слава, упиваясь сим нектаром, мчит на вакханалию через всю Вселенную. Такова вторая драматическая идея, кою решил я явить вам на этом Карнавале; написанную моим бесплодным, несчастливым талантом. Здесь Демокрит смеётся над тем, кто не понимает закона и судей, и над тем, кто понимает их хорошо и судит, не читая. Чтобы добраться до дна, надобно звучание Демосфена, а не сей легковесный парус Кормчего, парящий над гладью. Там, где написано лаконично, стоит остановиться на малом, чем на многом, дабы понять целое; иначе читатель не уяснит ничего или того меньше. Кто же прочтёт внимательно, тот и без Диогенова фонаря найдёт в каждой моей драме то, чего, по его же словам, там нет вовсе.

Плутарх поведаст вам, сколь враждебны были Катон и Цезарь друг к другу. Он расскажет о суровости и красноречии Катона: о любви, кою питал к нему народ и Рим, и о том, как Сенат избрал его лучшим среди граждан; он расскажет вам о молитве, кою свершил он, дабы преступники были преданы смерти за свои злодеяния; он расскажет вам, что как было предсказано разрушение Рима от рук Цезаря, губителя Отечества; и как он прибыл в Утику со своими войсками; и как, наставив сына в любви к родине и в послушании ей, он бросился на меч, а после, разодрав едва зашитую рану рукой, окончил жизнь свою. Так записано в Истории, дабы могла она послужить более сильным примером в глазах той Республики, коя так любила его; и, дабы наставить граждан в вере, я представил её пред очами самого Рима. Вот она, История, и чем больше вы притворяетесь, тем сильнее раскрываете рану Катона; но не смерть его, дабы могла состояться свадьба Цезаря с Фламинией и Флора с Сабиной.

Перевод Романа Олеговича Адрианова (лит. псевд. Элиас Отис, 93in39@gmail.com).

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Matteo Noris (1640-1714).Catone Uticense, 1701

Frammento 1. Scena V

Catone, solo

Da Trono d'immortali alti zaffiri
Al di cui piè le sacre
Faci componi, e formi
Di casti baci, e affetti Coniugali
Benda, catene, e strali;
Tu di Flaminia a incatenar la destra
Ratto sul roman suolo,
Celeste Amor, precipita col volo.

Suonò Tromba di guerra
E vinse il Dio guerrier.
Bionda stellata Cetra
Suoni la su da l'Etra,
Ministra di piacer.

**Маттео Норис. Катон Утический
Сцена V**

Катон, один

С бессмертного сапфирового трона
Ступеней освящённых
Мы будем петь о тех
Невинных поцелуях, брачных узах,
О стрелах и союзах;
Ты из фламинов, у тебя есть право
В священных землях Рима
Небесную Любовь связать незримо.

Труба взывала к бою.
Бог войн, повержен ты!
Серебряной звездю
Зови всех за собою,
Служитель красоты!

*Перевод Романа Олеговича Адрианова
(лит. псевд. Элиас Отис,
93in39@gmail.com).*

ПЕРЕВОДЫ С ВЕНГЕРСКОГО, ТУРЕЦКОГО, АРАБСКОГО

ВЕНГЕРСКАЯ ПРОЗА

Méhes Károly. Kézfogás a svéd királlyal

Egyedül apámnak árultam el, hogy svéd vagyok.

Megmagyarázni még nem tudom, csak érzem, a legmélyebb valómban, hogy svéd vagyok. Jelentsen ez bármit is.

Apám általában mindig viccel, de néha mégis nagyon oda tud figyelni arra, amit mondok.

És megérteni. Hogy a mondás csak a felszín, szavak, de a többi..., az több.

És akkor most mi lesz?, kérdezte komolyan. Túl komolyan, most szinte jobb lett volna, ha odabök néhány szóval.

Egy svédhez kell hozzámennem, és Svédországban fogok élni, feleltem.

Basszus, mondta, mert már nem óvatoskodunk nem gyereknek való szavakkal.

Mért nem vagy inkább portugál?

Ez a vita már tart köztünk egy ideje.

Úgy két éve döbbsentem rá, mennyire kívánom a hideget. A szelet. Az esőt. A didergést.

Az ősznél is őszebbet. Apám csak a fejét csóválta. Ő, a nagy kánikularajongó, aki már augusztus elején siránkozik, hogy jön az ősz, vége mindennek, nem érdemes tovább élni.

Egy svéd férj, hümmmentett. Világítótorony-őr? Rénszarvasvadász?

Favágó, feleltem rögvest.

Mert egy osztálytársamtól hallottam, hogy valami rokona hozzáment egy erdélyi manushoz, kiköltöztek Svédországba, és az ember ott favágóként dolgozik. Az erdő mélyén laknak, a rokon lány szüli a gyerekeket sorra, az erdélyi meg vágja a fákat.

Beleszédültem, hogy ez milyen jó lehet.

De egy igazi, egy svéd favágóval. Csakis.

Favágó, hümmmentett apám.

Vártam, most jön majd a jó vicces csattanó. De nem jött.

Úgy vagyok svéd, hogy közben nem akarok nem magyar lenni. Illetve a svédségem csöppet sem nemzeti érzés. Még csak nem is szimpátia. A kék és sárga színeket nem szeretem jobban, mint a pirosat, a fehérét és a zöldet. Vízfestéssel a körmömet kifestettem már így is, úgy is.

Am a szürkét igencsak komálom.

Emellett, hívság-e vagy valamiféle hóbertosság csupán, imádom az aranyat és az ezüstöt.

Csillogás és elmosódás.

Szívesen veszem, ha szép időben elvisznek ide-oda, már csak a társaság kedvéért is.

Apámmal versenyeznünk, ki tud murisabb megjegyzéseket tenni egy-egy botladozó gyalogosra, tolakodó autósra. Te parókás elefánt! Nyálfejű! Moss fogat

spenóttal!, és hasonló elmésségeket rikoltoztunk, leginkább egymásnak, és remekül utaztunk.

Mindezt jó időben.

De ha beköszönt a hideg, a köd és a nyirok, egyedül akarok menni.

Esőben.

Hóban.

Jégben.

Felveszem az esőkabátomat, sárga színű orkánkalapomat, és megyek. Nem számít, hogy a város másik sarkában van az úszóedzés vagy a könyvtár. Szívesen ácsorgok a buszmegállóban, miközben csapkod a szél. Fázom, de ez csöppet sem gyötrő fázás, hanem fázási ajándék. Nemesítő fázás, a didergésem a lélek apró rezdülései.

Mert már tudom, hogy ilyen is van.

Nem leszek beteg, nem lütyög az orrom, és ha néha kicsit reszel is a torkom, csak azért, mert egyedüllétemben is beszélek. Vagyis magamban, némán, de a szám nyitva, aztán ha tényleg meg kell szólalnom, ebbe a világba tartozó szavakkal, jobb, ha megköszörülöm a torkomat.

Apám néha elem tesz egy újságcikket, amiben Svédországról írnak, vagy csak úgy, minden különösebb szándék vagy felhang nélkül megjegyzi, Bezzeg a svédek...

Svédnek lenni ugyanolyan tudatlan létállapot, mint magyarnak lenni.

Amikor apám megkérdezte, Na, ki most a király?, persze, nem tudtam. Aztán jót röhögünk rajta, milyen hülye név a Károly Gusztáv. Apám azzal tetézte, Szép vezetőknév az a Tizenhatodik!

Tudom, hogy Stockholm a főváros, de nem érdekel. Úgy képzelem, hogy valahol messze, sokkal északabbra lehet igazán svéd valaki. Kibogarásztam egy Norsjö nevű városkát.

Na, az.

Elképzeltem, hogy az osztálytársnőm rokona is Norsjöben lakik. Magát Norsjöt úgy látom magam előtt, mint néhány, színes faházakból álló utcácskát, közöttük egy fehér tornyú templommal. Lehet, hogy a favágóék nem is erdőben élnek, hanem inkább Norsjöben. A lány kilenc gyereket szül a favágótól. Óvodás koromban kilenc gyereket akartam és hozzá két férjet. Mármint egyszerre, mert nem tudtam választani két nagycsoportos Balázs közül. De ez elég rég volt, akkor még nem voltam svéd. Apám azóta is a kilenc gyerekkel húz, főképp, hogy az évek teltevel egyre fogyatkozott a vállalt gyerekállományom. Manapság, ha még megkérdezi, nagy bölcsen csak annyit felelek, Majd meglátjuk. Óvatosabb lettem, magamból kiindulva. Mi van, ha svédországi gyerekeim egy nap rádöbbennek, hogy portugálok, ahogy apám óhajtotta volna.

Nem mintha ez tragédia lenne. Inkább jó, ha valaki tudja magáról, hogy kicsoda-micsoda.

Érdekes, hogy ezekben a kérdő szócskákban mennyire dominál a csoda.

Apám azt mondta, hogy ismert egy embert, aki majdnem olyan volt, mint én. Egy francia fiúról van szó, aki szép, kétszázötven éves házban élt a pezsgőjéről

híres vidéken, és mégsem volt boldog. Mert ő is a hidegbe vágyott. Valami keményebbre, nyersebbre. Valami átfogóbbra, most ez a szó jutott eszembe, saját tapasztalatból. Grönlandot akarta, a jég országát, ahová aztán sosem költözött el, legalábbis apám nem tud róla, hogy akár csak látogatóba járt volna ott.

Nem rossz az a Grönland, de. Amióta hallottam apám régi barátjának történetét, sokat töprengek rajta. Tetszik, mégis túl végletesnek tartom. Ha jégtáblák között akarnék élni, akkor egy mélyhűtőbe is beköltözhetnék. Grönland, állítják, amúgy elolvad. Jege lehűti a Golf-áramlatot, és elég hideg lesz Európában. [...]

(Megjelent az Alföld 2018/6. számában.)

Мехеш Кароль. Рукопожатие с королем Швеции

О том, что я шведка, я сказала только отцу.

Я пока не могу этого объяснить, просто чувствую, в глубине самого своего существа, что я шведка. Что бы это ни значило.

Мой отец обычно шутит по любому поводу, но иногда он все же действительно прислушивается к тому, что я говорю.

И он все понимает. Как известно, слова — это только поверхность и за ними всегда таится нечто большее.

«И что же теперь будет?» — спросил он серьезно. Пожалуй, слишком серьезно; сейчас я бы предпочла, чтобы он просто попытался уколоть меня парой обидных слов.

«Мне нужно выйти замуж за шведа и переехать в Швецию», — ответила я.

«Твою же мать, — ругнулся он, ведь мы больше не заботимся о том, чтобы подбирать слова.— А почему ты, например, не португалка?»

Этот спор длится между нами уже давно. Два года назад я поняла, как сильно мне хочется холода. Ветра. Дождя. Озноба. Еще больше осени.

Мой отец лишь покачал головой. Он большой любитель жары и уже в начале августа начинает сетовать, что наступает осень, что все кончено и вообще дальше жить нет смысла.

«Муж-швед, — пробормотал он. — Смотритель маяка? Охотник на оленей?»

«Дровосек», — не задумываясь ответила я.

От одной моей одноклассницы я слышала, что ее родственница вышла замуж за парня из Трансильвании, они переехали в Швецию, и теперь этот парень работает там дровосеком. Они живут в глубине леса, родственница рождает детей одного за другим, а трансильванец валит деревья.

От одной только мысли о том, как это, должно быть, здорово, у меня закружилась голова.

Но мне нужен только настоящий шведский дровосек. Никак иначе.

«Дровосек», — пробормотал мой отец. Я ждала какой-нибудь остроты в ответ. Но ее не последовало.

Я шведка, но не потому, что больше не хочу быть венгеркой. Точнее, моя

шведскость вообще никак не связана с какими-либо национальными чувствами. Даже с симпатией. Синий и желтый мне нравятся не больше, чем красный, белый и зеленый. Я уже покрасила ногти акварелью в цвета обоих флагов.

А вот серый мне очень по душе.

Кроме этого, то ли из честолюбия, то ли просто по какой-то прихоти, обожаю золото и серебро.

Блеск и размытость.

В хорошую погоду я никогда не откажусь от того, чтобы меня куда-то подвезли, хотя бы за компанию.

Мы с отцом соревнуемся, кто сможет смешнее всего сделать замечание какому-нибудь неуклюжему пешеходу или назойливому автомобилисту. “Ну что за слон в парике!”, “Слюнявая голова!”, “Почисть зубы шпинатом!” и тому подобные фразочки мы выкрикиваем, в основном, друг другу и наслаждаемся поездкой.

Все это в хорошую погоду.

Но когда на улице холодно, туман, промозгло, мне хочется быть одной.

Под дождем.

Снегом.

Льдом.

Я надеваю дождевик, желтую непромокаемую шляпу и иду. Неважно, что тренировка по плаванию или библиотека находятся на другом конце города. Я совсем не против подождать на автобусной остановке, пока ветер хлещет по мне. Я мерзну, но этот холод не мучение, а дар. Благородный холод, в котором моя дрожь — это колебания моей души.

Потому что теперь я знаю, что так бывает.

Я не заболеваю, у меня не течет из носа, и даже если у меня иногда побаливает горло, то только потому, что я разговариваю даже в одиночестве.

Вернее, я говорю с собой, беззвучно, с открытым ртом, поэтому, когда мне приходится говорить настоящие, имеющие отношение к этому миру слова, сначала лучше прочистить горло

Иногда отец кладет передо мной газетную статью о Швеции или просто так, без особого умысла, замечает: “А вот шведы...”

Быть шведом — такое же невежественное состояние бытия, как и быть венгром.

Когда отец спросил у меня: «Ну, и кто сейчас король?» я, конечно, не знала.

Потом мы от души посмеялись над тем, какое все-таки глупое имя Карл Густав. В завершение отец добавил: «Прекрасная у него фамилия — Шестнадцатый!»

Я знаю, что столица Швеции — Стокгольм, но меня это мало интересует. Я думаю, что настоящим шведом можно быть только где-то очень далеко на севере. На карте я нашла маленький городок под названием Норшё.

Это именно такое место.

Я представила, что родственница моей одноклассницы тоже живет в Норщё. В моем представлении, Норщё — это несколько улиц с разноцветными деревянными домами, между которыми возвышается белая церковь. Может быть, дровосек и его семья живут и не в лесу, а как раз в Норщё. У них девять детей. Когда я была в детском саду, я хотела, чтобы у меня было девять детей и два мужа. Сразу двое, потому что не могла выбрать между двумя Балажами из старшей группы. Но это было давно, тогда я еще не была шведкой. Отец до сих пор подшучивает надо мной по поводу девяти детей, тем более что с годами количество детей, которых я хотела бы иметь, неуклонно уменьшалось. Теперь, когда он спрашивает, я просто мудро отвечаю: «Посмотрим». Я стала более осторожной, исходя из собственных соображений. Что, если мои дети в Швеции однажды осознают, что они португальцы, как предлагал мой отец?

Не то чтобы это было трагедией. Возможно, полезно знать, кто ты такой.

Мой отец сказал, что знал человека, который был почти как я. Это был французский парень, который жил в прекрасном 250-летнем доме в знаменитой своим шампанским провинции, но все равно не был счастлив. Потому что он тоже жаждал холода. Чего-то более жесткого, грубого.

Чего-то всеобъемлющего; именно это слово приходит мне на ум, по моему опыту. Он хотел в Гренландию, страну льдов, но так и не переехал туда, более того, он там даже ни разу не бывал, по крайней мере, насколько известно моему отцу.

Впрочем, Гренландия не так уж плоха. С тех пор как я услышала историю о старом друге моего отца, я много думаю о ней. Мне нравится, но это слишком экстремально. Если бы я хотела жить среди ледяных глыб, то просто бы переехала в морозилку. Гренландия, говорят, все равно растает. Ее лед охладит Гольфстрим, и в Европе будет достаточно холодно...

Перевод Дарьи Александровны Васильевой (dariavasileva982@gmail.com), студентки 5 курса НГЛУ по специальности перевод и переводоведение. Перевод занял первое место в номинации «венгерская проза» (2024)

Карой Мехеш. Пожать руку королю Швеции

Одному только своему отцу я смогла рассказать о том, что на самом деле я — шведка. Ну не могу я это объяснить, просто чувствую, всей душой, всем сердцем чувствую, что я — шведка. Что бы это ни значило.

Отец у меня обычно тот ещё любитель подколов, но прислушиваться умеет. И понимать тоже. Понимать, что слова — это всего лишь слова, поверхность и не более... А вот что за этими словами стоит — это уже важно.

— И что теперь будем делать? — серьёзно, будто даже слишком серьёзно, спросил он. На секунду я подумала, что лучше бы он всё-таки пошутил.

— Выйду за какого-нибудь шведа, перееду в Швецию, — ответила я.

— Ахренеть, — сказал он, ведь я уже не маленькая, чтобы со мной сюсюкаться. — А чего ж ты тогда не португалка?

Этот спор между нами длится уже давно.

Вот пару лет назад я осознала, насколько люблю холод. Ветер. Дождь. Такой дубак, чтоб аж мурашки по коже. Ещё зимнее зимы. Отец только покачал головой. Он, наоборот, любит жару и уже в начале августа начинает выть, мол, лето уже скоро закончится, всему придёт конец, пропадёт его смысл жизни.

— Муж-швед... — задумчиво протянул отец. — Смотритель маяка? Охотник?

— Лесоруб, — не думая ответила я.

Просто когда-то одноклассница мне рассказала, что у неё родственница вышла за парня из Трансильвании, они вместе переехали в Швецию и муж теперь там работает лесорубом. Живут они далеко от города, вообще в каком-то глухом лесу: жена детей растит, а муж — деревья валит.

У меня даже голова закружилась от этой мысли: как же здорово было бы так жить!

Только с настоящим лесорубом, со шведом. Разве я многого прошу?

— Лесоруб, — ещё сильнее задумался отец.

Я думала, что он сейчас пошутит надо мной. Но, видимо, ничего смешного он не придумал.

Хоть я в душе и шведка, от этого я вовсе не хочу перестать быть венгеркой. Это не чувство национальной принадлежности, но и не просто симпатия к чужой стране. Красно-бело-зелёное полотно я люблю не меньше жёлтого креста на синем фоне. И я уже красила ногти акварелью и в те, и в другие цвета.

Но серый в принципе тоже ничего.

Кстати, не знаю, это такой глупый тренд или мне правда идёт, но я обожаю золотой и серебристый.

Как яркие звёзды и северное сияние.

Я совсем не против провести с кем-то время в тёплую погоду — хотя бы просто составить человеку компанию. У нас с отцом есть такое развлечение: обмениваться между собой негодующими замечаниями про слишком медлительных прохожих или слишком дерзких водителей и соревноваться, у кого самые дурацкие придирки:

«Вот ведь слониха в парике!»

«Ещё бы юбку надел!»

«Хоть бы зубы почистил!»

Шепчем такие остроты, чтобы слышно было только нам, и прекрасно проводим время. Но так бывает только в тёплую погоду.

А когда приходит влага, туман, ветер, я хочу побыть одна — я хочу окунуться в холод.

В лёд.

В снег.

В дождь.

Надеваю плащ и шапку и просто иду. Не важно куда: в библиотеку, в спортзал или вообще в другой конец города. Я рада постоять на остановке, пока бушует ветер. Мне холодно, но не до боли, потому что это желанный холод. Прохлада, легкая дрожь от которой — вибрации моей души.

Ведь, как известно, такое и правда существует.

И я не заболею, у меня не будет насморка, и даже если горло и заболит, то это только потому, что даже в полном одиночестве я разговариваю. То есть внутренним голосом, беззвучно, но с открытым ртом. А если потом мне нужно будет произнести вслух слова, которым есть место в этом мире, мне придётся прочистить горло.

Отец иногда подсовывает мне газетные статейки, где пишут про Швецию, или подмечает без какого-либо намёка или подтекста: «Ну и дают эти шведы...»

Будучи и шведом, и венгром, можно оставаться невеждой. Однажды отец спросил меня:

— А вот кто сейчас правит в Швеции?

Конечно же, ответа я не знала. Потом мы хорошо посмеялись над тем, какое же дурацкое у шведского короля имя — Карл Густав. Отец добавил:

— Хотя бы фамилия получше — Шестнадцатый!

Знаю, что столица у них — Стокгольм, но мне до столицы нет дела. Мне кажется, что настоящие шведы живут подальше, гораздо севернее. Недавно наткнулась на городок Норшё. Вот, в таком месте.

Я представляю, что родственница моей одноклассницы живёт в Норшё. Сам Норшё я вижу так: улицы с цветными деревянными домиками, все ведущие к церкви с белой башней. Может, семья лесоруба живет не в лесу, а именно в Норшё. И у жены от лесоруба девять детей. Когда я ходила в садик, я хотела девять детей и двух мужей. Двух мужей, потому что я не могла выбрать между двумя Балажами в моей группе. Но это было давно, до того, как я стала шведкой. Но с тех пор отец все припоминает мне этих девятерых детей, особенно учитывая то, что с годами количество планируемых мной детей всё уменьшается. Если меня сейчас спросить на тему, я мудро отвечу: «Поживём — увидим». Я стала осторожнее: а что если мои дети вдруг поймут, что они — португальцы, как надеялся мой отец. Не то что бы это трагедия. Наоборот, здорово, когда человек в душе знает, кто он такой. Интересно, что в подобных вопросах всегда фигурирует душа.

Отец рассказал мне, что знал одного человека в похожей на мою ситуации. Это был молодой француз, живший старинном доме в провинции, известной за местное шампанское. Но ничего из этого его не радовало. Потому что он тоже хотел окунуться в холод. Во что-то жесткое, колющее. Во что-то всеобъемлющее — сейчас только пришло в голову это слово, — как мне думается, по собственному опыту. Ему хотелось в Гренландию, в ледяное царство, но он туда так и не переехал и, как мой отец слышал, даже не приезжал.

Гренландия — тоже неплохо, но... Услышав историю француз, я сильно задумалась. Мне нравится его идея, но кажется слишком радикальной. Если бы я хотела жить среди сосулук, я могла бы жить в морозильнике. Гренландия всё равно уже тает. Её лед охлаждает Гольфстрим, а вместе с ним — Европу.

Перевод Анастасии Розуван (anastasiarozuvan@mail.ru). Родом из города Киров, учится на переводчика в МГУ. Любит Венгрию и музыкальный театр, мечтает перевести мюзикл, чтобы перевод пели с залитой светом сцены под аккомпанемент большого оркестра. Перевод занял второе место в номинации «венгерская проза» (2024)

Карой Мехес. Рукопожатие короля Швеции

Я всего лишь сказала отцу, что я шведка.

Пока я не могу этого объяснить, просто чувствую в глубине души, что я шведка. Что бы это ни значило.

Папа обычно отшучивается, но иногда может и внимательно выслушать меня.

И понять. Что мои слова — только внешнее, только звуки, но за ними... — нечто большее.

— И что теперь? — серьёзно спросил он. Слишком серьёзно, так что стоило что-то ему ответить.

— Мне придётся выйти замуж за шведа и жить в Швеции, — объяснила я.

— Твою же мать, — ругнулся он, больше не осторожничая со словами, не предназначенными для детских ушей. — И почему ты не португалка?..

Этот спор продолжается между нами уже довольно давно.

Года два назад я поняла, как сильно хочу холода. Ветра. Дождя. Дрожи.

Ещё большей серости, чем осенью.

Отец только покачал головой. Он, большой любитель жары, уже в начале августа сетует, что наступает осень, всё кончено, жизнь потеряла смысл.

— Шведский муж, мда... Смотритель маяка? Охотник на северных оленей?

— Лесоруб, — тут же выпалила я.

Потому что слышала как-то от одноклассницы, что её родственница вышла замуж за жителя Трансильвании, они переехали в Швецию, и он работает там лесорубом. Они живут в лесной глуши: родственница рождает детей одного за одним, а трансильванец рубит деревья.

У меня аж голова закружилась: как же это прекрасно!

По-настоящему, со шведским лесорубом. Только так.

Мой папа тоже был лесорубом.

Я надеялась, что это станет поводом для какой-нибудь шутки. Но нет.

*

Я шведка, но это не значит, что я не хочу быть венгеркой. Тем более что моя шведскость — не чувство национальной принадлежности. Даже не симпатия. Синий и жёлтый нравятся мне не больше, чем красный, белый и зелёный. Я всё равно уже крашу ногти акварелью.

Но мне очень нравится серый.

А ещё (не знаю, призвание это или каприз) я люблю золото и серебро.

Блеск и размытость.

Я была бы рада, если бы меня возили туда-сюда в хорошую погоду, хотя бы за компанию.

Мы с папой соревнуемся, кто ехиднее выскажется о споткнувшемся пешехода или назойливом автомобилисте. Ты, слоняра в парике! Слизняк! Почисти зубы шпинатом! Мы кричим эдакую чушь, в основном друг другу, и отлично проводим время.

Всему свой черёд.

Но когда наступают холода, и туман, и слякоть, мне хочется бродить одной.

Под дождём.

По снегу.

По льду.

Я надеваю дождевик и жёлтую шапочку от ветра и иду. Хоть на тренировку по плаванию, хоть в библиотеку на другом конце города. Мне нравится стоять на автобусной остановке, пока дует ветер. Мне холодно, но это не мучительный холод, это дар холода. Облагораживающий холод, а моя дрожь — маленькое дрожание души.

Потому что я уже знаю, что это такое.

Я не заболею, у меня не будет насморка, а если иногда и першит в горле, то лишь потому, что я разговариваю, даже когда одна. То есть — про себя, молча, но всё же с открытым ртом, и поэтому, если мне придётся говорить по-настоящему, словами, принадлежащими этому миру, я лучше сперва откашляюсь.

Иногда папа кладёт передо мной газетную статью о Швеции или просто бурчит, без особого намерения и подтекста, — мол, шведы...

*

Быть шведом так же невежественно, как и быть венгром.

Когда папа спросил: «Ну и кто там сейчас король?» — я, конечно, не знала. Потом мы вдоволь посмеялись над тем, какое дурацкое имя — Карл Густав. Папа ещё добавил, что Шестнадцатый — прекрасная фамилия.

Я знаю, что столица Швеции — Стокгольм, но меня это мало волнует. Я думаю, что только где-то далеко-далеко на севере можно быть настоящим шведом. Я нашла там городок под названием Нуршё.

Так и есть.

Я представляю, что родственники моей одноклассницы тоже живут в Нуршё. В моём воображении Нуршё — это несколько улиц с разноцветными деревянными домиками, среди которых приютилась церквушка с белой башней. Наверное, лесорубы живут всё-таки не в лесу, а в Нуршё. Девушка рождает от лесоруба девять детей. В детском саду я хотела девять детей и двух мужей. В смысле — одновременно, потому что я не могу выбирать из двух зайцев. Но это было давно, я тогда ещё не был шведкой. С тех пор папа шпынял меня этими девятью детьми, а особенно потому, что число моих воображаемых детей сокращалось год от года. А если вы спросите меня об этом теперь, я мудро отвечу: «Посмотрим». Я стала осторожнее, и, прежде всего, с самой собой. Что, если мои дети в Швеции однажды поймут, что я португалка, как того хотел мой отец?

Не то чтобы это трагедия. Хорошо, когда кто-то знает, кто ты и что ты такое. Забавно, сколько удивления в этих вопросах!

*

Папа говорит, что знал кое-кого похожего на меня. Это французский мальчик, живший в красивом доме, построенном четверть тысячелетия назад, в землях, известных своим шампанским, и всё-таки несчастный. Потому что тоже жаждал холода. Чего-то более жёсткого, более грубого.

Сейчас, из моего опыта, я вспомнила слово, обозначающее нечто более всеобъемлющее. Он жаждал Гренландию, страну льдов, но так туда и не переехал — во всяком случае, мой папа не знает, бывал ли он там хоть раз.

Гренландия — это неплохо, но с тех пор, как я услышала о старом приятеле моего отца, я много думала о ней. Она мне нравится, но, как по мне, это уж слишком экстремально. Если бы я хотела жить во льдах, я лучше перебралась бы в морозильник. Говорят, Гренландия всё равно растает. Льды её охладят Гольфстрим, и в Европе станет прохладно. [...]

Перевод Романа Олеговича Адрианова (лит. псевд. Элиас Отис, 93in39@gmail.com).

ВЕНГЕРСКАЯ ПОЭЗИЯ

Falcsik Mari. Valahol Európában, 2010-es évek

A vonat megy. Ablakában szép arányos,
kerek sarkú panoráma: mozgóképsor.
Elfér benne csillag és föld, messzi kémény,
bokrok dombon.

Most sorompó, közelítés: ház teteje,
ember, néember, kutya, macska, fonott kosár
bekötözve, a gyolcs alól tömött liba
kandikál ki.

Aztán csak fák. Majd a város: templomkereszt,
tetők cikkcakk sziluettje, távol a hegy,
elől a tér, szokott szobor — s az állomás
előtti úr.

Semmi mozgás, az épület alig látszik.
Nyíló sín pár, köztes ködök, álló vonat:
határzóna. Várakozunk. Tudjuk, mire.
Legalább mi.

Föltűnnek a zacskósapkák, barna bőröv
kék szöveten, vonatlépcsőn szélesedő
erős vállak. Ébresztő taps, arab tolmács,
értetlenség.

Kockás pokróc, négy sporttáska, síró baba,
alvajáró pici cipő, botladó láb,
kakaó bőr, téli dzsekik: egyszál férfi
két kicsinnyel.

Fiatal lány, színes kendő, szoros kötés,
szakadt álom. Holtfáradtság, csoszogó láb,
mély megadás, tört alázat. Kint három busz.
Hosszú menet.

Öveken kéz, várás csöndje. Nincs hangos szó,
nincs sürgetés. Csak segítőn felnyújtott kar,
leemelés, mutogatás, mozgó izmok
kék szövetben:

most a kislány, majd az anyja, lerepülnek,
aztán málhák, s odarakva egy kupacba
az egész sors. Nem parancs, csak halk terelés,
magyarázat:

„Autobus, finis Horgos” — be a zsákba,
megint újabb idegenbe nyíló méhbe.
Nincs erőszak. Csak a szánás fiatal szerb
tiszt szemében.

Némajáték. A tereltek semmi jelet
nem adnak már, s aki terel, csak asszisztál,
lépésekhez következő vak homályba,
tehetetlen.

Мари Фальчик. Где-то в Европе 2010-х...

Поезд едет. Красен облик ровных окон.
Панорама: ширь экрана, смена кадров.
Там и звёзды, там и пашни, трубы с дымом,
холм с кустами.

Вот заборы, приближенье: крыша дома,
парень с девкой, кот с собакой, вот корзинка,
в ней, верёвкой перевитый, гусь печёный —
вот так диво!

Дальше просто лес, деревья. Город, церковь,
под горою — крыш зигзаги, силуэты,
дальше площадь, облик в бронзе (так привычно!),
остановка.

Ни движенья, лик вокзальный еле виден.
Пары рельсов, мгла меж ними, поезд рядом:
здесь таможня. Ждём чего-то. Мы-то знаем!
Мы-то точно!

Исчезают шапки-бини, кожа сумок.
Расступитесь перед формой! Шум побудки.
Разговоры по-арабски, переводчик...
Непонятно!

Клетка пледа, груда сумок, плачет мальчик,
туфли деток, лунатично, спотыкаясь —
смуглость кожи, куртки с мехом — здесь мужчина,
два ребёнка.

Там красotka, шарф с узором, плотной вязки,
сон разрушен. Гнёт усталость, шаркнут тапки,
и покорно, и смиренно... Ей в автобус.
Ехать долго.

Руки держат. Ожиданье. Только тихо,
всё без спешки. Просто руки, просто помощь,
поднимают, направляют крепкой мышцей
в синей форме:

вот малышка, следом мама — больно падать.
Им помогут — тянут руки, — сложат в кучу
все пожитки. Ни команды, ни приказа —
объяснение:

«Вам в автобус, до конечной», — как утробу,
снова сумку открывают незнакомцу.
Без насилия. Лишь печальны очи серба-
офицера.

Тихо-тихо. Нет ни знака от идущих
ровным стадом, пастухи лишь помогают
отправляться в тьму слепую, шаг за шагом,
как котяткам.

*Перевод Романа Олеговича Адрианова (лит. псевд. Элиас Отис,
93in39@gmail.com). Перевод занял первое место в номинации “венгерская поэзия”
(2024)*

ТУРЕЦКАЯ ПРОЗА

Bilge Karasu. “Göçmüş Kediler Bahçesi” Beşinci Masal YAĞMURLU KENTİN GÜNEŞÇİSİ

Altıncı yaşında, Aslı'ya Ufarak teferek, sıskaca, kuruca bir adam duruyordu pencerenin ardında. Pencere kapalıydı; camı, su çizikleri içinde. Dışarıdan bakan, adamın yüzünü dalgalı dalgalı görürdü. Adam gözlerini kaldırmış, gökyüzüne bakıyordu. Oysa gökyüzünde görülecek bir şey yoktu. Düpedüz yoktu. Bu ülkeye her gün, her gece, her sabah, her akşam, yağmur yağırdı çünkü. Durgu durak bilmeksizin, hızlanmadan, yavaşlamadan, hele hele hiç dinmeden, tel tel, iplik iplik yağmur yağırdı. Kurşun rengi şuncacık değişmeyen bir gökyüzünde bakacak ne olsun, görecek ne olsun? Yağmur yağdığı için caddelerin asfaltlan, sokakların taşlan hep pınl pml ışıldar, duvarlar hep tertemiz ama karanlık yüzlü olur, pencere pervazlan, köşelerinden aşağı hep çizgi çizgi is bıyıklan salar, kiremit damlar hep cilalanmış gibi dururdu. Bahçeler yemyeşil olurdu ya kendi haline kalsa, nasıl kalsındı ki yağmur, bacalardan çıkan dumanlan hep bu yeşilliğin üzerine örterdi. Bu kentte oturanlar, doğdukları gündün öldükleri güne değin, gökyüzüyle denizi bir tek renkte bilirler, gökyüzünün mavi -açık olsun, koyu olsun, gene de maviolabileceğini, denizin de ona uyararak koyu maviden açık yeşile dek akla gelebilecek her türlü renge girip çıktığını, kırmızı, mor, san bile görünebileceği ni, ancak, dünyayı gezmiş görmüş kişilerden öğrenirlerdi. Hele, bunların anlattığına göre başka gökyüzlerinde pani parıl ışılan san -sanmsı, akımsı, kırmızımsı- bir güneş olmuştur gündüzleri. Geceleri ay, sürü sürü, türlü türlü yıldızlar görülürmüş bu göklerde. Bu kentten çıkmayanlar ise bu güneşi de hiç görmemişlerdi, ayla yıldızlan da... Gerçi, öğrenirlerdi okullarda, güneşin gün aydınlığını verdiğini. Onların günü ise, gökyüzleri gibi, denizleri gibi, kurşun rengi, daha doğrusu, kurşunumsu bozumsu bir renkti. İnsanlar bu kentte rengi yalnız deniz teknelerinde görürlerdi. Sandallar, mavnalar, gemiler, san, kırmızı, yeşil, mavi, mor, akla geldik, düşünülür her türlü renge boyanırdı yol yol, öyle salıverilirdi denize. Yağmur durmadan yağdığı için kediler köpekler, hele hele tavuklar, hiç dışarda dolaşmazdı. Çıkıp tütün teletin sınısıklam ıslansın diye gezilir miydi hiç? Akılsız kediler, köpekler, tavuklar da vardı elbet. Onlar çıkar, ıslanır, sonra da hastalanır, yataklara düşerlerdi. Bir kazlar vardı, bu yağmurun altında gezmekten hoşlanan. Onar yirmişer, kanatlan, kuyruklu birbirine dege dege dolaşırlar, yerin biraz üstünde salınan ayaklı bir buluta benzerlerdi. Bu bulutun üzerinde de uzun boyunlu kavaklar gibi ırgamr, gagalan, neredeyse, bu boyunlara bağlı değilmiş gibi açılır kapanırdı. Ama kaz sürüleri tek tük görülürdü; saçak altlarında, duvar diplerinde küskün küskün oturan köpekler, kediler ise pek çok... Bu kentte, sokakta gezen herkes şemsiye kullandığı için, dışandayken de şemsiyeler hiç kapanmadığı için, ana caddelerde adam boyunda bir dalgalı örtü gerilmiş gibi olurdu yerle gök arasında. Bu örtü ancak otobüslerin, tramvayların, evlerin, dükkânların, iş yerlerinin kapısında, çekilir, gerilir, yutuluverirdi iki dudak, iki çene, iki silindir arasına sıkışmış gibi... Gene bu yüzden her evde, şemsiye, pabuç kurutma gözleri, bu gözlerde biriken sulan akıtacak küçük oluklar olurdu. Daha önemlisi, gene bu

yüzden, sabahlan uyanan adamlar, başka kentlerde oturanlar gibi pencerelere, kapalı kepenklere, pancurlara koşup "hava bugün nasıl acaba?" diye heyecanla, ya da sıkıntıyla, gökyüzüne bakmaz, yahut, yattığı yerde, perdelerden sızan, pencerelerden duvara vuran ışığa bakıp, kimi zaman da arabaların tekerlek seslerine kulak verip yağmur mu yağıyor, kar mı, hava kuru mu, güneşli mi, diye kestirmeğe kalkmağı akıllarının köşesinden bile geçirmezlerdi. Bu kentte yaşayanlar, havanın nasıl olsa yağmurlu olacağını bildiklerinden, ne ışığa bakarlardı ne de seslere kulak verirlerdi. Doğdukları günden bu yana, bunların hiçbirini deęişmemiştii ki...

Бильге Карасу. Сад умерших котов
Человек Солнца из города Дождей
Аслы, шести лет от роду

Маленький, худой, сухой человек стоял у окна. Окно было закрыто. По стеклу текли капли дождя. Снаружи казалось, что по лицу человека пробегала рябь. Мужчина поднял глаза и стал всматриваться в небо. Но в небе не на что было смотреть. Совершенно не на что. Ведь в этих краях каждый день, каждую ночь, каждое утро и каждый вечер лил дождь. Не останавливаясь, не ускоряясь, не замедляясь, не прекращаясь — капля за каплей, нить за нитью, струйка за струйкой — лил дождь. На что можно смотреть, что увидеть в свинцовом небе, цвет которого никогда не менялся?

Из-за дождя асфальт на дорогах и брусчатка на тротуарах всегда блестели, стены домов были чистыми, но потемневшими, окна всегда закрытыми, по углам подоконников вниз шли тёмные потёки сажи, а черепичные крыши выглядели отполированными. Сады могли бы быть ярко-зелёными, но на зелени оседал дым из труб.

Жители города со дня рождения до дня смерти знали только такой цвет неба и моря. И только от тех, кто сумел посмотреть мир, они узнавали, что небо может быть синим — светлым или темным, но всё равно синим; а море, вслед за небом, окрашивается во все цвета и оттенки, от тёмно-синего до светло-зелёного, красного, фиолетового, даже жёлтого. А ещё, как говорили, в других краях на небе горит что-то желтовато-беловато-красноватое, а ночами светит месяц и видны мириады звёзд.

Люди, которые из города никуда не выбирались, не знали ни солнца, ни месяца, ни звёзд. В школе им, конечно, говорили, что именно солнце даёт свет в течение дня. Однако здесь дни были такими же серыми, как небо и море — точнее сказать, свинцовыми. В этом городе жители видели цвета только на бортах морских судов. Лодки, баржи, корабли выходили в море раскрашенными во все мыслимые и немыслимые краски: жёлтые, красные, зелёные, синие, фиолетовые.

Из-за постоянного дождя кошки, собаки и, в особенности, куры не выходили на улицу. А вы пошли бы прогуляться только ради того, чтобы намочить волосы? Конечно, находились глупые кошки, собаки и куры. Они

выходили, мокли, болели, и их приходилось лечить. Выходили и гуси — этим нравилось ходить под дождём. Сбившись в стаю по десять-двадцать штук, они ходили, задевая друг друга крыльями и хвостами, и напоминали клок серой тучи, спустившейся с неба побродить по земле. Длинные гусиные шеи колыхались над тучей, словно тополя, а клювы открывались и закрывались, будто существовали отдельно от шей. Но если гусиную стаю на улице можно было увидеть лишь изредка, то кошек и собак, обиженно притулившихся к стене дома или под навесом — очень часто.

Жители города никогда не выходили из дома без зонта, а зонты на улице никогда не закрывались, поэтому центральные проспекты, казалось, были затянуты колышущимся покрывалом на высоте человеческого роста. Оно тянулось, сминалось и рвалось только перед дверями автобусов, трамваев, домов, магазинов, офисов, будто стиснутое двумя губами, двумя челюстями, двумя роликами.

Из-за дождя в каждом доме была сушильная комната для зонтов и обуви, а в каждой такой комнате — жёлоб для стока воды.

А самое главное, что по той же причине, проснувшись утром, жители этого города, в отличие от людей в других краях, не бежали к окну, не открывали ставни, чтобы посмотреть на небо, или не спрашивали взволнованно: «Интересно, какая сегодня погода?» Им и в голову не приходило, что утром, ещё лёжа в кровати, можно по свету, проникающему через штору и падающему на стену, или по шуршанию автомобильных колёс понять, идёт снег или дождь, сухо ли на улице, солнечно ли. Жители города знали наверняка, что будет дождь, и не присматривались к свету, не прислушивались к звукам. С самого дня рождения для них ничего не менялось...

Перевод Азалета Кышоглу (asaletkisoglu@rambler.ru). Проживает в Москве. Преподаватель. Русский язык считает родным, однако в последнее время появился интерес к языку дальних родственников. Эти переводы являются первой пробой перевода с турецкого языка. Перевод занял второе место в номинации «турецкая проза» (2024)

Бильге Карасу. Сад переселившихся кошек
Пятая сказка
Солнечный человек дождливого города

Шестилетней Аслы

За окном стоял крошечный, тощий, сухонький человек. Окно было закрыто, и всё оно было в разводах от воды. Если кто-то заглядывал снаружи, то лицо этого человека казалось волнистым-преволнистым. Человек поднял глаза и теперь смотрел в небосвод. Однако в небе ничего не было видно. Совершенно ничего. А всё потому, что в стране этой каждый день, и каждую ночь, и каждое утро, и даже каждый вечер шёл дождь. Без остановки, не убыстряясь и не замедляясь, и, тем более, не затихая. Капли дождя

ниспадали, словно проволочки, словно ниточки. И на что же смотреть, что можно разглядеть в свинцовом небе, которое ни на капельку не изменяется? Из-за того, что каждый день шёл дождь, асфальт проспектов и камни на улицах всё время сверкали, стены всегда были чистые-пречистые, однако мрачноватые, с внешних углов подоконников стекали грязевые «усы», а черепичные крыши были точно отполированные. Сады были бы зелёными-презелёными, если бы их предоставили самим себе, да и как им не быть? Дождь всегда застилал дым, идущий из труб на эту зелень. Жители этого города с рождения и до самой смерти видели и небо, и море в одном единственном цвете, и лишь от тех, кто объездил и повидал мир, они узнавали, что небо всё-таки может быть синим: лазурный ли это цвет или хмурый и тёмный. А, значит, что и море может переливаться всеми цветами, какие только придут на ум: от тёмно-синего до светло-зелёного, и виднеются в нём даже красные, багровые и жёлтые оттенки. Особенно, они рассказывали, что днём, в небесах, оказывается, ярко сверкает жёлтое-прежёлтое, струящееся, пунцовое солнце. А по ночам в этих небесах, оказывается, виднеются луна и бесчисленное множество звёзд. А те, кто ни разу не выезжал из города, никогда не видали ни этого солнца, ни луны со звёздами... Впрочем, в школах учили, что днём солнце испускает свет. Хотя их день, как и небо, как и моря, был свинцовым, вернее, свинцово-серым. В этом городе люди видели другие цвета только лишь на морских судах. Лодки, баржи, корабли были раскрашены в жёлтый, красный, зелёный, синий, фиолетовый и в любой цвет, что можно вообразить, и так были выпущены в море. Из-за того, что дождь лил без остановки, кошки, собаки, а тем более, куры совсем не гуляли по улице. Да и разве гуляют, зная, что, выйдя, от волоска до пушинки, до ниточки промокнешь? Конечно, имелись и неразумные кошки, собаки и куры. Они выходили, промокали, а потом болели и валялись в постель. Были и гуси, любившие прогуливаться под дождём. Они бродили стайками по десять-двадцать птиц, дотрагиваясь друг друга крыльями и хвостами, и были похожи на облачко с ножками, качающееся низко над землёй. И на этом облачке длинные шеи покачивались, точно тополя, а клювы, будто почти и не соединённые с шеями, открывались и закрывались. Однако стайки гусей можно было увидеть редко, гораздо больше было собак, кошек, угрюмо-преугрюмо сидящих под козырьками домов, у стены... Из-за того, что в этом городе все, кто прогуливался по улице, использовали зонтики и зонтики там не закрывались, на главных проспектах между небом и землёй словно растягивалось волнистое покрывало на людских плечах. Покрывало это исчезало у дверей автобусов, трамваев, магазинов и бюро, разрывалось, поглощалось, как будто застряв между двумя устами, двумя подбородками, двумя цилиндрами... Вот почему в каждом доме были сушилки для зонтов и ботинок, а в сушилках – маленькие желобки для слива скопившейся воды. А что ещё важнее, вот почему люди, просыпавшиеся по утрам, даже не устремлялись к окнам, к закрытым ставням и шторам, спрашивая: «Интересно, какая сегодня погода?» – и не смотрели в небо с волнением или

со скукой, словно жители других городов. Они даже и не думали попытаться вздремнуть в мыслях о том, идёт ли дождь или снег, погода сухая или солнечная, глядя с кровати на свет, струящийся сквозь занавески и падающий на стены, и иногда вслушиваясь в стук колес, как это делали другие. Ведь жители этого города знали, что погода всё равно будет дождливая, вот и ни на свет не глядели, ни к стуку колёс не прислушивались. С рождения и поныне ничегошеньки у них не изменилось...

Перевод Дарьи Ванюковой (vanykova.darya.24042003@gmail.com), студентки факультета иностранных языков АГУ им. В. Н. Татищева (турецкий и английский языки). Пишет стихотворения, а также несколько лет занимается художественным переводом. Перевод занял третье место в номинации «турецкая проза» (2024)

Бильге Карасу. Сад ушедших кошек Сказка пятая. Солнце дождливого города

За окном стоял Аслия Уфарак, маленький, тощий, сухонький шестилетний человечек. Окно было закрыто; стекло всё в водных разводах. Всякий, кто посмотрит снаружи, увидит, что лицо человечка волнисто. Человечек поднял взгляд на небо. Но на небе ничего не было видно. Его просто не было. Потому что дождь в этой стране шёл каждый день, каждую ночь, каждое утро, каждый вечер. Дождь лил струя за струёй, не останавливаясь, не ускоряясь, не замедляясь, но главное — не прекращаясь. На что тут смотреть, что можно увидеть в свинцовом небе, цвет которого никогда не меняется? А поскольку всегда дождь, уличный асфальт и мостовые всегда ярко блестели, стены всегда были чистыми, но мрачными, по подоконникам всегда растекались полосы от сажи, а черепичные крыши всегда выглядели как отполированные. Сады были бы пышно-зелёными, если бы росли сами по себе, а так дождь всегда покрывал эту зелень дымом из труб.

Жители этого города со дня своего рождения и до дня своей смерти воспринимали небо и море в едином цвете, и только от повидавших мир путешественников слышали, что небо может быть голубым — от светлого до тёмного, но всё же синего, — и что море тоже может зажигаться и переливаться всеми мыслимыми тонами, от тёмно-синего до светло-зелёного и красноватого, и даже казаться фиолетовым или жёлтым. Более того, с их же слов они знали, что в других местах небо днём бывает ясным, и на нём сияет солнце — желтоватое, переменчивое, красноватое. Ночью на том же небе виднеется луна, множество звёзд и всевозможных созвездий. А те, кто не покидал города, никогда не видели этого солнца, этой луны, этих звёзд... Хотя и изучали в школе, что именно солнце рождает дневной свет.

Их день, как и небо, как и море, был свинцовым, точнее — свинцово-серым. Другие цвета жители этого города видели только на морских судах. Лодки, баржи, корабли — жёлтые, красные, зелёные, синие, фиолетовые — раскрашивались во все цвета, какие приходили на ум, и отправлялись в море.

А поскольку всегда шёл дождь, кошки, собаки и особенно куры старались не выходить на улицу. Ведь кому захочется гулять под дождём и мочить волосы или перья! Конечно, были и безмозглые кошки, собаки и куры. Они выходили, мокли, потом заболели и долго лежали в постели. Только гуси любили гулять под дождём. Они бродили по округе стадом по двадцать голов, касаясь друг друга крыльями и хвостами и напоминая облако с ногами, проплывающее невысоко над землёй. Над этим облаком их длинные шеи возвышались, как тополя, а клювы открывались и закрывались так, словно не были прикреплены к этим шеям. Но стадо гусей видели лишь иногда; а под карнизами и вдоль стен обиженно восседали многочисленные собаки и кошки...

По этому городу, где все прохожие были с зонтиками, и зонтики никогда не закрывались на улицах, словно бы катилась волна в человеческий рост. По главным улицам меж землёй и небом будто бы был натянут навес. Навес этот колыхался, растягивался и проваливался в двери автобусов, трамваев, домов, магазинов и предприятий, будто зажатый меж двумя губами, меж двумя челюстями, меж двумя цилиндрами... По той же причине в каждом доме были сушилки для зонтиков и обуви, вода от которых стекала по маленьким канавкам. И, что куда важнее, — по той причине просыпающиеся по утрам люди, в отличие от жителей других городов, не подбегали к окнам, не открывали ставен, не поднимали штор и не спрашивали: «Интересно, какая сегодня погода?» Они не смотрели на небо ни с волнением, ни с досадой, не лежали, глядя на свет, просачивающийся из окон сквозь шторы и падающий на стены, и не прислушивались время от времени к шуму автомобильных шин, пытаясь угадать, идёт ли дождь или снег, сухо ли, солнечно ли. Они даже не выглядывали в окно. Жители этого города знали, что на улице всегда дождь, и потому не смотрели на свет и не прислушивались к звукам. Ничто не менялось с самого дня их рождения...

Перевод Романа Олеговича Адрианова (лит. псевд. Элиас Отис, 93in39@gmail.com).

ТУРЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ

Yunus Emre

Aşkın aldı benden beni bana seni gerek seni
Ben yanaram dün ü günü bana seni gerek seni
Ne varlığa sevinirem ne yokluğa yerinürem
Aşkın ile avunuram bana seni gerek seni
Aşkın âşıklar öldürür aşk denizine daldırır
Tecelliyile doldurur bana seni gerek seni
Aşkın şarabından içem Mecnun olup dağa düşem
Sensin dün ü gün endişem bana seni gerek seni

Sofilere sohbet gerek ahilere ahret gerek
Mecnun'lara Leylâ gerek bana seni gerek seni
Eğer beni öldüreler külüm göğе savuralar
Toprağım anda çağıra bana seni gerek seni
Yunus dürür benim adım gün geldikçe artar odum
İki cihanda maksudum bana seni gerek seni

Юнус Эмре (Yunus Emre)

Я сам себя не узнаю:
Нуждаюсь только лишь в Тебе.
Я пламенем любви объят:
Нуждаюсь только лишь в Тебе.

И в жизни радости мне нет,
И в бедности мне горя нет,
Твоей любовью я согрет:
Нуждаюсь только лишь в Тебе.

Влюблённым есть нужда в словах,
Аскетам — в райских небесах,
Меджнун нуждается в Лейле,
А я нуждаюсь лишь в Тебе.

И если смерть моя придёт,
И прах мой ветер унесёт,
Сама земля тогда взревёт,
Что я нуждаюсь лишь в Тебе.

Меня не манят райский сад,
Объятья гурий, блеск палат...
Куда любой попасть был рад,
Нуждаюсь только лишь в Тебе.

И пусть Юнус меня зовут,
Для горестной души приют
Я в двух мирах искать пойду,
Везде нуждаясь лишь в Тебе.

Юнус Эмре

В любви я потерял себя —
Любовь к тебе мне так нужна.
Сгораю днём и ночью я —
Любовь к тебе мне так нужна.

Вся жизнь моя полна тобой
И смерть мне тоже не страшна.
Любовь дарована судьбой —
Любовь к тебе мне так нужна.

Безжалостная та любовь,
Губительная, как волна,
Но и божественна. И вновь
Скажу, что мне она нужна.

Я пью любви твоей вино,
Меджнуна боль познал сполна.
Тобою сердце пленено,
Любовь к тебе мне так нужна.

Пусть суфий разговор ведёт,
Что есть загробная страна.
Меджнун-безумец Лейлу ждёт.
Любовь к тебе мне так нужна.

А если вдруг убьют меня
И жизнь в раю мне суждена,
На землю брошусь с криком я:
Любовь к тебе мне так нужна.

Юнус мне имя. День за днём
В мирах обоих цель одна:
Неугасимым стать огнём.
Любовь к тебе мне так нужна.

Перевод *Алексея Михайловича*
Первушина (alexispervushin@gmail.com).

Перевод *Азалета Кышоглу*
(asaletkisoglu@rambler.ru). Проживает в

Студент Восточного факультета СПбГУ по специальности «История Турции». Изучает турецко-немецкие культурные связи, питает живой интерес к турецкой истории и литературе, переводит стихотворения с турецкого и немецкого языков. Занимается организаторской деятельностью: создал в СПбГУ Турецкий клуб Восточного факультета, в рамках которого проводятся открытые научные лектории, вечера турецкой поэзии и празднования турецких национальных праздников (https://vk.com/turk_kulubu). Перевод занял первое место в номинации «турецкая поэзия» (2024)

Москве. Преподаватель. Русский язык считает родным, однако в последнее время появился интерес к языку дальних родственников. Эти переводы являются первой пробой перевода с турецкого языка. Перевод занял второе место в номинации «турецкая проза» (2024)

Юнус Эмре (Yunus Emre)

Я гибну от твоей любви, мне нужен ты и только ты!
Я день и ночь горю в огне. Мне нужен ты и только ты!
Пусть золото блестит, маня, и бедность не страшит меня,
Заменит всё любовь твоя, мне нужен ты и только ты!
Кто любит, от любви умрёт, в её пучине пропадёт
И там сиянье обретет. Мне нужен ты и только ты!
Не видя радости в вине, пойду скитаться по земле,
Но думы будут о тебе. Мне нужен ты и только ты!
Беседы суфиям важны, христианам — рай, о рае сны,
Меджнунам Лейлы лишь нужны, мне нужен ты и только ты!
И если завтра я умру, развеите прах мой поутру,
Пусть над землёй звучит в миру: «Мне нужен ты и только ты!»
Меня зовут Юнус, я твой, ты предначертан мне судьбой,
И в этой жизни и в другой мне нужен ты и только ты!

Перевод Евгения Владимировича Вторушина (vtorev1@rambler.ru). Окончил филологический факультет Северного международного университета. Дипломная работа была посвящена гедонистическим мотивам в поэзии Ближнего и Среднего Востока. В студенческие годы участвовал в переводческой работе: практиковался на переводе стихотворений Вольфганга Борхерта. После окончания университета работал журналистом, и поэтическая деятельность была завершена. Перевод занял третье место в номинации «турецкая поэзия» (2024)

Юнус Эмре (Yunus Emre)

В твоей любви мои мечты. Ты нужен мне, один лишь ты.
И день, и ночь огонь в груди. Ты нужен мне, один лишь ты.

Не манит жизни полнота, и не пугает пустота.
В твоей любви утешусь я. Ты нужен мне, один лишь ты.
В твоей любви идут ко дну. Как в море я в неё нырну
Увидеть света глубину. Ты нужен мне, один лишь ты.
Твоей любви вино до дна я буду пить. Сойду с ума,
Тревожась о тебе без сна. Ты нужен мне, один лишь ты.
Суфию дело до бесед, Ахису нужен лишь тот свет,
Меджнун нуждается в Лейли. Ты нужен мне, один лишь ты.
А если вдруг меня убьют, и прах по небу разовьют,
Паду в объятия земли. Ты нужен мне, один лишь ты.
Юнусом все меня зовут. Мои желанья растут
И в двух мирах: и там, и тут. Ты нужен мне, один лишь ты.

*Перевод Игоря Измайлова (tasteless@mail.ru). Переводчик коротко о себе:
«Взобрался я на пьедестал. Живу в Перми и лью металл». Перевод занял третье
место в номинации «турецкая поэзия» (2024)*

Юнус Эмре

Твоя любовь меня забрала у меня: ты мне нужна...

Твоя любовь меня забрала у меня: ты мне нужна.
Сожгу вчерашний день, и так день ото дня: ты мне нужна.

Не радуюсь, что есть, и не гнетёт меня конечность дней.
Любовью всякий миг утешусь я твоей: ты мне нужна.

Любовь убьёт влюблённых, их швыряя в океан любви.
В меня прольёт она явления свои: ты мне нужна.

Я пью вино любви, схожу с ума и падаю со скал.
Забота всех минувших дней, тебя искал — ты мне нужна.

Беседа суфиям нужна, а Братьям нужен Ахират.
Нужна Лейли Меджнуну — ею он богат. Ты мне нужна.

Когда убьют меня, когда мой прах на небо зашвырнут —
Зови, земля, к себе: твоих я пленник пут — ты мне нужна.

Согнётся Юнус — но его день ото дня сильнее дух.
Хочу, чтоб в двух мирах, в джихадах двух, была ты мне нужна.

*Перевод Романа Олеговича Адрианова (лит. псевд. Элиас Отис,
93in39@gmail.com).*

الغيث

كانت نائلة واقفة في باحة البيت تدندن بأغنية غير مرحة وتحمل يداها إبيريقاً زجاجياً مملوءاً بالماء وتسقي أصص الورد، فسمعت جرس باب البيت يرنّ بالحاح، وسارعت إلى فتح الباب لتجد أجيراً صغير السن أخبرها بصوت متقطع مذعور أن زوجها كاظم الحموي أغمي عليه وهو في متجره، ونقلته سيارة إسعاف إلى المستشفى، ولكنه مات قبل أن يصل إليه، فأفلتت أصابع يديها إبيريق الماء وسقط مكسراً على الأرض وتناثر شظاياها، وفتحت عينيها إلى أقصاهما مدهوشة مذهولة مبهوتة، وشلها حزن قاهر منعها من البكاء والندب والصراخ ولطم الوجوه والصدور، واكتأبت كآبة جعلتها تقعد على الأرض الباردة زاهلة عن الكرسي الوثير القريب منها، وفجأة

خضعت لخشوع جارف، فانحنى على الأرض وقبلتها، ونظرت إلى السماء، وصرخت: "أنت كبير يا رب!".

وكان للمصائب سحرها الغامض العسير على التأويل، فعندما قعدت نائلة على الأرض كانت مجرد امرأة في الثلاثين من عمرها، ولكنها عندما نهضت واقفة كان عمرها أقل من عشرين سنة، واختفى اللون الأصفر من جلدها ليحل محله لون وردي، وهرعت إلى المطبخ، ودلقت في البالوعة الزيت والسمن والخل، ونثرت على الأرض البرغل والأرز والعدس والفلفل والزعتر والملح كأن الطعام لم يعد مستساغاً بعد موت زوجها، وخرجت من المطبخ، وركضت بين غرف البيت، وجمعت كل ما لدى زوجها من ثياب، وقطعتها بالمقص قطعاً صغيرة، ورمتها في باحة البيت، وأشعلت فيها النار، وأتلفت كل الصور الفوتوغرافية لزوجها وهي المؤمنة أن تقليد الخالق كفر، وحذفت من أرشيف زوجها في الآخرة صفحة خطيرة ملأى بالذنوب، وما كان يدهمها من حزن طاغ جعلها تنسى ارتداء ملاءتها السوداء، وسارت في الجنازة وراء التابوت الذي سجي فيه زوجها حاسرة الرأس وشعرها الأسود الطويل يتهدل على كتفيها ووجهها متطائراً في الهواء، ولم تشتتر ثوباً حالك السواد لحرصها على ألا تنفق أموال زوجها إلا على أعمال البر والإحسان، واكتفت بارتداء ثوب أحمر ضيق قصير لن يصل إلى ركبتين

بلون الحليب مهما حاول وركض، ومشيت به بخطوات متباطئة وقور جعلت الرجال لا ينامون في الليل حزاني، وعندما وصلت الجنازة إلى المقبرة ووضع زوجها في حفرة القبر وأهيل التراب عليه، طاش صوابها، وزغردت وهي تظن أنها تولول، وصاحت به متسائلة بصوت ملتاغ: "كيف رحمت يا كاظم وتركتني؟".

وكان زوجها كاظم الحموي غصناً مقطوعاً من شجرة مجهولة، لا أهل له البتة، وكان غنياً لا يثق بالمصارف ولا بالأوراق النقدية، وكل ما يجمعه يحوله ليرات ذهبية ويخبئها في بيته في أماكن سرية لا تجهلها نائلة، وكان يملك متجرًا كبيراً يحتوي جميع أنواع الأقمشة وأغلاها، فباعته نائلة على عجل بكل ما فيه كأنها على سفر قريب، فلم تسافر، ولكنها لم تستطع العيش في بيت شهد حياتهما حلوها الكثير ومرها القليل، فباعته أيضاً، واشترت بيتاً آخر أكبر وأفخم حتى يتسع لذكرياتهما المشتركة مع زوجها، وفرشته من أوله إلى آخره بأثاث جديد، ولم يكف الرجال متزوجين وعزاباً عن التردد إليه لتقديم تعازيهم إلى امرأة لا تنسى زوجها الذي مات.

Закария Тамер. Божья роса

Наиля стояла во дворе своего дома и грустно напевала, держа в руках стеклянный графин с водой и поливая из него цветы в горшках, когда звонок уличной двери настойчиво зазвенел. Она поспешила открыть. Малолетний паренек, работник ее мужа, испуганным срывающимся голосом сообщил ей, что хозяин, Казем аль-Хамави, потерял сознание в своем магазине, на «скорой» его повезли в больницу, но дорогой он умер.

Графин выскользнул из пальцев и упал, разлетевшись на множество мелких осколков под ее ногами. Пораженная, застигнутая врасплох женщина застыла в оцепенении с широко раскрытыми глазами и от невыносимой боли, сковавшей ее тело, она не могла ни плакать, ни кричать, ни колотить себя по лицу и груди, как делают в подобных обстоятельствах. Тяжелая скорбь заставила ее опуститься на холодную землю мимо мягкого стула, покорная неумолимой судьбе она вдруг наклонилась и припала к ней губами, а затем воздела глаза к небу и прокричала: «Боже, ты велик!»

У несчастья своя таинственная сила: Наиля опустилась на дорожку обычной тридцатилетней женщиной, а когда поднялась на ноги, ей едва можно было дать двадцать лет. Желтоватый оттенок ее зрелой кожи уступил место нежному румянцу. Она метнулась на кухню и повыливали в раковину масло, жир и уксус. Булгур, рис, чечевицу, перец, тмин и соль она высыпала в землю, будто решила больше не притрагиваться к еде после смерти мужа. Бегающая из комнаты в комнату, она собрала все вещи покойного, искромсала их ножницами, свалила в кучу посреди двора и подожгла. Она снимала и

выбросила все мужнины фото, ибо свято верила, что любое изображение человека – грех. Тем самым она словно уничтожала улики его земных пороков перед высшим судом.

Печаль безбрежная затмила ее разум, и она шла за гробом с непокрытой головой, с ниспадающими на лицо и плечи длинными черными волосами, терзаемыми ветром, ибо забыла несчастная о траурном облачении. Она не купила себе черного наряда, не желая тратить на преходящее сбережения покойного, и шла до кладбища в облегающем красном платье, едва достигающим до ее молочного-белых колен. Оно было так узко, что Наиле пришлось с достоинством семенить мелкими шажками, лишив мужчин сна в эту скорбную ночь. А когда гроб с телом опустили в могилу и послышался стук земли о его крышку, она, совсем обезумев от горя, вместо плача издала радостный крик. «На кого ж ты меня покинул?! – пел ее приятный голос.

Казим аль-Хамави, покойный муж, был отрезанной ветвью неизвестного дерева: у него совсем не было родственников. Он был богат, но не доверял банкам и бумажным купюрам, поэтому хранил свое состояние в золотых монетах, которые прятал по дому в укромных местах, не делая тайн от жены. У него был большой магазин тканей, среди которых был даже эксклюзивный товар. Наила быстро продала его со всем товаром вместе, словно готовилась срочно уехать из города. Но не поехала. И жить в доме, который был свидетелем их семейного благополучия, было тоже выше ее сил. Поэтому она продала и этот дом, а себе купила другой, больше прежнего, такой, что мог бы вместить все ее многочисленные теплые воспоминания о супруге. Она обставила свой роскошный уголок новой мебелью, и мужчины, женатые и холостые, никогда не переставали посещать ее, дабы выказать почтение безутешной вдове.

Перевод Натальи Николаевны Ворониной (formyleo@bk.ru). Выпускница Восточного факультета СПбГУ, преподаватель арабского языка в ЮФУ (Ростов-на-Дону). Считает художественный перевод своим основным хобби, много переводит «в стол». Перевод занял первое место в номинации «арабская проза» (2024)

Закария Тамер. Дождь

Наила напевала невеселую мелодию, поливая цветы во дворе из стеклянного чайника. Услышав настойчивый дверной звонок, она поспешила открыть; на пороге стоял молодой рабочий, который срывающимся голосом сообщил, что Казим Аль-Хамави, ее муж, потерял сознание у себя в магазине, скорая повезла его в больницу, но он скончался до прибытия туда. Чайник выскользнул из рук Наили и упал на землю, разбившись вдребезги, а она стояла, сбита с толку, широко открыв глаза. Ее сковало безмерное горе, не позволявшее ни заплакать, ни закричать, ни схватиться за голову и рвать на себе волосы. Ее охватила тоска, и она осела на холодную землю, не замечая стоящее рядом мягкое кресло. Вдруг Наила в глубоком благоговении

склонилась над землей, поцеловала ее, подняла взгляд к небу и крикнула: “О Аллах, ты велик!”

Несчастья как будто обладают собственной непостижимой магией, которую трудно объяснить: когда Наиля оседала на землю, она была обычной тридцатилетней женщиной, но, стоило ей подняться на ноги, она словно помолодела на десять лет, с ее лица сошел желтый оттенок и кожа порозовела. Она поспешила на кухню, где вылила в раковину оливковое масло, добавив к нему топленое масло и уксус, и высыпала на пол булгур, рис, чечевицу, перец, тимьян и соль, словно после смерти мужа ей больше не нужно будет есть. Выйдя из кухни, она металась по комнатам, собирала все, что было у мужа из одежды, и резала на мелкие кусочки, после чего выбросила всё это на улицу и подожгла. Наиля уничтожила все фотографии мужа, так как верила, что подражание Создателю — это богохульство, и своими действиями женщина вырвала греховную страницу из прошлого мужа.

Из-за постигшего ее горя Наиля забыла надеть черную накидку и поэтому на похоронах шла с непокрытой головой позади погребальных носилок с мужем; ее длинные черные волосы окаймляли лицо и струились по плечам, приподнимаясь от дуновения ветра. Она не стала покупать черное как смоль платье, стараясь тратить деньги мужа только на праведные дела или благотворительность, поэтому надела узкое и короткое платье красного цвета, которое открывало ее молочно-белые колени, как бы она ни старалась спустить его ниже. Наиля шла медленно, и от вида изгибов ее ног мужчины томились и не могли спать по ночам. Когда траурная процессия приблизилась к месту погребения и покойного положили в могильную яму, засыпав ее землей, Наиля поддалась эмоциям и издала радостный возглас (хотя ей самой казалось, что она рыдает), переросший в всхлип: "Казим, как ты мог уйти и бросить меня?"

Казим словно был веткой, отрезанной от неведомого дерева: у него не было никаких родственников, при этом он был богатым, не доверявшим банкам или купюрам, — всё, что у него было, он превращал в золотые лиры и прятал их дома в местах, о которых жена прекрасно знала. Он владел большим магазином, в котором продавались всевозможные виды тканей, в том числе и самые дорогие, — Наиля быстро, как будто скоро собиралась уехать, продала его вместе со всем, что в нем было. Она не уезжала насовсем, но и жить в этом доме, свидетеле многих приятных моментов их жизни и немногих невзгод, больше не могла. Женщина продала его и купила другой, больше и роскошнее прежнего, чтобы в него вмещались их общие с мужем воспоминания; она обставила дом новой мебелью от пола до потолка. Туда не переставая приходили женатые и холостые мужчины, чтобы выразить соболезнования женщине, не забывшей своего умершего мужа.

Перевод Александрины Буковской (alexandrinum@gmail.com). Окончила отделение арабистики в РГГУ (2021) и магистерскую программу ВШЭ "Мусульманские миры в России" (2021-2023). Начинаящий переводчик и IT-специалист. Перевод занял третье место в номинации «арабская проза» (2024)

Закария Тамер. Дождь

Наиля стояла во дворе, напевая невесёлую песенку и поливая цветы в горшках из стеклянного кувшина, когда в дверь настойчиво позвонили. Она торопливо открыла. Испуганный мужчина рассказал, что её муж, Казим аль-Хамви, потерял сознание у себя в магазине, и скорая отвезла его в больницу, но он... он умер, а ему было велено донести эту весть до неё. Её руки задрожали, кувшин выпал и разлетелся на осколки. Она хлопала глазами, изумлённая, ошеломлённая, потерянная, скованная всепоглощающим горем, мешающим ей плакать, рыдать, причитать, бить себя в душу и в грудь. В приступе скорби она села прямо на землю, даже не обратив внимания на стоящий рядом удобный стул. И вдруг...

...подчинилась неодолимому смирению. Она открыла рот, бросила взгляд на небо и закричала:

— Щедрь дары Твои, Господи!

Будто бы в этих несчастьях была своя таинственная магия, с трудом поддающаяся объяснению.

Сидя на земле, Наиля была лишь тридцатилетней женщиной, но когда она встала, ей было меньше двадцати; даже кожа словно порозовела. Она отправилась на кухню, вылила в канализацию масло, уксус и гхи, расплескала по земле йогурт, рассыпала рис, чечевицу, гвоздику, тимьян и соль: когда муж умер — еда потеряла вкус. Покинув кухню, она пронеслась по комнатам, собрала всю, какую нашла, мужнину одежду, раскромсала её ножницами на мелкие лоскутки, вышвырнула во двор и подожгла. Огонь уничтожил и все фотографии мужа: она считала кощунством подражать Творцу и удалила из личного дела мужа в загробном мире опасную страницу «Грехи» и заглушила свой крик. С неодолимой печалью, заставившей её забыть надеть чёрную шляпку, она следовала за гробом мужа с непокрытой головой, и длинные чёрные волосы падали ей на плечи и развевались вокруг лица. Стремясь сберечь деньги мужа на благотворительность, она не стала покупать туевых веток и ограничилась коротким, облегающим красным платьем, не доходившим и до колен цвета молока. Но, как бы она ни старалась и ни спешила, она цеплялась за мужа и двигалась неторопливыми, исполненными достоинства шагами, оставив других мужчин ночевать на улице. Ночь была полна скорби, и когда похоронная процессия достигла Аль-Мукайры, а тело мужа опустили в гравийную яму и присыпали комьями земли, её голос сорвался, она завывала и будто бы даже зарыдала, крича на него и вопрошая истошным голосом:

— Куда ж ты ушёл, Казим, на кого ты меня покинул?!

Муж её, Казим аль-Хамви, был срубленной веткой неизвестного дерева. Он был семьянином, доверившим банку свои сбережения, и обращал всё, что накопил, в банковские чеки. Он был богат, и Наиля была очень богата. Он владел большим магазином, и в домашних тайниках хранились всяческие ткани и тряпки, которые Наиля поспешила продать — как и всё, что нашла у себя дома, — разбрасываясь всеми своими пожитками, словно ей предстояло

скорое путешествие. Она редко выезжала куда-то, но не могла больше жить в доме, где вся её жизнь была свидетелем частых радостей и редких огорчений, поэтому продала его тоже и купила новый, более просторный и роскошный, в котором хватило бы места на их общие с мужем воспоминания. Она обставила его новой мебелью, но редко водила в него мужчин, холостых и женатых. Она забывает своего покойного мужа и приходит к нему, чтобы выразить свою женскую скорбь.

Перевод Романа Олеговича Адрианова (лит. псевд. Элиас Отис, 93in39@gmail.com).

АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ

كريم العراقي

لا تشك للناس جرحا أنت صاحبه

فَدَاسَ قَلْبِي وَكَانَ الْقَلْبُ مَنزِلَهُ
فَمَا وَقَائِي لِحِلِّ مَالِهِ قَيْمُ

لا تشك للناس جرحا أنت صاحبه
لا يؤلم الجرح إلا من به ألم

لَا الْيَأْسُ ثَوْبِي وَلَا الْأَحْزَانُ تَكْسِرُنِي
جُرْحِي عَيْنِي بَلْسَعِ النَّارِ يَلْتَنِمُ

شكواك للناس يا ابن الناس منقصة
ومن من الناس صاح ما به سقم

اشرب دموعك واجرع مرها عسلا
يغزو الشموغ حريق وهي تبتسم

فالهّم كالسيل والأحزان زاخرة
حمر الدلائل مهما أهلها كتموا

وَالْجَمُّ هُمُومَكَ وَاسْرِجَ ظَهْرَهَا فَرَسًا
وَانْهَضَ كَسِيفٍ إِذَا الْأَنْصَالُ تَلْتَحِمُ

فإن شكوت لمن طاب الزمان له
عيناك تغلي ومن تشكو له صنم

فَالْخَيْرُ حَمْلٌ وَدِيْعٌ خَائِفٌ قَلْقُ
وَالشَّرُّ ذَنْبٌ حَبِيْبٌ مَّاكِرٌ نَهْمُ

وإذا شكوت لمن شكواك تسعده
أضفت جرحا لجرحك اسمه الندم

كُنْ ذَا دَهَاءٍ وَكُنْ لِيصًا بَعِيْرِي يَدِ
تَرَى الْمَلْدَاتِ تَحْتَ يَدَيْكَ تَرْدَحِمُ!

هل المواساة يوما حررت وطنا
أم التعازي بديل إن هوى العلم

فَالْمَالُ وَالْجَاهُ تِمْنَالَانِ مِنْ ذَهَبِ
لَهُمَا نُصْلِي بِكُلِّ لُغَاتِهَا الْأُمَمُ

من يندب الحظ يطفئ عين همته
لا عين للحظ إن لم تبصر الهمم

شكواك شكواي يا من تكثوي ألما
ما سال دمع على الخدين سال دم

كم حاب ظني بمن أهديته ثقتي
فأجبرتني على هجرانه التهم

وَمِنْ سِوَى اللَّهِ نَأْوِي تَحْتَ سِدْرَتِهِ
وَنَسْتَعِيْثُ بِهِ عَوْنًا وَنَعْتَصِمُ

كم صرت جسرا لمن أحبته فمشى
على ضلوعي وكم زلت به قدم

كُنْ فَيَلْسُوفًا تَرَى أَنَّ الْجَمِيْعَ هُنَا
يَتَقَاتِلُونَ عَلَى عَدَمٍ وَهُمْ عَدَمُ!

Карим аль-Ираки
В том, что больно тебе, никого не спеши обвинять...

В том, что больно тебе, никого не спеши обвинять.
Ты хозяин сей боли: не больно её потерять.

Твои жалобы людям, людское дитя, неполны:
Если плохо тебе, то и силы не хватит кричать.

Их заботы — поток, а страдания — лисьи хвосты:
Сколько б им ни таиться, а вечно не смогут молчать.

Коль несёшь свою жалобу тем, кто радушен к тебе, —
Загорятся глаза, чтоб кумиром такого назвать.

Коль несёшь свою жалобу тем, в ком злорадство кипит, —
Так вдобавок к беде сожаление будет снедать.

Может быть, утешенье подарит родная земля?
Или знания — то, что поможет с бедой совладать?

Кто скорбит по судьбе — тот решимости гасит огонь,
Но в ком гаснет огонь — тем не станет судьба помогать.

Как досадно мне было, когда тот, кому доверял,
Заставлял меня после свои притязания снять!

Как я ждал единенья с любимой, чтоб после она
С новой силой сумела кинжал мне под рёбра вонзать!

Так бывало растоптано сердце. А коли оно
Так бывает непрочно — к чему мне богатства искать?

Не отчаянье — латы мои. Я сломаться боюсь.
Жалом огненным горе меня продолжает ласкать.

Выпей слёзы свои, выпей досуха горечь, как мёд.
Улыбаясь огнём, продолжает свеча догорать.

Обуздавши заботы, седлай удалого коня
И вздымайся, как меч: станут беды тебя укреплять.

Зло — коварный и хитрый, зубами скрежещущий волк,
А добро — робкий агнец, которому в поле дрожать.

Будь же зорким и мудрым! имеющий очи — узри:
Столько радостей рядом толпится, что не сосчитать!

А богатство, престиж — это всё золотые тельцы,
К ним толпа на любом языке продолжает взывать.

Твои беды — мои, о страдалец! Моя это боль.
Сколько б кровь ни текла — мне той кровью с тобой истекать.

Ищем помощи Божьей. Кто сможешь ещё нам помочь?
Кто ещё, кроме Бога, готов нашу боль утишать?

Будь философом, друг мой! увидишь, что всё суета;
За неё ли, как прочим, бороться тебе и страдать?

Перевод Романа Олеговича Адрианова (лит. псевд. Элиас Отис, 93in39@gmail.com). Перевод занял второе место в номинации «арабская поэзия» (2024)

ПЕРЕВОДЫ С КИТАЙСКОГО

КИТАЙСКАЯ ПРОЗА

铁凝 《孕妇和牛》（节选）

孕妇牵着牛从集上回来，在通向村子的土路上走。

节气已过霜降，午后的太阳照耀着平坦的原野，干净又暖和。孕妇信手撒开缰绳，好让牛自在。缰绳一撒，孕妇也自在起来，无牵挂地摆动着两条健壮的手臂。她的肚子已经很明显地隆起，把碎花薄棉袄的前襟支起来老高。这使她的行走带出了一种气势，像个雄赳赳的将军。

牛与孕妇若即若离，当它拐进麦地歪起脖子啃麦苗时，孕妇才唤一声：“黑，出来。”

黑是牛的名字，牛却是黄色的。

黑迟迟不肯离开麦地，孕妇就恼了：“黑！”她喝道。她的吆喝在寂静的旷野显得悠长，传得很远，好似正和远处的熟人打着亲热的招呼：“嘿！”

远处没有别人，黑只好独自响应孕妇这恼，它忙着又啃两口，才溜出麦地，拐上了正道。

远处已经出现了那座白色的牌楼。穿过牌楼，家就不远了。四下里是如此的旷达，那气派、堂皇的汉白玉牌楼宛若从天而降，突然矗立在大地上，让人毫无准备。即使对这牌楼望了一辈子的老人，每逢看见这蓝天下这耀眼的存在，仍不免有种突然的感觉。

孕妇遥望着牌楼，心想多亏我嫁到了这儿啊。每回见到牌楼，孕妇都不免感叹她的出嫁。

孕妇的娘家在山里，山里的日子不如山前的平原。可孕妇长得俊。俊就是财富，俊就叫人觉得日子有奔头儿。孕妇的爹娘供不起闺女上学，却也不叫她做粗活儿，什么好吃的都尽着她，仿佛在武装一个能献得出手的宝贝。他们一心一意要送这宝贝出山，到富裕的平原去见他们终生也见不着的世面。

孕妇终于嫁到了山前。她的婆婆自豪地给她讲解这里的好风水：这地盘本是清朝一个王爷的坟莹，王爷的陵墓就在村北，那白花花的大牌楼就属于那个王爷。孕妇并不知王爷是多大的官，也不知道清朝距离今天有多么远，可她见过了坟墓和牌楼。墓早已被盗，只剩了一个盆样的大坑，坑里是疯长的荒草和碎砖烂瓦。孕妇站在坑边，望着坑底那些阴沉的青砖想着，多亏我嫁到了这儿呵。这大坑愿本也是富贵的象征，里边的宝贝

虽已被盗贼劫空，可它毕竟盛过宝贝。这坑、这牌楼保佑了这地方的富庶，这就是风水。

孕妇在这风水宝地过着舒心的日子，人更俊了。没有村人敢耻笑她那生硬的山里口音。公婆和丈夫待她很好，丈夫常说，为了媳妇，什么钱多他就干什么。如今的城市需要各式各样的高楼大厦，农闲时丈夫就随建筑队进城做工。婆婆搬过来与孕妇就伴儿，净给她沏红糖水喝。红糖水把孕妇的嘴唇弄得湿漉漉地红，人就异常地新鲜。婆婆逢人便夸儿媳：“俊得少有！”

孕妇怀孕了，越发显得娇贵，越发任性地愿意出去走走。她爱赶集，不是为了买什么，而是为了什么都看看。婆婆总是牵出黑来让孕妇骑，怕孕妇累着身子。

黑也怀了孕啊，孕妇想。但她接过了缰绳，她愿意在空荡的路上有黑做伴。她和它各自怀着一个小生命仿佛有点儿同病相怜，又有点儿共同的自豪感。于是，她们一块腆着骄傲的肚子上了路。

孕妇从不骑黑，走快走慢也由着黑的性儿。初到平原，孕妇眼前十分地开阔，住久了平原，孕妇眼里又多了些寂寞。住在山里望不出山去，眼光就短；可平原的尽头又是些什么呢？孕妇走着想着，只觉的她是一辈子也走不到平原的尽头了。当她走得实在沉闷才冷不丁叫一声：“黑——呀！”她夸张地拖着长声，把专心走路的黑弄得挺惊愕。黑停下来，拿无比温顺的大眼睛瞪着孕妇，而孕妇早已走到它前头去了，四周空无一人。黑直着脖子笨拙而又急忙地往前赶，却发现孕妇又落在了它的身后。于是孕妇无声地乐了，“黑——呀！”她轻轻地叹着，平原顿时热闹起来。孕妇给自己造出来一点儿热闹，觉得太阳底下就不仅是她和黑闲散地走，还有她的叫嚷，她的肚子响亮的蠕动，还有黑的笨手笨脚。

像往常一样，孕妇从集上空手而归，伙同着黑慢慢走近了那牌楼，太阳的光芒渐渐柔和下来，涂抹着孕妇有些浮肿的脸，涂抹着她那蒙着一层小汗珠的鼻尖，她的鼻子看上去很晶莹。远处依稀出现了三三两两的黑点，是那些放学归来的孩子。孕妇累了。每当她看见在地上跑跳着的孩子，就觉出身上累。这累源于她那沉重的肚子，她觉得实在是这肚子跟她一起受了累，或者，干脆就是肚里的孩子在受累，她双手托住肚子直奔躺在路边的那块石碑，好让这肚子歇歇。孕妇在石碑上坐下，黑又信步去了麦地闲逛。

这巨大的石碑也属于那个王爷，从前被同样巨大的石龟驮在背上，与那白色的牌楼遥相呼应。后来这石碑让一些城里来的粗暴的年轻人给推到了。孕妇听婆婆说过，那些年

轻人也曾经想推倒那堂皇的牌楼，推不动，就合计着用炸药。婆婆的爹率领着村人给那些青年下了跪，牌楼保住了。那石碑却再也没有立起来。

石碑躺在路边，成了过路人歇脚的坐物。边边沿沿让屁股们磨得很光滑。碑上刻着一些文字，字很大，个个如同海碗。孕妇不识字，她曾经问过丈夫那是些什么字。丈夫也不知道，丈夫只念了三年小学。于是丈夫说：“知道了有什么用？一个老辈子的东西。”

Те Нин. Беременная женщина и корова (отрывок)

Беременная женщина шла с коровой по грунтовой дороге, возвращаясь в деревню с ярмарки.

Земля уже покрылась первым инеем, но послеполуденное солнце всё ещё заливало равнинные поля своим мягким светом, наполняя воздух чистотой и теплом. Беременная женщина легким движением руки отпустила верёвку, позволяя корове свободно идти рядом. Её крепкие руки тоже освободились и теперь беззаботно покачивались вдоль тела. Живот её уже заметно выпирал, отчего тонкая ватная куртка в мелкий цветочек задралась высоко вверх, и женщина шагала, словно бравый генерал.

Корова держалась немного поодаль, и когда ступила на пшеничное поле и, склоняя шею, потянулась к молодым всходам, женщина окликнула её:

— Чернявая, вертайся!

«Чернявая» — так звали корову, хотя на деле же та была рыжей.

Чернявая не спешила покидать пшеничное поле, и женщина начала сердиться:

— Чернявая! — крикнула она.

Её голос эхом разнесся по безмолвной пустоши, она словно приветливо перекликалась с кем-то из старых знакомых: «Эй, это я!».

Но это обращение точно предназначалось корове, поэтому та нехотя двинулась обратно на дорогу, перед этим зацепив ещё пару ростков.

Вдали показались очертания белой арки. За ней до дома уже оставалось рукой подать. Величественная арка из белого мрамора, словно спустившаяся с небес, неожиданно возникала среди бескрайних просторов, поражая своей внушительностью. Даже старики, привыкшие к её виду за долгие годы, каждый раз вновь удивлялись, глядя на это ослепительное сооружение под голубым небом.

Беременная женщина издалека смотрела на арку и думала: «Как хорошо, что я вышла замуж именно здесь». Каждый раз при виде арки она невольно вспоминала о своём замужестве и вздыхала.

Родительский дом беременной женщины находился в горах, где жизнь была куда сложнее, чем на равнине у подножия. Но женщина выросла красивой. Красота — это богатство, дающее надежду на лучшее будущее.

Родителям не по карману было оплатить дочери учёбу, но и к работе по дому её не привлекали. Любая вкусная еда доставалась в первую очередь ей, словно дочь готовили как драгоценный подарок на выданье. Они мечтали лишь о том, чтобы она покинула горы, нашла своё счастье на богатой равнине и увидела мир, который им самим никогда не удастся.

И вот беременная женщина наконец вышла замуж и переехала на равнину у подножия гор. Свекровь с гордостью рассказывала о благоприятном расположении их дома: эта земля изначально была местом захоронения одного из князей династии Цин, его усыпальница находилась на севере деревни, и та белоснежная арка принадлежала именно ему. Женщина не знала, ни насколько высоким считался чин «князь», ни как давно правила династия Цин, но видела могилу и арку. Могила была давно разграблена, и на её месте осталась лишь большая чашеобразная яма, заваленная обломками кирпичей и поросшая сорняками. Стоя у края этой ямы и глядя на мрачные серые кирпичи внизу, беременная женщина думала: «Как хорошо, что я вышла замуж именно здесь». Изначально эта большая яма была символом богатства, и хотя все сокровища давно были растасканы мародёрами, когда-то они всё-таки там были. Эти яма и арка благословляли это место на процветание, поэтому его расположение и считалось благоприятным.

На новом месте беременная женщина жила счастливо и становилась только красивее. В деревне никто не позволял себе высмеивать её грубый горный акцент. Муж и его родители относились к ней с большой заботой, муж часто говорил, что ради своей жены он готов работать кем угодно, лишь бы щедро платили. Теперь городам требовались всевозможные высотные здания, и когда в полях приостановилась работа, с бригадой строителей он отправился на заработки в город. Свекровь же переехала к беременной невестке, чтобы составить той компанию, и стала поить её исключительно разведённым в горячей воде коричневым сахаром. От этого напитка губы женщины становились влажными и краснели, а сама она приобретала необычайно свежий вид. Свекровь нахваливала невестку каждому встречному: «Такую красавицу ещё поискать нужно!»

Из-за беременности женщина становилась более капризной и избалованной и всё чаще рвалась на прогулки. Она любила ярмарки, но ничего там не покупала, а ходила просто поглазеть. Свекровь, беспокоясь, что невестка устанет, всегда выводила Чернявую, чтобы та могла ехать на ней верхом.

«Чернявая ведь тоже беременна!» — думала женщина. Но всё равно брала в руки верёвку — хотелось, чтобы на пустынной дороге корова составляла ей компанию. Обе носили под сердцем новую жизнь, и это рождало между ними особую связь и совместное чувство гордости. Так, с гордо выпяченными животами, они отправлялись в путь.

Беременная женщина никогда не ездила верхом на Чернявой, а предпочитала идти рядом с коровой, следуя её темпу. Когда женщина впервые оказалась на равнине, перед её глазами предстали безграничные просторы, но со временем в этих самых глазах стало читаться одиночество.

Живя в горах, горизонта не видишь, но вот на равнине...где её край? Эти мысли не покидали женщину всю дорогу, ей казалось, что она никогда не дойдёт до края этой бесконечной равнины. Когда ей стало совсем тоскливо, она вдруг воскликнула: «Чернявая-я!». Она произнесла это так растянуто, что напугала увлѣкшуюся корову. Чернявая остановилась и обернулась, устремляя на женщину покорный взгляд, но та уже успела обогнать её, а вокруг не было ни души. Тогда Чернявая, выпрямив шею, неуклюже и торопливо зашагала вперѣд, но вскоре заметила, что хозяйка снова отстала. Беременная женщина беззвучно рассмеялась. «Чернявая-я», — тихо вздохнула она, и равнина тут же оживилась. Так женщина сама себя развлекала, после этого не только они вдвоѣм шли под солнцем, но и разносился её громкий крик, ворочался ребёнок в животе, и слышалась неуклюжая поступь Чернявой.

Как обычно, беременная женщина возвращалась с ярмарки с пустыми руками, вместе с Чернявой они медленно приближались к арке. Солнечный свет становился всё мягче, ласково освещая её слегка опухшее лицо и покрытый мелкими капельками пота кончик носа, который блестел на солнце. Вдали появились маленькие чѣрные точки — это дети возвращались домой из школы. Беременная женщина почувствовала усталость. Каждый раз, когда она видела резвящихся детей, на нее накатывала усталость. Казалось, что она исходила от тяжести её живота, как будто он уставал вместе с ней, или, возможно, это сам ребёнок утомился в её утробе. Чтобы дать животу передохнуть, поддерживая его обеими руками, она направилась к лежащей у дороги каменной стеле. Беременная женщина присела на неё, а Чернявая снова потянулась в сторону пшеничного поля.

Эта огромная каменная стела тоже принадлежала тому самому князю династии Цин. Когда-то она покоилась на спине такой же огромной каменной черепахи и гармонично сочеталась с той белой аркой. Однако позже несколько невоспитанных молодых людей, приехавших из города, свалили эту стелу. Свекровь рассказывала беременной женщине, что они и мраморную арку пытались повалить, но не смогли, и тогда решили использовать взрывчатку. Деревенские, во главе с отцом свекрови, пали перед ними на колени, и арку удалось спасти. Но вот стелу так и не подняли обратно.

Теперь она лежала у дороги и служила скамейкой для прохожих. Постоянные гости своими одеждами уже отполировали её края до блеска. На стеле были вырезаны какие-то надписи, каждый иероглиф — размером с большую миску. Беременная женщина не умела читать, поэтому однажды спросила мужа, что там написано. Муж тоже не знал, так как закончил всего три класса. Поэтому он ответил:

— Да какая разница? Какая-то древность, только и всего.

Перевод Валерии Нацibuлиной (valeria.natsibulina@yandex.ru). Окончила бакалавриат переводческого факультета МГЛУ по специальности "Перевод и переводоведение" (английский, китайский и французский языки) в 2017 г. В

настоящее время работает письменным переводчиком в компании, но с художественными текстами иметь дело не приходится. Узнала о конкурсе случайно и решила принять участие, чтобы испытать себя, поэтому призовое место стало большой неожиданностью. Переводчица признательна организаторам за такой опыт, благодаря ему появилось вдохновение и желание дальше пробовать свои силы в этой области. Перевод занял второе место в номинации «китайская проза» (2024)

Те Нин. Беременная девушка и корова (отрывок)

Беременная девушка возвращалась домой с базара, она брела со своей коровой по дороге, ведущей к деревне.

Уже миновал сезон первого инея¹, послеполуденное солнце освещало ровные поля, было чисто и тихо. Девушка отпустила поводья, позволив корове идти самой по себе. Отпустив поводья, девушка сама почувствовала себя вольготнее, и шла, беззаботно размахивая крепкими руками. Ее живот уже заметно округлился, а тонкая стеганная куртка в цветочек сильно оттопыривалась. Это придавало особое величие ее походке: она вышагивала, как важный генерал.

Корова и девушка шли порознь, и только когда корова повернула к пшеничному полю, и стала, согнув шею, жевать всходы пшеницы, девушка окликнула ее: «Чернушка, иди сюда».

Чернушка — так звали корову, хоть она и была рыжей.

Чернушка всё никак не могла оторваться от пшеницы, тогда девушка нетерпеливо крикнула: «Чернушка!». Её зов звучал долго и протяжно в безмолвном открытом поле, разливался далеко, как будто девушка добродушно прокричала что-то стоящему вдали знакомому.

Но вокруг не было ни души, поэтому Чернушке пришлось самой откликнуться на зов беременной девушки. Корова, дожевав пшеницу, отошла от поля и вновь побрела по дороге.

Вдали уже показалась белая резная китайская арка. Дом девушки был совсем недалеко от неё. На таком просторе казалось, что эта внушительная и величественная арка из белого мрамора явилась с небес. Она так неожиданно возникала в огромном поле, что заставляла людей врасплох. Даже у стариков, которые всю жизнь ходили мимо этой арки, каждый раз перехватывало дыхание от неожиданности при виде столь ослепительного сооружения.

Девушка, глядя на арку, подумала: «Как мне повезло, что, выйдя замуж, я переехала сюда». Каждый раз, увидев эту арку, она невольно вспоминала о своем замужестве.

Родители девушки жили в горах. Там жизнь тяжелее, чем на предгорной равнине. Однако девушка была красавицей! А красота — это богатство, открывающее новые перспективы в жизни. Родители были не в состоянии дать дочери образование, но они не заставляли ее выполнять тяжелую работу, всё вкусное отдавали в первую очередь ей, изо всех сил старались вооружить дочь всем необходимым для достижения успеха. Отец и

---

¹ 18-й из 24 сезонов лунного календаря, начинается 23-24 октября (примечания переводчика).

мать всей душой стремились сделать так, чтобы их дочь покинула горы, обосновалась на зажиточных равнинах и повидала мир, какой они сами за всю свою жизнь и не видали.

Девушка, в конце концов, вышла замуж и переехала в предгорье. Свекровь гордо рассказывала ей о здешних местах: эти земли — это родные места одного высокопоставленного чиновника династии Цин, могила его находится на севере деревни, и та ослепительно белая арка тоже принадлежала ему. Девушка понятия не имела, насколько высокий чин занимал этот человек, и не знала, как давно правила династия Цин, но она видела могилу и арку. Могила уже давно была разграблена, осталась лишь большая яма, заросшая бурьяном, в ней валялись битые кирпичи и осколки черепицы. Девушка стояла возле ямы и, глядя на мрачные серые кирпичи, думала: «Какая удача, что я вышла замуж за мужчину из этой местности». Эта большая яма — тоже символ богатства, и пусть сокровища здесь начисто разграблены, но эта могила сама по себе — большая ценность. Благодаря могиле и арке это место стало таким процветающим, это и есть настоящий фэншуй¹.

Девушка спокойно жила в этом краю сокровищ, и сама становилась еще краше. Никто в деревне не решался посмеяться над ее грубоватым горным говором. Свёкры и муж очень хорошо к ней относились; супруг часто говорил, что ради жены он будет заниматься тем, что приносит деньги. В городах в то время нужно было строить различные высотные дома, поэтому, когда в полевых работах наступил период затишья, муж отправился на заработки в город со стройотрядом. Свекровь переехала жить к девушке, варила для нее сироп из бурого сахара. Благодаря сиропу губы девушки становились влажными и алыми, а сама она — необычайно посвежевшей. Свекровь хвасталась знакомым своей невесткой: «Редко встретишь такую красавицу».

Когда девушка забеременела, она стала довольно капризной, и ей всё сильнее хотелось куда-нибудь выходить. Она любила ходить на базар, не для того, чтобы что-то купить, а просто поглазеть. Свекровь настаивала, чтобы девушка ехала верхом на Чернушке, боялась, что невестка устанет.

Но девушка думала: «Чернушка ведь тоже беременна». В конце концов, девушка вела корову за поводья, ей очень хотелось, чтобы Чернушка была ее попутчицей на этой пустынной дороге. Девушка и корова, каждая хранили в себе по маленькой жизни и были будто товарищи по несчастью, но в то же время, у них было и общее чувство гордости. И вот они отправлялись в путь, каждая гордо выпятив свой живот.

Девушка никогда не садилась верхом на Чернушку, быстро или медленно, беременная девушка шла с такой скоростью, с какой шла корова. Когда девушка впервые оказалась на равнинной местности, ее глазам открылся невероятный простор. Сейчас же, когда она прожила здесь долгое

---

¹ В Китае фэншуй использовался для определения ориентации зданий, жилых домов и духовно значимых сооружений, таких как гробницы, могилы (*примечания переводчика*).

время, её взгляд наполнился тоской. Когда живешь в горах, много не увидишь, ведь взгляд всегда упирается в горы. А где же заканчивается равнина? Девушка шла, задумавшись, ей казалось, что она никогда в жизни не дойдет до края равнины. И когда на душе стало совсем уж тоскливо, девушка вдруг крикнула: «Чернушка!». Она крикнула нарочито громко, чем напугала корову, которая сосредоточенно брела по дороге. Чернушка остановилась и подняла свои покорные глаза, но вокруг не было ни души, девушка давно уже ушла вперед. Чернушка, таща свой живот, неуклюже поспешила следом, но вдруг поняла, что девушка то снова где-то позади. И тогда девушка беззвучно рассмеялась и легко вздохнула: «Эх, Чернушка». На равнине вдруг стало оживленно. Девушка сама себе создала эту оживленность, она чувствовала, что под солнцем не только она и Чернушка размеренно идут по равнине: здесь есть ее голос, звуки из ее живота, а еще есть Чернушкина нерасторопность.

Как обычно, девушка возвращалась с ярмарки с пустыми руками, вместе с Чернушкой они потихоньку дошли до мраморной арки. Лучи солнца мягко освещали слегка заплывшее лицо девушки, ее вспотевший кончик носа блестел. Вдали показались небольшие группки людей, это дети возвращались с учебы. Девушка устала. Каждый раз, когда она видела балующихся детей, на нее обрушивалась усталость. Это ощущение исходило от ее тяжелого живота, ей казалось, что ее живот испытывал усталость вместе с ней, или попросту это ребенок в ее животе утомился. Она, обхватив живот двумя руками, направилась прямо к каменной плите, которая лежала у дороги, чтобы дать возможность животу отдохнуть. Девушка села на плиту, а Чернушка пошла сама по себе бродить по пшеничному полю.

Эта величественная плита тоже принадлежала тому чиновнику, изначально она стояла на панцире огромной каменной черепахи, и по внешнему виду гармонировала с белоснежной аркой. Потом плиту повалила буйная молодежь, приехавшая из города. Свекровь рассказывала девушке, что те ребята хотели повалить и арку, но не смогли, тогда они решили арку подорвать. Деревенские же, во главе с отцом свекрови, устроили городским взбучку, арку удалось спасти. А плиту с тех пор так и не поставили. Лежащая у дороги плита стала местом отдыха. По краям она была до блеска отполирована пятными точками прохожих. На плите был выгравирован текст большими, как тарелка, иероглифами. Девушка была неграмотна, однажды она спрашивала мужа, что значат эти иероглифы. Муж тоже не знал, он всего три года отучился в начальной школе. Муж сказал: «А зачем это знать? Это же древность какая-то».

Перевод Вероники Сейткуловой (seytkulova92@mail.ru). Образование — лингвист, переводчик. Более 10 лет преподает китайский язык. Очень интересуется Китаем, китайским языком, китайской историей и культурой, проводит околочитайские квизы (командные интеллектуальные игры) в Москве и Санкт-Петербурге. В мае 2024 г. прошла недельный курс по художественному переводу с китайского языка, после курса решила попробовать свои силы в этом конкурсе. Перевод занял второе место в номинации «китайская проза» (2024)

Те Нин. Беременная женщина и корова (отрывок)

Беременная женщина с коровой на поводу возвращалась с ярмарки по грунтовой дороге, ведущей в деревню.

Уже прошла пора первого инея, послеполуденное солнце освещало плоское поле, веяло свежестью и теплом. Женщина небрежно ослабила поводья, позволяя корове наслаждаться свободой. Опустив повод, владелица тоже почувствовала себя непринужденно и беззаботно размахивала крепкими руками. Ее живот уже заметно выступал, из-за чего тонкая ватная куртка в мелкий цветочек спереди достаточно высоко задиралась. Это придавало своеобразную силу походке, делая женщину похожей на бравого полководца.

Беременная женщина и корова то сближались друг с другом, то расходились, и только когда животное свернуло в поле, и, согнув шею, стало жевать пшеничные всходы, хозяйка окликнула: «Хэй, выходи!»

Корову звали Хэй,¹ хотя она была палевого окраса.

Хэй медлила, не желая выходить, и женщина вспыхнула. «Хэй!» — громко крикнула она. Ее крик в полной тишине бескрайнего поля показался протяжным, уносящимся вдаль, как будто радушное приветствие, адресованное знакомому человеку, идущему далеко впереди: «Эй!»

Вдалеке никого не было, и Хэй была вынуждена в одиночку откликнуться на этот раздраженный возглас. Она поспешно ухватила еще пару стеблей и только после этого выскользнула из хлебов, вернувшись на правильный путь.

Вдали уже показались белые триумфальные ворота. Минуешь их, и до дома останется идти недолго. Во все четыре стороны открывались такие широкие, такие внушительные пространства, что казалось, будто величественные врата из белого мрамора упали с неба, так неожиданно они вырастали над землей, поражая совершенно неготовых к подобному зрелищу людей. Даже старик, который всю жизнь был зрителем при вратах, каждый раз вновь увидев под этим голубым небом это ослепительное строение, все равно невольно удивлялся ему.

Беременная женщина смотрела на ворота издалека, мысленно благодаря судьбу за то, что вышла замуж за человека из этих мест. Каждый раз при этом виде женщина со вздохом вспоминала о своем замужестве.

Ее родной дом был в горах, жизнь в горной местности не так благополучна, как на равнине. Но женщина была красива собой. Красота — это богатство, красота заставляла людей думать, что у женщины хорошие перспективы. Ее родители не могли позволить себе отправить дочь на учебу, но и не заставляли ее заниматься черной работой, вся самая вкусная еда доставалась в первую очередь ей, они словно готовили к продаже драгоценность, которую можно было выгодно сбыть. Все мысли родителей были только о том, как вывезти это сокровище с гор в благоденствующую равнину, показать ей мир, которого они сами так и не увидели за всю жизнь.

---

¹ «Черный» в переводе с китайского языка (*примечания переводчика*).

Женщина в конце концов вышла замуж за жителя предгорий. Ее свекровь не без гордости ей растолковала, что по фэн-шуй в их местности все хорошо: на этих землях изначально было родовое кладбище одного правителя Цинской эпохи, его гробница находилась как раз на севере от деревни, а те ослепительно белые ворота тоже принадлежали ему. Беременная женщина понятия не имела, насколько высокое положение было у того знатного человека, не знала она и того, насколько давно были времена династии Цин, но она видела гробницу и ворота. Усыпальницу уже давно разграбили, от нее осталась лишь круглая, как миска, большая яма, внутри густой бурьян да осколки кирпича вперемешку с черепками. Женщина стояла на ее краю и, глядя на мрачные осколки серого кирпича на дне, думала: «Как хорошо, что я переехала сюда жить к своему мужу!» Яма, по сути, тоже была символом богатства. И, хотя сокровища уже растащили, но она ведь была ими наполнена в прошлом. Эта яма, эти ворота сулили процветание здешним местам, именно так и работает фэн-шуй.

Жизнь в этих благословенных местах была по душе женщине, она еще больше расцвела. Никто из сельчан не посмел бы высмеять ее грубоватый горский выговор. Свекры и муж относились к ней хорошо. Муж часто говорил, что ради жены готов заниматься чем угодно, лишь бы эта работа принесла побольше денег. Сейчас в городах строят разные многоэтажные здания, и муж в свободное от полевых работ время отправился со стройотрядом на подработку. Свекровь приехала, чтобы составить компанию беременной невестке, поила ее исключительно водой с коричневым сахаром, благодаря чему губы женщины стали сочно-красными, необычайно освежив ее лицо. Свекровь нахваливала ее перед каждым встречным, приговаривая: «Такие красавицы — редкость!»

Забеременев, женщина стала казаться более избалованной, она все чаще стала потакать своему желанию выйти на прогулку. Ей нравилось ходить на ярмарку не для того, чтобы что-нибудь купить, а просто поглазеть. Свекровь, переживая, что невестка может утомиться, всегда выводила Хэй, чтобы она могла доехать на корове.

«А ведь Хэй теперь тоже беременная», — подумала женщина, но взяла корову за поводья, ей хотелось компании на пустынной дороге. Обе они носили под сердцем маленькую жизнь, поэтому как будто соперничали тяготам друг друга, и в то же время испытывали общее чувство гордости. И вот, они вместе, горделиво выпятив свои животы, отправились в путь.

Женщина никогда не ездила на Хэй, они шли с той скоростью, которая была по нраву корове. Сразу после переезда равнина предстала перед глазами женщины очень просторной, после того как она пожила в этих местах подольше, они стали вдобавок казаться пустынными. Когда живешь в горах, не можешь увидеть, что скрывается за вершинами, и кругозор из-за этого узкий. А где заканчивается равнина? Беременная женщина думала об этом по пути и пришла к выводу, что даже всей жизни бы не хватило, чтобы дойти до края равнины. И когда женщине стало действительно тоскливо от ходьбы, она неожиданно крикнула, утрировано растягивая слова: «Эй, Хэй!»

Это испугало сосредоточенно шагающую по дороге корову. Она остановилась и уставилась на беременную женщину своими большими безгранично кроткими глазами, та уже почти обогнала корову, вокруг не было ни души. Вытянув шею, Хэй неуклюже и торопливо пошла вперед, но обнаружила, что женщина снова оказалась позади. Беременная беззвучно радовалась, «Эй, Хэй!» — легонько выдохнула она, равнина вдруг оживилась. Женщина сама создала себе небольшое развлечение, и уже не казалось, что только она и Хэй празднично прогуливаются на солнцепеке, их компанию разбавили ее крик, звучное урчание в ее животе и неповоротливость Хэй.

Как и всегда, беременная женщина возвращалась с ярмарки с пустыми руками, вместе с Хэй она подошла к тем воротам, солнечные лучи постепенно становились мягче, окрашивая ее чуть-чуть опухшее лицо и кончик носа, покрытый маленькими капельками пота, от чего казалось, что ее нос искрился на свету. Вдалеке смутно проявлялись то по две, то по три черные точки, это были возвращающиеся с учебы дети. Женщина устала. Каждый раз, когда она видела резвящихся детей, на нее сразу наваливалась физическая усталость. Это чувство возникало в ее тяжелом животе, ей казалось, что на самом деле это он утомился вместе со своей владелицей, или даже лучше сказать, что это ребенок изнемогал в ее утробе. Поддерживая живот обеими руками, она направилась прямо к каменной стеле, лежащей у дороги, чтобы дать своей ноше немного отдохнуть. Как только женщина присела на стелу, Хэй снова отправилась бродить по полю.

Эта огромная стела, тоже принадлежавшая тому правителю, раньше стояла на спине такой же огромной каменной черепахи, которая перекликалась с теми белыми воротами. Потом стелу опрокинули несколько грубых молодых людей из города. Женщина слышала от своей свекрови, что эти же молодые люди хотели опрокинуть и те роскошные ворота, но не смогли сдвинуть, и тогда задумали их взорвать. Деревенские жители во главе с отцом свекрови отправились к ним на поклон и сберегли ворота, но стелу после этого так и не поставили обратно.

Лежащий на обочине дороги монумент превратился в скамейку, на которую путники могли присесть отдохнуть. Камень со всех сторон стерся до блеска от задов прохожих. На стеле были вырезаны надписи большими, размером с супницу, иероглифами. Беременная женщина была безграмотной, она спрашивала когда-то мужа, что значат эти иероглифы. Но муж тоже не знал, ведь закончил только три класса младшей школы, он сказал: «К чему это знать? Это все старье!»

Перевод Анастасии Шуклиной (shuklina.av@gmail.com), старшего преподавателя кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук ИМО и СПН МГЛУ. Основные интересы: общественно-политический перевод, современная китайская поэзия и проза, поэзия жанра цы, творчество Налань Синдэ. Перевод занял третье место в номинации «китайская проза» (2024)

Те Нин. Беременная и корова (Отрывок)

0

Беременная женщина вывела корову с рынка и направилась по грунтовой дороге в деревню.

Морозы прошли, и послеполуденное солнце освещало ровные поля, чистые и тёплые. Женщина приотпустила поводья: ладно, пусть скотина чувствует себя свободно. Едва поводья были ослаблены, как женщина тоже смогла расслабиться и пошла, беззаботно размахивая крепкими руками. Живот её уже заметно выпирал, приподымая перед тонкой хлопковой куртки в цветочек. Это придавало ей ощущение особой целеустремлённости, словно доблестному генералу.

Корова и беременная женщина были неразлучны. Когда корова свернула на пшеничное поле и наклонилась, чтобы пожевать пшеничные ростки, женщина прикрикнула на неё: «Хэй, пошла!»

Хэй — так звали корову, что по-китайски означает «Чёрная» — хотя корова была жёлтой.

Хэй отказалась покинуть пшеничное поле, и женщина рассердилась: «Хэй!» — крикнула она. Крик её показался особенно долгим в безмолвной глуши и разнёсся далеко, будто бы она издали дружески приветствовала знакомого: «Хэй!»

Но поблизости никого не было, поэтому Хэй пришлось реагировать на раздражение беременной женщины самой. Она торопливо оттяпала ещё пару пучков, прежде чем покинуть пшеничное поле и свернуть на главную дорогу.

Вдали завиднелась уже белая арка. Стоит её пройти, как ты уже почти дома. Окрестности столь широки и открыты, что кажется, будто эта величественная белая мраморная арка упала с небес и внезапно застыла на земле, застав людей врасплох. Даже старик, всю жизнь смотревший на эту арку, не мог не испытывать всякий раз внезапное чувство, видя это ослепительное зрелище под голубым небом.

Беременная женщина тоже смотрела на виднеющуюся вдалеке арку и думала: «Благодаря ней я и вышла замуж». Всякий раз, видя эту арку, она не могла удержаться от вздоха по поводу своего замужества.

Родная семья женщины жила в горах, а жизнь в горах не так хороша, как на равнине под ними. Но беременная женщина была красива. Быть красивой — это богатство, а красота заставляет людей чувствовать, что в жизни есть что-то особенное. Её родители не могли позволить себе отправить дочь в школу, но и не требовали от неё выполнять чёрную работу. Они кормили её всем самым вкусным, словно хотели наделить её лучшим из сокровищ, которое могли дать своему ребёнку. Они были полны решимости отправить свою малышку подальше от гор, на плодородные равнины, чтобы она увидела мир, которого им не видать до конца своих дней.

И женщина, наконец, вышла замуж в равнине под горой. Её свекровь с гордостью объяснила ей, какой здесь хороший фэн-шуй: раньше на этом месте находилась усыпальница царевича династии Цин. Мавзолей располагался на севере деревни, а большая белая арка принадлежала этому

царевичу. Беременная женщина не знала, сколько лет ему было, и как давно правила династия Цин, но она видела усыпальницу и арку. Усыпальница была давно разграблена, и от неё осталась только огромная яма, похожая на бассейн, заросший густым бурьяном и заполненный битым кирпичом и черепицей. Женщина стояла у ямы, глядела на мрачные сине-зелёные кирпичи на дне и думала: «Благодаря ней я и вышла замуж». Эта огромная яма желаний также являлась символом богатства. Хотя сокровища внутри были украдены ворами, в ней по-прежнему хранилось нечто большее, чем просто сокровище. Эта яма и эта арка благословили процветание этого места — такой вот фэн-шуй.

Беременная женщина ведёт комфортную жизнь в этой земле сокровищ по фэн-шую и становится с каждым днём всё краше. Ни один житель деревни не осмеливается смеяться над её грубоватым горным акцентом. Муж и родители хорошо обращаются с нею. Муж часто говорит, что сделает ради жены всё, что угодно, если у него будет больше денег. Современные города нуждаются в разных высотных зданиях. В свободное время муж ездит в город на заработки со строительной бригадой. Свекровь переехала к беременной женщине и готовит ей напиток с коричневым сахаром. Этот напиток делает губы женщины влажными и красными, а лицо — необычайно свежим. Разговаривая с людьми, свекровь всегда нахваливает невестку: «Она такая красавица!»

Когда женщина вынашивает дитя, она становится всё более хрупкой, всё более своенравной и охотнее ходит на прогулку. Она любит ходить на рынок не за покупками, а чтобы поглазеть. Свекровь всегда отправляет её в тележке, в которую впрягает Хэй, опасаясь, что невестка утомится.

«Хэй тоже беременна», — думает беременная женщина. Но она берёт поводья и соглашается на то, чтобы Хэй стала её спутницей на пустой дороге. У каждой из них своя маленькая жизнь, и кажется, что они немного жалеют друг друга и испытывают некую общую гордость. Так, с гордыми животами, они отправляются в путь.

Женщина никогда не подгоняет Хэй, и скорость коровьего шага зависит от её собственного темперамента. Когда женщина впервые оказалась на равнине, её глаза были широко распахнуты. Но теперь, после долгой жизни здесь, в них видится ещё больше одиночества. Если ты живёшь в горах и не можешь увидеть ничего за горами, твой кругозор ограничен; но что находится на краю равнины? Женщина идёт и думает об этом, чувствуя, что до конца равнины ей никогда не добраться. Когда движение совсем замедляется, она вдруг вскрикивает: «Хэй!.. ах...» Она подчёркнуто повышает голос, и это шокирует Хэй, занятую дорогой. Корова останавливается и смотрит на женщину необыкновенно покорными глазами, но беременная уже идёт перед нею, а вокруг ни души. Хэй выпрямляет шею и неуклюже бредёт вперёд, пока не замечает, что женщина снова отстала. И вот, женщина безмолвно счастлива. «Хэй!.. ах!» — тихо вздыхает она, и равнина внезапно оживляется. Женщина немного волнуется, чувствуя, что не

только она и Хэй празднично гуляют под солнцем, но и её крики, тугие спазмы в животе и неуклюжие движения Хэй.

Как обычно, беременная женщина возвращается с рынка с пустыми руками, и они с Хэй медленно приближаются к арке. Солнечный свет постепенно смягчается, освещая слегка одутловатое лицо беременной, а кончик её носа, такой чистый, покрыт мелкими капельками пота. Вдали смутно виднеются две-три чёрные точки — это дети, возвращавшиеся из школы. Женщина утомлена. Всякий раз, видя, как бегают и прыгают дети, она чувствует усталость. Эта усталость исходит от её отяжелевшего живота. Она чувствует, что живот действительно устаёт вместе с ней — или просто устаёт дитя в её животе. Она придерживает его обеими руками и идёт прямо к каменному монументу, лежащему на обочине, чтобы живот отдохнул. Беременная женщина садится на каменную плиту, а Хэй снова направляется к пшеничному полю.

Эта огромная стела тоже принадлежала тому царевичу. Когда-то давно её несла на спине такая же огромная каменная черепаха, составляющая единый ансамбль с белой аркой у входа. Но потом какие-то юные вандалы из города опрокинули монумент. Беременная женщина слышала от свекрови, что те же молодчики хотели снести и величественную арку, а когда не смогли, собирались её подорвать. Отец свекрови убедил жителей деревни встать на колени перед этими парнями, и арка была спасена. Но стелу так и не вернули на место.

Стела лежала на обочине и стала местом отдыха прохожих. Множество ягодиц до блеска отполировало бортики и каёмочки. На памятнике выгравировано несколько слов, очень крупно, и каждое похоже на морскую раковину. Беременная женщина неграмотна. Однажды она спросила мужа, что там написано. Но муж не знал тоже. Он ходил в начальную школу всего три года. И муж ответил: «К чему это знать? Это дела давно минувших дней».

Перевод Романа Олеговича Адрианова (лит. псевд. Элиас Отис, 93in39@gmail.com).

КИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

《回答》北岛

卑鄙是卑鄙者的通行证，
高尚是高尚者的墓志铭，
看吧，在那镀金的天空中，
飘满了死者弯曲的倒影。

冰川纪过去了，
为什么到处都是冰凌？
好望角发现了，
为什么死海里千帆相竞？

我来到这个世界上，
只带着纸、绳索和身影，
为了在审判之前，
宣读那些被判决的声音：

告诉你吧，世界，
我——不——相——信！
纵使你脚下有一千名挑战者，
那就把我算作第一千零一名。

我不相信天是蓝的，
我不相信雷的回声，
我不相信梦是假的，
我不相信死无报应。

如果海洋注定要决堤，
就让所有的苦水都注入我心中，
如果陆地注定要上升，
就让人类重新选择生存的峰顶。

新的转机和闪闪星斗，
正在缀满没有遮拦的天空。
那是五千年的象形文字，
那是未来人们凝视的眼睛。

Бэй Дао. Ответ

Низость — пропуск для низких людей,
Честь — надгробная надпись для честных.
Там, на золоте неба много теней,
Вьются тучи мертвых душ бестелесных.

Канул в лету уже холод древних времен,
Откуда же всюду лед без прохлады?
Мыс Доброй Надежды давно покорен,
Зачем в Мертвом море воюют армады?

Я пришел в этот мир, бумагу лишь взяв,
Да веревку и тень свою в одной связке,
Цель моя — в суде под присягой представ,
Осужденные мысли предать полной огласке:

Скажу тебе, мир, пусть слышит весь свет,
Хоть тысячу воинов попрал ты ногами,
ВО-МНЕ-ВЕ-РЫ-НЕТ!
Я тысяча первым стану пред небесами.

Я не верю, что грому звучит эхо вослед,
Я не верю, что небо лазурного цвета,
Я не верю, что в снах нереальный сюжет,
Я не верю, что смерти не будет ответа.

Если моря разлив нельзя миновать,
Пусть в душу мою хлынут горькие воды.
Если вздыбится где-либо суша опять,
Пусть люди на гору сбегут от невзгоды.

Шансы и звезды льют на нас белый свет,
В ясном небе они проявились узором.
То знаки, что люди чтят пять тысяч лет,
То наши потомки с пристальным взором.

Перевод Анастасии Шуклиной (shuklina.av@gmail.com), старшего преподавателя кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук ИМО и СПН МГЛУ. Основные интересы: общественно-политический перевод, современная китайская поэзия и проза, поэзия жанра цы, творчество Налань Синдэ. Перевод занял первое место в номинации «китайская поэзия» (2024)

Бэй Дао. Ответ

Подлость — негодяя пропускной билет,
Благородных ода над могилой ждёт.
Гляньте, уж затмили тени мертвецов
Золотом сверкавший прежде небосвод.
Канув в лету, минул ледниковый век,
Почему же всюду вижу глыбы льда?
Мыс Надежды найден, отчего ж теперь
В Мертвом море стаей собрались суда?
В этот мир я прибыл, взяв с собою лишь
Бечеву, бумагу, четкий силуэт,
Прежде чем объявят страшный приговор,
Голос осуждённых чтоб услышал свет.
Миру громко крикну: «НЕТ, НЕ ВЕРЮ Я!
Под пятой своею придавил пускай
Тех, кто бросил вызов, целых тыщу душ,
Буду тыщу первым, и меня считай!»
Я не верю в то, что цвет небесный — синь,
Что раскаты в небе есть всего лишь гром,
Я не верю в то, что сновиденья — ложь,
Что за смерть возмездье не разит мечом.
Коль прорвать плотины морю суждено,
Хлынет прямо в сердце желчь вселенских вод.
Коль уйти под воду должен материк,
Заново начнётся передел высот.
Добрые знаменья, мириады звёзд
Вольно светят в небе множеством огней.
Это пиктограммы, коим тыщи лет,
Пристальные взгляды будущих людей.

Перевод Викторией Александровны Жуковой (furong86@mail.ru). Выпускница Омского государственного педагогического университета, преподаватель китайского языка в г. Омске. Перевод занял первое место в номинации «китайская поэзия» (2024)

Бэй Дао. Ответ

Для низменного низость — пропуск,
Величие великому — могильная строка,
Узри, как в золоченном небе, свысока
Витают отражения покойных.

Эпоха вечных льдов давно прошла
Так почему повсюду много льда?
Надежды Доброй Мыс отныне найден,

Но в Мертвом море тысячи судов
Друг с другом продолжают вечный бой.

Я в этот мир пришел, с собой имея
Канат, бумагу, собственную тень,
Перед судом предстану я теперь,
Услышь приговоренный голос.

Скажу тебе я, мир, услышь.
НЕ ВЕРЮ!
И коль ты растоптал аж тысячу бойцов,
Хочу я стать тысяча первым.

Не верю я в небесную лазурь,
Не верю я в раскаты, эхо грома,
Не верю я, что сон — лишь искушенье,
Что смерть, не верю я, не жаждет мщенья.

Коль суждено воде прорвать плотину,
Пусть горечь вод потоком хлынет в душу.
И если суждено погибнуть суше,
То отыскать спасение в горах.

Сменились дни и звезды замерцали,
Покрылось ими неба полотно.
То — пиктограмм древнейшее панно,
То — взор грядущих поколений.

Перевод Алины Руслановны Мамедовой (mamedvtim.26@gmail.com). Студентка 4 курса РГГУ, институт лингвистики, специальность «Перевод и переводоведение». Живет в Москве. Иностранными языками увлекается с начальной школы. Считает художественный перевод по-настоящему сложным, а перевод поэзии — задачей практически невыполнимой. Участие в конкурсе — возможность увидеть рост в переводческом деле. Перевод занял второе место в номинации «китайская поэзия» (2024)

Бэй Дао. Ответ

Подлость – пропуск презренных,
Честность – эпитафия всех благородных,
Смотри, там, в небесах золочёных
Всюду плывут отражения мёртвых.

Ледниковый период прошёл,
Почему же опять везде лёд?

Мыс Доброй Надежды уже был открыт,
Почему же Мёртвое море тысяча кораблей бороздит?

Я пришёл в этот мир,
Неся лишь бумагу, верёвку и тень,
Чтобы перед судом объявить
Голос того, кто был осуждён:

Позволь сказать тебе, Мир,
Я НЕ ВЕ-РЮ!
Если тысяча претендентов у твоих ног –
Считай меня тысяча первым.

Я не верю, что небо синее,
Я не верю грома раскатам,
Я не верю, что мечты ложные,
Я не верю в смерть без расплаты.

Если морям суждено за берег разлиться,
Пусть вся горечь воды вольётся мне в сердце,
Если земле суждено подняться,
Пусть вновь найдут люди вершину, где поселятся.

Новый взлёт, и мерцание звёзд
В этот момент украшает бескрайнее небо.
Они – письма, коим пять тысяч лет,
Они – пристальный взгляд грядущих людей.

Перевод Василисы Дмитриевны Гоголевой (gogoleva.vd@mail.ru). Студентка IV курса (на момент участия в конкурсе – III курса) Восточного факультета СПбГУ (образовательная программа "История Японии"). В рамках конкурса впервые переводила с китайского языка, который является для переводчицы вторым восточным языком, а также впервые переводила поэзию в целом. Перевод занял третье место в номинации «китайская поэзия» (2024)

Бэй Дао. Ответ

Презрение — титул презренного. Но
Вовек благородство — удел благородных.
Взгляни! в позолоченном небе темно,
Корёжат его отражения мёртвых.

Великий ледник позабыт —

Почему ж холода не уходят?
Мыс Доброй Надежды открыт —
Почему ж паруса на болоте?

Явился на свет, и при мне
Верёвка и тело — предстать пред законом
В суде, и в немой тишине
Со мною звучат голоса осуждённых:

Вот, мир, что скажу я тебе:
НЕ—ВЕ—РЮ!
Хоть тысяча храбрых падёт, покоровшись судьбе —
Считай меня тысяча первым!

НЕ ВЕРЮ, что будут зимою морозы,
НЕ ВЕРЮ, что гром порождает раскаты,
НЕ ВЕРЮ, что ложью становятся грёзы,
НЕ ВЕРЮ, что смерть сбережёт от расплаты.

Коль двинется море на сушу водой,
Пусть в сердце вольются мне горькие воды.
Коль земли поднимутся горной грядой,
Пусть выберут люди вершину Свободы.

Звёздами ясными, тропами новыми
Небо сочётся бескрайнее будет.
Очи искрятся старинного слова, и
В них отразятся грядущие люди!

*Перевод Романа Олеговича Адрианова (лит. псевд. Элиас Отис,
93in39@gmail.com).*

В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

Знакомьтесь, новый автор нашей рубрики —
ГАЛИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА ЛАЗАРЕВА

ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ

Манингрида, Австралия

Поэт и переводчик поэзии, член Союза писателей России, обладатель Гран-при юбилейного международного конкурса поэтов русского зарубежья «Пушкин в Британии»-2017 и Гран-при конкурса переводчиков поэзии «Пушкин в Британии»-2010, победитель конкурса переводчиков поэзии института русской литературы РАН (Пушкинский Дом)-2010 в номинации «испанская поэзия», победитель международного конкурса Грушинского фестиваля авторской песни-2019, автор книги стихов «Синий полог» и книги переводов произведений австралийского поэта А. Д. Хоупа «Вечность подождёт». Знаток и исполнитель авторской песни. Игрок интеллектуальной викторины «Что? Где? Когда?», неоднократный победитель телешоу «Своя игра», выпускница МГУ им. Ломоносова. По семейным обстоятельствам проживает в Австралии с 2013-го года.

В настоящее время Галина живёт и работает в аборигенском поселении Манингрида в закрытой зоне на севере Австралии. Галина ведёт разнообразную работу в русской общине Австралии, целью которой в первую очередь является удержание молодёжи и детей в сфере влияния русской культуры, а также налаживание диалога между поколениями и донесение актуальной информации о современной России, её культуре и политике. Со-организатор ежегодного фестиваля русской культуры и искусства Динго-Dingo (Мельбурн, 2016–2020), ведущая передачи «Серебряные струны» Русского радио Австралии, куратор конкурса юных чтецов «Живая классика» по штату Новый Южный Уэльс 2017–2023, регулярный автор газеты «Единение», альманаха «Витражи» и журнала «Австралийская мозаика». Автор блога «Дунька в Утконосии».

Alec Derwent Hope. MAN FRIDAY

Saved at long last through Him whose power to save
Kept from the walking, as the watery grave,
Crusoe returned to England and his kind,
Proof that an unimaginative mind
And sober industry and common sense
May supplement the work of Providence.
He, no less providential, and no less
Inscrutably resolved to save and bless,
Eager to share his fortune with the weak
And faithful servants whom he taught to speak,

By all his years of exile undeterred,
Took into exile Friday and the bird.

The bird no doubt was well enough content.
She had her com-what matter where she went?
Except when once a week he walked to church,
She had her master's shoulder as a perch,
She shared the notice of the crowds she drew
Who praised her language and her plumage too,
And like a rational female could be gay
On admiration and three meals a day.

But Friday, the dark Caribbean man,
Picture his situation if you can:
The gentle savage, taught to speak and pray,
On England's Desert Island cast away,
No godlike Crusoe issuing from his cave
Comes with his thunderstick to slay and save;
Instead from caves of stone, as thick as trees,
More dreadful than ten thousand savages,
In their strange clothes and monstrous mats of hair,
The pale-eyed English swarm to joke and stare,
With endless questions round him crowd and press
Curious to see and touch his loneliness.

Unlike his master Crusoe long before
Crawling half-drowned upon the desolate shore,
Mere ingenuity useless in his need,
No wreck supplies him biscuit, nails and seed,
No fort to build, no call to bake, to brew,
Make pots and pipkins, cobble coat and shoe,
Gather him rice and milk his goats, and rise
Daily to some absorbing enterprise.

And yet no less than Crusoe he must find
Some shelter for the solitary mind;
Some daily occupation to contrive
To warm his wits and keep the heart alive;
Protect among the cultured, if he can,
The " noble savage" and the "natural man".
As Crusoe made his clothes, so he no less
Must labour to invent his nakedness
And, lest their alien customs without trace
Absorb him, tell the legends of his race
Each night aloud in the soft native tongue,

That filled his world when, bare and brown and young,
His brown, bare mother held him at her breast,

Then say his English prayers and sink to rest.
And each day waking in his English sheets,
Hearing the wagons in the cobbled streets,
The morning bells, the clatter and cries of trade,
He must recall, within their palisade,
The sleeping cabins in the tropic dawn,
The rapt, leaf-breathing silence, and the yawn
Of naked children as they wake and drowse,
The women chattering round their fires, the prows
Of wet canoes nosing the still lagoon;
At each meal, handling alien fork or spoon,
Remember the spiced mess of yam and fish
And the brown fingers meeting in the dish;
Remember too those island feasts, the sweet
Blood frenzy and the taste of human meat.

Thus he piled memories against his need:
In vain! For still he found the past recede.
Try as he would, recall, relive, rehearse,
The cloudy images would still disperse,
Till, as in dreams, the island world he knew
Confounded the fantastic with the true,
While England, less unreal day by day,
The Cannibal Island, ate his past away.
But for the brooding eye, the swarthy skin,
That witnessed to the Natural Man within,
Year following year, by inches, as they ran,
Transformed the savage to an Englishman.
Brushed, barbered, hatted, trousered and baptized,
He looked, if not completely civilized,
What came increasingly to be the case:
An upper servant, conscious of his place,
Friendly but not familiar in address
And prompt to please, without obsequiousness,
Adept to dress, to shave, to carve, to pour
And skilled to open or refuse the door,
Keep on terms with housekeeper and cook,
And quell the maids and footmen with a look.

By now his master, thoughtful for his need,
Bought him a wife and gave him leave to breed.

A fine mulatto, once a lady's maid,
She thought herself superior to Trade
And, reared on a Plantation, much too good
For a low native Indian from the wood;
But they contrived at last to nib along
For he was strong and kind, and she was young,
And soon a father, then a family man,
Friday took root in England and began
To be well thought of in the little town,
And quoted in discussions at "The Crown",
Whether the Funds would fall, the French would treat
Or the new ministry could hold its seat.
For though he seldom spoke, the rumour ran
The master had no secrets from his man,
And Crusoe's ventures prospered so, in short,
It was concluded he had friends at Court.

Yet as the years of exile came and went,
Though first he grew resigned and then content,
If you observed him close, you might surprise
A stranger looking through the servant's eyes.
Some colouring of speech, some glim of pride,
Not born of hope, for hope long since had died,
Not even desire, scarce memory at last,
Preserved that stubborn vestige of the past.

It happened once that man and master made
A trip together on affairs of trade;
A ship reported foundered in the Downs
Brought them to visit several seaport towns.
At one of these, Great Yarmouth or King's Lynn,
Their business done, they baited at an inn,
And in the night were haunted by the roar
Of a wild wind and tide against the shore.
Crusoe soon slept again, but Friday lay
Awake and listening till the dawn of day.
For the first time in all his exiled years
The thunder of the ocean filled his ears;
And that tremendous voice so long unheard
Released and filled and drew him, till he stirred
And left the house and passed the town, to reach
At last the dunes and rocks and open beach:
Pale, bare and gleaming in the break of day
A sweep of new-washed sand around the bay,
And spindrift driving up the bluffs like smoke,

As the long combers reared their crests and broke.
There in the sand beside him Friday saw
A single naked footprint on the shore.
His heart stood still, for as he stared, he knew
The foot that made it never had worn shoe
And, at a glance, that no such walker could
Have been a man of European blood.
From such a footprint once he could describe
If not the owner's name, at least his tribe,
And tell his purpose as men read a face
And still his skill sufficed to know the race;
For this was such a print as long ago
He too had made and taught his eyes to know.
There could be no mistake. Awhile he stood
Staring at that grey German Ocean's flood;
And suddenly he saw those shores again
Where Orinoco pours into the main,
And, stunned with an incredible surmise,
Heard in his native tongue once more the cries
Of spirits silent now for many a day;
And all his years of exile fell away.

The sun was nearly to the height before
Crusoe arrived hallooing at the shore,
Followed the footprints to the beach and found
The clothes and shoes and thought his servant drowned.
Much grieved he sought him up and down the bay
But never guessed, when later in the day
They found the body drifting in the foam,
That Friday had been rescued and gone home.

Алек Дервент Хоуп
ПРЕДАННЫЙ СЛУГА
(Робинзон и Пятница)

Избегнув, наконец, господней властью
И океанской, и живой напасти,
Вернулся Крузо к дому своему —
Прямое доказательство тому,
Что крепкий лоб и стойкое раденье
Весьма созвучны с волей Провиденья;
И в свой черёд, в стремленье неустанном
(Присущем, к сожаленью, англичанам)
Спасти и осчастливить всё вокруг,
Желая обеспечить верных слуг,

В изгнание из островного рая
Взял Пятницу с собой — и попугая.

Ну птице-то, положим, всё равно,
Покуда есть поилка, и зерно,
И повод щегольнуть нарядом райским —
Прогулка в церковь на плече хозяйском,
Где хриплый попкин голос поражал
Воображенье добрых прихожан.
В премудрости житейской эта птица
Могла бы фору дать любой девице:
Лелеют, кормят в день по десять раз —
Считай, что жизнь на славу удалась.

Но Пятница — совсем другое дело:
Туземец смуглый, робкий, неумелый,
С десятком еле выученных фраз —
Представьте, каково ему сейчас!
Точь-в-точь как Робинзон во время оно,
Он выброшен на берег Альбиона,
Как из пещер, к нему из всех дверей
Несётся рой уродов-дикарей,
Кошмарных бледноглазых ротозеев,
Топорщит патлы, фыркает, глазеет;
Гогочет люд, до новизны охоч,
А он один — и некому помочь.

Нет, лучше б он, как Крузо, был судьбою
На дальний берег выброшен с прибоем,
Чтоб надо было строить, шить, варить,
Плести корзины, диких коз доить,
Рыбачить по утрам в лодчонке утлой,
Печь хлеб, чинить одежду, обувь, утварь,
И день за днём свой обживая дом,
Ум занимать спасительным трудом.

Ему б найти, как Робинзону, дело,
Чтоб мысль не сохла, сердце не ржавело,
Чтоб обратить чужое время вспять,
не спиться, и себя не потерять,
И средь цивилизованного скотства
Сберечь души дикарской благородство;
Взамен льняному грубому холсту
Скроить себе по мерке наготу,
Не увязая в липкой яви новой,

Твердить легенды племени родного,
Чтоб вызвать из толпы чужих теней
Тень юной смуглой матери своей,
И, как дитя, к груди её прильнуть,
Пред тем, как помолиться и уснуть;
И, просыпаясь в застланной постели,
Под крик и ругань плотницкой артели,
Под скрип телег, да колокольный звон,
Упорно помнить — всё, чего лишён:
И хижины, сомлевшие от зноя,
И вдоль лагун скользящие каноэ,
И перья облаков в бездонном небе,
И дым костров, и беззаботный щебет
Детей весёлых, голых и босых;
Вновь ковыряя вилкой тухлый сыр,
Припоминать бататовую кашу,
Сплетенье смуглых пальцев в общей чаше,
И стон врага, что так ласкает слух,
И человеческой плоти сладкий дух.

Он так старался! но увы, напрасно:
Истаивая в образах неясных,
Далёкий мир, текуч, неуловим,
рассеивался в памяти, как дым,
Британия ж всё ближе подступала
И с жадным упоением каннибала
Вгрызалась в сердце, плоть и естество,
И пожирала прошлое его.

Лет через пять, по правде говоря,
Никто б не угадал в нём дикаря:
Ну, смугловат, ну взгляд слегка печален,
А в остальном отличный англичанин,
Умыт, побрит, напудрен, окрещён,
И шляпа есть — чего же вам ещё?
Слуга отменный, самой высшей пробы:
Учтив без фамильярности особой,
Услужлив без угодливости низкой,
Поладит и с кухаркой, и с модисткой,
Не станет ни артачиться, ни льстить,
Смекнёт, кого прогнать, кого впустить,
Подаст к столу, нарежет и нальёт,
И даст лакеям наглым укорот.

К тому же, для приятности досуга,
Хозяин прикупил ему супругу:
Мулатка, плутовата и бойка,
На Пятницу взирала свысока
И долго на судьбу была сердита
За мезальянс с чумазым троглодитом.
Но понемногу всё пошло на лад:
Он был с ней ласков, щедр — не муж, а клад,
Притёрлись, обжились на новом месте,
И вот уж наш дикарь — отец семейства,
Почтенный мещанин, накоротке
С первейшими умами в городке.
К нему за стойкой подвигались ближе:
Авось подскажет, что за курс на бирже,
Помирятся с французом или нет,
И устоит ли новый кабинет.
Шептались, что он вхож в любые двери,
И что у Крузо он в большом доверьи,
И уж договорились до того,
Что при дворе есть связи у него.

Так он и жил — вдали родного края;
Изгнанию конца уже не чая,
Сперва смирился, а потом привык,
Втянулся в чуждый быт, уклад, язык.
Но все ж во взгляде нашего героя
Мелькало что-то странное порою,
Невольный блеск, внезапный, как стрела:
Надежда? Нет — надежда умерла,
Но в памяти иссохшей и усталой
Тень прошлого никак не угасала.

Случилось так: пустившись в путь по делу —
На мель одна из шхун с размаху села
Недалеко от белых кентских скал —
Слугу с собой в поездку Крузо взял,
И под конец, устав с дороги скверной,
Остановился в маленькой таверне.
В ночь заштормило. Отхлебнувши грогу,
Хозяин поворочался немного
И вскоре вновь уснул без задних ног —
А Пятница заснуть уже не смог.
Почуяв в грозном рёве урагана
Забывтый зов родного океана,
Призыв, заполонивший всё кругом,

Он встал, оделся и почти бегом
По сонным площадям и переулкам
Спустился к взморью. Яростно и гулко
Прибой утюжил берег намывной,
Сверкающий рассветной белизной;
И в натиске упорном вал за валом,
Сверкая пеной, рушился на скалы.

И вдруг, впервые после долгих лет,
Он на песке увидел чёткий след:
Любой дикарь, что по такому следу
Мог опознать врага или соседа,
Вмиг понял бы, что здесь прошла нога,
Которая не знала сапога.
А Пятница, хоть и сточило время
Всё то, чему его учило племя,
Умел, как и положено ловцу,
Читать по следу, словно по лицу,
И тоже понял, взглядываясь в след:
За ним пришли, он не ошибся, нет,
Его там ждут, за полосой прибоя;
Скорей туда — где небо голубое,
В тот край, где воздух так горяч и прян,
Где Ориноко льётся в океан!
И духи предков, властно и сердито
Заголосив на языке забытом,
К себе призвали сына своего —
И кончилось пленение его.

К полудню Робинзон, хватившись друга,
Примчался к взморью, бледный от испуга,
И, увидав одежду на песке,
Весь день его оплакивал в тоске.
И было невдомёк ему и прочим,
Нашедшим труп в прибое ближе к ночи,
Что Пятница, изгнанник бедный мой,
Обрёл спасенье и ушёл домой.

***Стихи поэтов Британских островов в переводе Марины Челаукиной
(творческий псевдоним — Марина Туманова).***

Родилась 16 февраля 1987 года в г. Ядрин Чувашской Республики, с 2009 года — сотрудник судебной системы Чувашской Республики. В 2022, 2023 и 2024 годах стала победителем международного литературного конкурса «Поэзия Красного Города» (Йошкар-Ола), также в 2023 году — победителем всероссийского поэтического конкурса имени А. Л. Чижевского (Калуга), а также получила 2 место за перевод итальянской поэзии в конкурсе начинающих переводчиков имени Э. Л. Линецкой (Санкт-Петербург), в 2023 году получила премию имени В. П. Астафьева. В 2024 году стала победителем всероссийского конкурса «Перо и слово» (Москва), победителем конкурса переводчиков «Your version» (Волгоград) за перевод французской поэзии, заняла 3 место в секции перевода в международном конкурсе «Славянская лира» (Минск), с переводами из английской поэзии.

Англия

**Joseph Rudyard Kipling.
Mandalay**

By the old Moulmein Pagoda, lookin' lazy at the sea,
There's a Burma girl a-settin', and I know she thinks o' me;
For the wind is in the palm-trees, and the temple-bells they say:
"Come you back, you British soldier; come you back to Mandalay!"
Come you back to Mandalay,
Where the old Flotilla lay:
Can't you 'ear their paddles chunkin' from Rangoon to Mandalay?
On the road to Mandalay,
Where the flyin'-fishes play,
An' the dawn comes up like thunder outer China 'crosst the Bay!

'Er petticoat was yaller an' 'er little cap was green,
An' 'er name was Supi-yaw-lat — jes' the same as Theebaw's Queen,
An' I seed her first a-smokin' of a whackin' white cheroot,
An' a-wastin' Christian kisses on an 'eathen idol's foot:
Bloomin' idol made o' mud
Wot they called the Great Gawd Budd
Plucky lot she cared for idols when I kissed 'er where she stud!
On the road to Mandalay...

When the mist was on the rice-fields an' the sun was droppin' slow,
She'd git 'er little banjo an' she'd sing "*Kulla-lo-lo!*"

With 'er arm upon my shoulder an' 'er cheek agin my cheek
We useter watch the steamers an' the hathis pilin' teak.
Elephints a-pilin' teak
In the sludgy, sjudgy creek,
Where the silence 'ung that 'eavy you was 'arf afraid to speak!
On the road to Mandalay...

But that's all shove be'ind me—long ago an' fur away
An' there ain't no 'buses runnin' from the Bank to Mandalay;
An' I'm learnin' 'ere in London what the ten-year soldier tells:
"If you've 'eard the East a-callin', you won't never 'eed naught else."
No! you won't 'eed nothin' else
But them spicy garlic smells,
An' the sunshine an' the palm-trees an' the tinkly temple-bells;
On the road to Mandalay...

I am sick o' wastin' leather on these gritty pavin'-stones,
An' the blasted English drizzle wakes the fever in my bones;
Tho' I walks with fifty 'ousemaids outer Chelsea to the Strand,
An' they talks a lot o' lovin', but wot do they understand?
Beefy face an' grubby 'and -
Law! wot do they understand?
I've a neater, sweeter maiden in a cleaner, greener land!
On the road to Mandalay...

Ship me somewheres east of Suez, where the best is like the worst,
Where there aren't no Ten Commandments an' a man can raise a thirst;
For the temple-bells are callin', an' it's there that I would be
By the old Moulmein Pagoda, looking lazy at the sea;
On the road to Mandalay,
Where the old Flotilla lay,
With our sick beneath the awnings when we went to Mandalay!
O the road to Mandalay,
Where the flyin'-fishes play,
An' the dawn comes up like thunder outer China 'crosst the Bay!

Джозеф Редьярд Киплинг.
Мандалай

Там, где пагода седая охраняет Муламьяйн,
Плачет девушка, вздыхая, от своих сердечных тайн.
В листьях пальмы шепчет ветер, облетев бирманский край:
«Где бы ни был ты на свете, возвращайся в Мандалай!».
По дороге в Мандалай
Корабли кричат «Прощай!».

Волны быстро гонят лодки из Янгона в Мандалай.
По дороге в Мандалай,
Где раздолье рыбьих стай,
И рассветом из-за моря щедро делится Китай.

Были руки золотыми и одежды так бедны,
Но она делила имя с королевою страны.
Помню первые минуты дорогих для сердца дней,
Голубой дымок черуты над изгибами бровей.
Сидя в хижине своей
Возле каменных ступней —
Так она молилась Будде, ну а я молился ей.
По дороге в Мандалай...

В час, когда всходили луны после знойного огня,
Эти пальцы брали струны и играли для меня.
Помню дивный час свободы, я к щеке её приник,
Отходили пароходы, и слоны рубили тик.
У ручья рубили тик
В незабвенный этот миг
И разрушить храм молчанья опасался мой язык.
По дороге в Мандалай...

Это было ли? Не знаю. Словно было не со мной.
Не добраться к Мандалаю на коляске в выходной.
Правду я услышал где-то в байках опытных солдат -
Кто услышит зов рассвета, тот не смотрит на закат.
Тот запомнит каждый взгляд,
Ночью пение цикад,
Дым восточных благовоний, звонкий храмовый набат.
По дороге в Мандалай...

Я иду чужой дорогой среди иных чужих путей,
И английский дождь продроглый не щадит моих костей.
Дам из Челси или Сити много ходит при луне,
Что же дамы, извините, понимают обо мне?
Что они наедине
Понимают обо мне?
Я своё оставил сердце в чистой солнечной стране.
По дороге в Мандалай...

От Суэцкого канала мне дорога на восток.
Где законы стоят мало, мир прекрасен и жесток.
Слышу голос колоколен над священной водой,
Буду я, как птица, волен возле пагоды седой.

По дороге в Мандалай
Корабли кричат «Прощай!»,
Честь живым и слава мёртвым —
Так мы шли на Мандалай.
О дорога в Мандалай,
Где раздолье рыбьих стай,
И рассветом из-за моря щедро делится Китай!

Deserters

There is a world outside the one you know,
To which for curiousness 'E'll can't compare —
It is the place where "wilful-missings" go,
As we can testify, for we are there.

You may 'ave read a bullet laid us low,
That we was gathered in "with reverent care"
And buried proper. But it was not so,
As we can testify, for we are there.

They can't be certain — faces alter so
After the old aasvogel 's 'ad 'is share;
The uniform's the mark by which they go —
And — ain't it odd? — the one we best can spare.

We might 'ave seen our chance to cut the show —
Name, number, record, an' begin elsewhere —
Leavin' some not too late-lamented foe
One funeral — private — British — for 'is share.

We may 'ave took it yonder in the Low
Bush-veldt that sends men stragglin' unaware
Among the Kaffirs, till their columns go,
An' they are left past call or count or care.

We might 'ave been your lovers long ago,
'Usbands or children — comfort or despair.
Our death (an' burial) settles all we owe,
An' why we done it is our own affair.

Marry again, and we will not say no,
Nor come to bastardise the kids you bear;
Wait on in 'ope — you've all your life below
Before you'll ever 'ear us on the stair.

There is no need to give our reasons, though
Gawd knows we all 'ad reasons which were fair;
But other people might not judge 'em so,
And now it doesn't matter what they were.

What man can size or weigh another's woe?
There are some things too bitter 'ard to bear.
Suffice it we 'ave finished — Domino!
As we can testify, for we are there,
In the side-world where "wilful-missings" go.

Дезертиры

Есть тайный мир невидимых утрат,
Отличный от изученной среды —
Тот мир "пропавших без вести" солдат,
И наши там теряются следы.

Рассказ о нас вас может бросить в дрожь,
Про подвиг наш и ратные труды,
И нашу смерть. Но всё же это ложь —
Колосья мы совсем иной страды.

И слухи эти, в общем, неточны —
Стервятник не остался без еды,
Лишь медленно сползает со спины
Лоскут от нами сброшенной узды.

И мы могли пойти на этот шаг
Во тьме имён, спасаясь от беды,
Отдавши сожаление, как флаг,
Британцам, пополняющим ряды.

И этот шанс, и сложный, и простой,
Мог выпасть нам в котле лихой вражды,
Среди туземцев, шествующих в строй,
Без помощи, без хлеба и воды.

И мы могли быть тоже влюблены,
И клясться дотянуться до звезды,
Но смерть пришла. Мы больше не должны.
И в исповедях наших нет нужды.

Чтоб детям не сиротами расти,
Клянитесь вновь, на новые лады,
Пока вы нас нагоните в пути
Вдоль по дороге в райские сады.

И видит бог — у каждого была
Причина, та, которой не горды,
Но это наши личные дела,
Сдержите ваши скорые суды.

Среди вещей, что взвешены давно,
Есть те, что слишком горестно тверды,
Мы просто проиграли в домино,
Чтоб горько пожинать свои плоды
В краю, где все равны и всё равно.

Edmund William Gosse

An invitation

Come to the river-bank with me;
For there are plumed ferns of crescent green,
And in the wine-dark pools are seen
The crimson-spotted trout.
Hush! hush! move through the brake most silently,
Vex with no loud unhallow'd shout
The holy secrecy of this sweet glade,
And you shall see
The dipper rush with sudden flash, and fade
Into the woodland screen;
Nor shall you by your presence make afraid
The kingfisher, who looks down dreamily
At his own shadow gorgeously array'd.

Эдмунд Уильям Госс

Приглашение

Пойдём со мной в речную тишь,
Где роща от побегов зелена
И где в пучине вод видна
Пятнистая форель.
Молчи! Ступай легко, иди за мной,
Познай лесную колыбель,

Святое таинство затерянных раки,
И ты узришь
Случайный взмах, рывок, и то, как забуллит
Седая глубина
Не потревожит твой внезапный вид
Дух зимородка, что, паря над тишиной,
На тень свою мечтательно глядит.

May-Day

The Past is like a funeral gone by,
The Future comes like an unwelcome guest,
And some men gaze behind them to find rest
And some urge forward with a stifled sigh;
But soft perennial flowers break forth and die,
And sweet birds pair and twine a woodland nest;
They, sifting all things, find the Present best,
And garnish life with that philosophy.
Like birds, like flowers, oh! let us live To-day,
And leave To-morrow to the Fates' old fingers,
And waste no weeping over Yesterday!
Lo! round about the golden lustre lingers,
The fresh green boughs are full of choral singers,
And all the Dryades keep holiday.

Майский день

Прошедшее суть похоронный звон,
Грядущее всегда незванный гость,
Смотря назад, мы лечим нашу злость,
А глядя прямо, сдерживаем стон.
Но птицы затевают хор с утра,
Цветут цветы, сверкая и маня,
Им нет милей сегодняшнего дня,
И эта философия мудра.
Подобно им, мы жить Сейчас должны,
А Завтра поручить судьбе единой,
Вчерашние не вспоминая сны.
Взгляни! Сияет солнце над долиной,
Листва пьяна от песни соловьиной,
И все дриады правят бал весны.

Perfume

What gift for passionate lovers shall we find?
Not flowers nor books of verse suffice for me,
But splinters of the odorous cedar-tree,
And tufts of pine-buds, oozy in the wind;
Give me young shoots of aromatic rind,
Or samphire, redolent of sand and sea,
For all such fragrances I deem to be
Fit with my sharp desires to be combined.
My heart is like a poet, whose one room,
Scented with Latakia faint and fine,
Dried rose leaves, and spilt attar, and old wine,
From curtained windows gathers its warm gloom
Round all but one sweet picture, where incline
His thoughts and fancies mingled with perfume.

Духи

Что за дары влюблённым хороши?
Стихи, цветы меня не впечатлят,
Но дайте мне кедровый аромат,
Сосновых почек, спящих на ветру,
Смолистую пахучую кору,
Самфир, в котором синих волн раскат,
Они, я полагаю, вторят в лад
Безудержным страстям моей души.
Она — поэт, чья комната тесна,
В ней запах трав и винный эликсир,
Сухая роза, масло и эфир,
И мягок мрак закрытого окна,
Но яркий блик даёт ориентир,
И страсть, и мысль в духах воплощена.

Уэльс

Dylan Marlais Thomas

And death shall have no dominion.

And death shall have no dominion.
Dead men naked they shall be one
With the man in the wind and the west moon;
When their bones are picked clean and the clean bones gone,

They shall have stars at elbow and foot;
Though they go mad they shall be sane,
Though they sink through the sea they shall rise again;
Though lovers be lost love shall not;
And death shall have no dominion.
And death shall have no dominion.
Under the windings of the sea
They lying long shall not die windily;
Twisting on racks when sinews give way,
Strapped to a wheel, yet they shall not break;
Faith in their hands shall snap in two,
And the unicorn evils run them through;
Split all ends up they shan't crack;
And death shall have no dominion.
And death shall have no dominion.
No more may gulls cry at their ears
Or waves break loud on the seashores;
Where blew a flower may a flower no more
Lift its head to the blows of the rain;
Though they be mad and dead as nails,
Heads of the characters hammer through daisies;
Break in the sun till the sun breaks down,
And death shall have no dominion.

Дилан Марлайс Томас

И смерть не будет властвовать вовек

И смерть не будет властвовать вовек.
Пусть мёртвым не поднять уже закрытых век,
Но ветром говорят они и зрят луной.
Когда истлеет прах в сырой груди земной,
Услышат звёзды эхо их шагов.
Кто разума лишён — в сознание придет.
Воспрянет, кто нашел покой в пучине вод.
Сквозь злую боль утрат незыблема любовь.
И смерть не будет властвовать вовек.

И смерть не будет властвовать вовек.
Лежащих в глубине седых морей и рек
Солёный ветер не развеет прах.
Согнутых бременем, разверстых на камнях,
На дыбу вздёрнутых- не тронет меч и кнут,
Их руки вера укрепит двойным узлом,
Насквозь пронзаемые однорогим злом,-

Руинами пойдут, но всё же не падут.
И смерть не будет властвовать вовек.

И смерть не будет властвовать вовек.
Не сможет чаек стон тревожить их ночлег.
И грохотом валов не оглушит прибой,
Где не расцвёл цветок — не устремит другой
К безумию дождя беспечное чело.
И пусть ушедший нем, и прах снедает кость,
Его бессмертный дух пронзит земную ось
И к солнцу тянется, пока оно светло,
И смерть не будет властвовать вовек.

Ирландия

William Butler Yates

After long silence

Speech after long silence; it is right,
All other lovers being estranged or dead,
Unfriendly lamplight hid under its shade,
The curtains drawn upon unfriendly night,
That we descant and yet again descant
Upon the supreme theme of Art and Song:
Bodily decrepitude is wisdom; young
We loved each other and were ignorant.

Уильям Батлер Йейтс

После долгой тишины

Беседа после долгой тишины.
Все прочие чужды или мертвы.
Сквозь занавес небесной синевы
Просвечивают фонари и сны.
И наши речи тешат нам умы,
О судьбах наших песен и искусств,
Мы так мудры, но в годы юных чувств
Любили мы и были слепы мы.

No second Troy

Why should I blame her that she filled my days
With misery, or that she would of late
Have taught to ignorant men most violent ways,
Or hurled the little streets upon the great.
Had they but courage equal to desire?
What could have made her peaceful with a mind
That nobleness made simple as a fire,
With beauty like a tightened bow, a kind
That is not natural in an age like this,
Being high and solitary and most stern?
Why, what could she have done, being what she is?
Was there another Troy for her to burn?

Нет второй Трои

За что я должен ставить ей в вину,
Что дни мои страданием сожгла
И улицы толкала на войну
С жестоким гневом адского котла?
Смелы ли мы иль просто горячи?
Где мир в её упрямой голове,
С умом, подобным пламенной печи
И красотой, подобной тетиве?
И можно ли пылать такой тоской,
Такой тревогой в цвете юных лет?
И что ей делать, будучи такой?
Вторую Троию сжечь ли или нет?

The white birds

I would that we were, my beloved, white birds on the foam of the sea!
We tire of the flame of the meteor, before it can fade and flee;
And the flame of the blue star of twilight, hung low on the rim of the sky,
Has awaked in our hearts, my beloved, a sadness that may not die.
A weariness comes from those dreamers, dew-dabbled, the lily and rose;
Ah, dream not of them, my beloved, the flame of the meteor that goes,
Or the flame of the blue star that lingers hung low in the fall of the dew:
For I would we were changed to white birds on the wandering foam: I and you!
I am haunted by numberless islands, and many a Danaan shore,
Where Time would surely forget us, and Sorrow come near us no more;
Soon far from the rose and the lily and fret of the flames would we be,
Were we only white birds, my beloved, buoyed out on the foam of the sea!

Белые птицы

О, если бы нам, дорогая, стать птицами в пене морей!
Мы так устаем, ожидая, чтоб пламя погасло скорей.
Сверкая над синею далью, повисшая в небе звезда
Наполнила сердце печалью, и, может, уже навсегда.
Бессилие тучей угрюмой нисходит от лилий и роз,
О них, дорогая, не думай, избавься от тягостных грёз,
Забудь о пророчествах горя печальной звезды голубой,
Ведь белыми птицами моря мы станем однажды с тобой.
Нас примет священное племя потомков богини Дану,
И мы позабудем про время у горькой печали в плену,
И вскоре от роз и от лилий мы вместе помчимся быстрее,
И будем парить без усилий, как белые птицы морей!

The Lake Isle of Innisfree

I will arise and go now, and go to Innisfree,
And a small cabin build there, of clay and wattles made:
Nine bean-rows will I have there, a hive for the honeybee,
And live alone in the bee-loud glade.
And I shall have some peace there, for peace comes dropping slow,
Dropping from the veils of the morning to where the cricket sings;
There midnight's all a glimmer, and noon a purple glow,
And evening full of the linnet's wings.
I will arise and go now, for always night and day
I hear lake water lapping with low sounds by the shore;
While I stand on the roadway, or on the pavements grey,
I hear it in the deep heart's core.

Озёрный остров Иннисфри

Я встану и отправлюсь на остров Иннисфри,
И хижину построю из глины и плетня,
Бобовая рассада и улей у двери —
И новый день начнётся для меня.

И мир сойдёт на душу, нелёгкий на подъём,
От утреннего света до говора сверчка,

И полночь там сияет, и день горит огнём,
И песня птицы вечером сладка.

Я встану и отправлюсь, поскольку в шуме дней
Я слышу тихий голос волны у берегов,
Среди лесных тропинок и людных площадей
Я в ритме сердца слышу этот зов.

To Some I Have Talked with by the Fire

While I wrought out these fitful Danaan rhymes,
My heart would brim with dreams about the times
When we bent down above the fading coals
And talked of the dark folk who live in souls
Of passionate men, like bats in the dead trees;
And of the wayward twilight companies
Who sigh with mingled sorrow and content,
Because their blossoming dreams have never bent
Under the fruit of evil and of good:
And of the embattled flaming multitude
Who rise, wing above wing, flame above flame,
And, like a storm, cry the Ineffable Name,
And with the clashing of their sword-blades make
A rapturous music, till the morning break
And the white hush end all but the loud beat
Of their long wings, the flash of their white feet.

Тем, с кем я говорил у костра

Когда звучал во мне язык легенд,
Душа вернулась в радостный момент,
Когда в тумане тающих углей
Мы речь вели про сумрачных людей,
Живущих в сильных душах смельчаков,
Народах ускользящих веков,
Вздыхающих в печали пустоты,
Поскольку не увяли их мечты
Под тенью дерева добра и зла,
О племенах без меры и числа,
Как буря, охвативших небосклон,
Невыразимых полная имён,
И музыка скрещённых их мечей
Звучит, звучит до утренних лучей,
И даже смерти не хватает сил
Прервать их бег и трепет длинных крыл.

John Millington Synge

In Kerry

We heard the thrushes by the shore and sea,
And saw the golden star's nativity,
Then round we went the lane by Thomas Flynn,
Across the church where bones lie out and in;
And there I asked beneath a lonely cloud
Of strange delight, with one bird singing loud,
What change you'd wrought in graveyard, rock and sea,
This new wild paradise to wake for me...
Yet knew no more than knew those merry sins
Had built this stack of thigh-bones, jaws and shins.

Джон Миллингтон Синг

В графстве Керри

Мы слушали живую трель дрозда,
Смотрели, как рождается звезда,
Затем взирали я и Томас Флинн
На церковь и на прах среди руин.
И я спросил под облаком седым,
Пока летали птицы рядом с ним -
Какой пройти нам надо узкий путь,
Чтоб этот рай потерянный вернуть.
Ответа нет. Я знаю лишь о том,
Что смерть приходит следом за грехом.

To The Oaks Of Glencree

My arms are round you, and I lean
Against you, while the lark
Sings over us, and golden lights, and green
Shadows are on your bark.

There'll come a season when you'll stretch
Black boards to cover me;
Then in Mount Jerome I will lie, poor wretch,
With worms eternally.

Дубам в Гленкри

Я прикасаюсь к вам рукой,
Как соловей — крылом,
И свет зелёно-золотой
Играет над стволом.

Но ваша плоть безвестным днём
Сомкнётся над моей,
И я усну на Монт Джером
В компании червей.

Glen Cullen

O river, could'st you make response in words,
What questions I should ask of olden time!
What stories hear of daring deeds and crime,
Of those who dwelt out here among their herds,
Feasting on plenteous beef, with milk and curds,
And then beside thy softly mellowed chime,
Shouting exultingly a martial rhyme
That rose spontaneous as a charm of birds;

But changes since have crept o'er all thy glen,
And now a thrifty nation needs must strive
To grow rich wheat where nought then lived but game.
Yet on the bank still sings the merry wren,
And in thy stream the frolic ousels dive,
While old traditions linger in thy name.

Глен Каллен

Подай мне знак, текущая вода,
О чем спросить я должен у времён
И что узнать о подвигах племён,
Что здесь века пасли свои стада,
И был их стол богат, как никогда,
И мерный звон колоколов и лат
Перерастал в воинственный набат,
Внезапно, словно пение дрозда.

Прошли года над зеленью лугов,
И край наш выбивается из сил —
Где игры шли, народ пшено растит.
Крапивник всё поёт у берегов,
Весёлый дрозд трепещет негой крыл,
Пока обычай предан и забыт.

Шотландия

Alexander Smith

Inversnaid

Like clouds or streams we wandered on at will,
Three glorious days, till, near our journey's end,
As down the moorland road we straight did wend,
To Wordsworth's 'Inversnaid,' talking to kill
The cold and cheerless drizzle in the air,
'Bove me I saw, at pointing of my friend,
An old fort, like a ghost, upon the hill,
Stare in blank misery through the blinding rain,
So human-like it seemed in its despair,
So stunned with grief,—long gazed at it we twain.
Weary and damp we reached our poor abode;
I, warmly seated in the chimney-nook,
Still saw that old fort o'er the moorland road
Stare through the rain with strange woe-wildered look.

Александр Смит

Инверснэйд

Бродили мы в дождливой полутьме
Три долгих дня, и по пути домой
Мы вышли на объятый тишиной
Вордсвортов Инверснэйд, держа в уме,
Как взять тепла и где найти ночлег,
Мой друг увидел в небе на надо мной
Старинный форт, как призрак на холме,
Страдающий под проливным дождём,
И был он как печальный человек,
Ему внимали долго мы вдвоём.
Продрогнув, мы вошли под тёплый кров,
И, глядя в полыхающий камин,
Я видел форт в безумии ветров,
Смотрящий вдаль в тоске своих руин.

Love

The fierce exulting worlds, the motes in rays,
The churlish thistles, scented briers,
The wind-swept bluebells on the sunny braes,
Down to the central fires,

Exist alike in Love. Love is a sea
Filling all the abysses dim
Of lornest space, in whose deeps regally
Suns and their bright broods swim.

This mighty sea of Love, with wondrous tides,
Is sternly just to sun and grain;
'Tis laving at this moment Saturn's sides,
'Tis in my blood and brain.

All things have something more than barren use;
There is a scent upon the brier,
A tremulous splendour in the autumn dews,
Cold morns are fringed with fire.

The clodded earth goes up in sweet-breath'd flowers;
In music dies poor human speech,
And into beauty blow those hearts of ours
When Love is born in each.

Daisies are white upon the churchyard sod,
Sweet tears the clouds lean down and give.
The world is very lovely. O my God,
I thank Thee that I live!

Любовь

И пыль, и стран далёких берега,
И запах трав на склоне дня,
От освещённых гор до очага
Центрального огня, —

В Любви едины. Это океан,
И волны глубоки, быстры,
По ним плывут сквозь время и туман
Светила и миры.

Могучий зов Любви, он справедлив
Для всех песчинок и планет,
Как я в Сатурне неизменно жив,
Так он живёт во мне.

Есть больший смысл, чем польза и нужда;
Шиповник стелет аромат,
Роса в лучах сверкает, как звезда,
Костром горит закат.

И полнят мир дыханием цветы,
Понятна музыка без слов,
Сердца стучат пред ликом красоты,
И в каждом есть Любовь.

Как бел у церкви выросший цветок ...
Слезу роняет дождь в траву...
И этот мир прекрасен. О мой бог,
Я счастлив, что живу!

**Майкл Эдвардс, Бессмертный член Французской Академии,
В переводах с французского Нины Лучкиной**

Нина Васильевна Лучкина (luckinanina2@gmail.com) — новокузнецкая поэтесса, переводчик, журналист. Родилась в поселке Ягодное Магаданской области. Выпускница французско-немецкого отделения факультета иностранных языков НГПИ. С 1979 по 2009 работала в научно-технической библиотеке ОАО «ЗСМК» библиографом-переводчиком, заведующей отделом иностранной литературы. С 2010 по 2012 была главным редактором городской педагогической газеты «Ступени», затем работала переводчиком в издательстве «Известия ВУЗОВ. Черная металлургия».

Художественным переводом занимается давно. Лауреат многочисленных конкурсов поэтических переводов. В 2020 г. награждена Почетной грамотой в номинации «французская поэзия» Конкурса переводчиков имени Линецкой; в 2023 и 2024 гг. заняла третье место в номинации «немецкая поэзия» на этом же конкурсе. В 2018 г. издан перевод книги бессмертного члена Французской академии Майкла Эдвардса «И вечны небеса и эти земли» с английского и французского языков с предисловием Станислава Айдиняна — личного секретаря Анастасии Ивановны Цветаевой.

**Michael Edwards
L'IMPRÉVU**

Sous le soleil
au quai Malaquais
parmi la brillance
et l'aise de juin

dans le connu, ami, tu t'aventures.

L'œil vif du vent
fouille les ombres,
ses ailes agitent
les feuilles, les façades,

la foule : ces nuages irremplaçables.

Devant les antennes
de ta pensée candide
et dans ta mémoire
à fleur de peau

paraît, fragmentaire, la beauté
indicible :

**Майкл Эдвардс
НЕОЖИДАННОСТЬ**

В разгар сияния
цветущего июня,
по набережной Малакэ
прогулка вместе с солнцем...

Знакомо всё, и ты уже в дороге.

Прицелясь, ветер
роется в тенях,
на крыльях листья
поднимает,
швыряя их в фасады,

и подгоняет тучи вечные прохожих.

Нехитрой мысли
чуткие антенны
являют в памяти твоей
на уровне прикосновения

клип – символ запредельной красоты:

Le Louvre qui ne cesse
de rester immobile,
les doubles réverbères
aux yeux d'extra-terrestres,

de Noureev, au 23, les arpèges ;

Le palace Riviera
tout à l'heure aperçu,
l'Hôtel de Ville,
éclat dans les verdure ;

les feux, entre sang et prairies.

Tu t'imagines
sur l'autre rive ;
les rochers, les algues
peignées par la Seine,

baignent dans les eaux qui ignorent la
ville.

Partout le paysage
renaît sous tes pieds,
les arbres cherchent
de toute leur sève

le sol éternel et le ciel.

Tu observes les vitrines,
longuement, où s'assemblent,
trésor des fraîches
cavernes du temps,

des antiquités lustrées de présence.

Dans le livre ouvert
de l'air, en ta prime
vieillesse, tu ne lis
rien de caduc

sous le soleil toujours neuf.

монументальность Лувра,
да фонарей двойное отражение
в инопланетных глазах Нуриева
и в окнах дома номер двадцать три,

где он парил под перелив арпеджио.

Гостиницы Ривьера
внезапное пришествие,
и Ратуша Отель де Виль
как взрыв среди кустов,

и зелень, и пурпур огней
автомобильных.

И вот ты мыслями
на дальнем берегу,
среди наскальных водорослей,
причёсываемых Сеной,

несущей горделиво свои воды.

Пейзажи возрождаются
повсюду, где ступает твоя нога,
и по стволам деревьев текут
живительные соки,

и вечны небеса и эти земли.

Разглядываешь пристально
витрины – пещеры времени,
в них мебель из коллекций антиквара
хранит следы незримого присутствия

владельцев и веков прошедших.

Раскрыта книга жизни,
её читая на пороге
своей старости,
ты мира замечаешь новизну

под этим вечно новым солнцем.

PARIS LUNAIRE

Le jour de lune
glisse sur le livre
ouvert de Paris
et voile les repères
de l'autre vie.

La lune a ses raisons
que la peur comprend
errant sous le soleil
dans le sang malade
parmi les fantômes
des êtres d'autrefois.

Le cri sur la face
blême d'abandon
touche l'oreille
avec tant de douceur
au cœur de la peine.

Nous baigne longuement
la lumière nocturne
lavant nos cheveux
nos âmes et nos pieds.

Le jour de lune
glisse sur le livre
inaccompli.

ПОДЛУННЫЙ ПАРИЖ

Лунный день, скользящий
по раскрытым страницам
ночного Парижа,
покрывает вуалью
светлой жизни дневные приметы.

И есть на это у Луны
понятные лишь ей причины,
да страху, с которым она
блуждала в кровавом океане боли
среди фантомов страждущих –
свидетелей ушедшей старины.

Там бледность лиц потерянных,
а крик, на них застывший,
касается ушей с огромной нежностью,
воспринимаемой сердцами,
которые способны сострадать.

Нас этот свет ночной
купает бесконечно
и омывает души,
волосы и ноги.

А лунный день
по книге всё скользит,
листая жизни
бесконечные страницы.

Следующий гость рубрики читателям нашего альманаха уже знаком.

Йоэль Матвеев — трехязычный писатель, поэт и литературный переводчик. Пишет на идише, русском и английском языках, владеет достаточно хорошо эсперанто, ивритом, арамейским и ирландским, знаком с рядом других языков, включая французский, арабский и персидский. Известен как один из немногих современных авторов, пишущих на идише. В его 30-летнем «арсенале» на этом языке самые разнообразные материалы: стихи, фантастические рассказы, культуроведческие и исторические статьи, художественные переводы стихов, включая многочисленные тексты советских песен.

Родился Йоэль Матвеев в 1976 г. в Ленинграде, с конца 1990-х жил в хасидских районах Лондона, Нью-Йорка и пригородов этого города, где идиш является основным языком бытового общения. В 2002–2016 гг. работал в редколлегии идишеязычной нью-йоркской газеты «Форвертс»; с 2010 г. начал публиковаться в английскоязычной прессе. В 2017 г. вернулся в Санкт-Петербург и вскоре после возвращения в Россию стал корреспондентом двуязычной областной газеты «Биробиджанер итерн», выходящей на русском и идише.

Систематически переводит на идиш стихи Осипа Манделштама и Уильяма Батлера Йейтса, а также многих других ирландских поэтов.

Со своими собственными стихами на английском языке Йоэль Матвеев дебютировал в предыдущем 14-м выпуске альманаха «Отражения». Предлагаем читателям еще одну серию его английских стихов, переводов стихотворений и песен с русского, идиша и древнеирландского на английский, а также песню «Надежда» в переводе Матвеева на эсперанто.

* * *

In weary dreams I wear a cowl
And dare to turn into an owl.
Although you, well, seem not to see,
I do indwell a thorny tree.

When shows ashine my mirthful moon,
You are all mine; I see you soon.
Through prowly paths my paws will pass
By gnarly oaks, by with'ring grass.

I swing so slim my silent signs,
My wing is dim, thin twigs — my shrines.
In boughs bewitched by brisky breeze —
Lone lives an owl with crossways' keys.

In wonder worlds, and winds, and woods,
In flapping fields, and reeds, and roots
I cause a cosmic ray
To those for whom I may.

* * *

May ever be two worlds so twisted,
Where we are others' afterlife?
Chaotic sequences of primes
Are never random.
All that is seldom and bizarre
Some queen of strife (you, Tiamat?)
Had mathematically aligned
In her cat's cradle?

Or?

And here you are,
Our globe,
Our gleaming UFO
Spends restless nights in archons' hangars.
All whisper, electrons are spinning
The selkies' strobing thread by dreaming
The Gnostic art of doppelgangers.

The Morrigan smiles lycanthropic
At corvine wheels of early spring,
Her magic ring you call the year.
All gravitational disturbance,
All our encounters are close,
First kind,
The rose of alien mind,
Things eerie, dear,
(Croak, croak!) off-topic
Are all convergence.
Raise your wings.

The following poem, including its title, is a palindrome.

LAGETA LUBMA

Bocio zone, a crot cart, tacit or eros, banshee venom,
Last Aten's drib ere we dare rare Roma dances, a nog?
Nah! Ya brats, slap a rose of Ka on an owl!

Won an oak, foes or a pal's star bay?
Hang on a sec, nada, more rare-rade werebirds' net at salmon eve!
Eh, snabs or erotic attractor Caenozoic obambulate gal?

The following is a parody of a badly written overdramatic poem.

They Loved Each Other

It was not what you think at all at all.
It's all emotions.
Nah, merely a rehearsal, not a fight.
It could be way much worse.
Remember, love is universal?

Yeah, you are right, of course.
There is no growth without corrosion.
And what is, after all, a universe?
A cold and empty toxic plasma ball,
A booby trap of doom
Sustaining thermonuclear explosions.

And then they left the room
Dissolved by corvine night.

TRANSLATIONS

From Old Irish

Here's my tale:	Grove grass red;
roar roe deer;	season's cease;
summer strays:	soar sounds spread —
winter's near;	giggling geese.

Whistling wind;	Cold now holds
sinking sun	wiggling wings;
cut its course;	ice grey grows —
sea waves spun;	told my things.

By Vladimir Solovyov. At Saimaa in Winter

You, all wrapped-up in a furry apparel,
Sleeping serenely, you quietly lie.
Here the air rays with life, not with peril,
Under this silent transparent white sky.

In undisturbed deep serenity quiet
I was not seeking in vain you to seize,
Your ever-image, I innerly eye it,
Fairy — my Lady of cliffs and pine trees!

You, like immaculate snow beyond mountains,
You, full of thoughts as a wintery night,
You, all in rays like the polar flame fountains,
Daughter of chaos, from darkness turned bright!

* * *

Lo, my Queen's in azure all appearing
Was resplendent today in Her praise, —
And my heart in delight and sweet reeling,
In the morning dawn's brightening rays,
When my soul's silent light came appealing
And, away in its smoldering smearing
The Earth's fire quenched its evil and blaze.

By Geydar Dzhemal

* * *

When you will come, and if you come to meet —
A sign that worst of nightmares don't last ever
Just in two meters underneath your feet
Below
I'll towards you my rest unsever
Then I will know that it's your greeting rite
That doors between us half-prevents from shutting
And then your tears, tears
Light as morning light
The ceased heart's sand path will succeed in cutting
You'll hear my whisper from beneath the cist
Of what is there
I'm so tenacious dreaming
What sky above me is afire so blisded
What vastness in my empty orbits beaming!
And in this even all-abiding mist
My death's decay is seized with horror's shiver
When on this earth you'll finish to exist
I under earth
Will be
Not needed either.

By Yuri Entin. The Song of the Bremen Musicians

Nothing in this world is better ever
Than with friends to roam around together,
With our friends all worries will go under,
Every road we travel is a wonder.

For our call we're always looking after,
Bringing people joy, and cheers, and laughter,
Castles call us, but we do not need them,
Nothing can replace our lucky freedom.

See our carpet — flowers in the meadow,
Giant pine trees give us walls and shadow,
And our roof, the ever-blue horizon,
Where our happy destiny is risin'!

By Natalia O'Shea. Farewell

Fare well and if for ever still, for ever fare thee well.
Beyond the pale you may fare well, recall me and admire!
So near the pale in foggy hunk, midwinter's laughter ever drunk;
I'm like a cairn enjailed and shrunk within its ring of fire.

Forget what you had never known, forget my silent words,
It was not me who said those words, make gone them from your mind,
And there, beyond, the darkness lurks, as never near the winter hoarks
Your shadow's gone, caressing mine, again to wander blind.

Beyond eternity, alternity, internity of snow
When dreams were gone from us astray, we did not dare to close our eyes,
We'll not awaken, we are taken from each other and from all
On the inverting side behind the silver glass.

In burning coals of morning dawn you will become estranged,
And then, as well, I will become estranged to you, my soul,
Hold on on air like ice unquenched, on air of steel with arrows ranged,
Left to exhale however clenched asundered by its wall.

Beyond eternity, alternity, internity of snow
When dreams were gone from us astray, we did not dare to close our eyes,
We'll not awaken, we are taken from each other and from all
On the inverting side behind the silver glass.

Beyond transparent, and aberrant, vain and errant winter days,
When silence tears and rushes blue, when sleepless nights as pearls pass,
We'll not return to face each other and ourselves
From the inverting side behind the silver glass.

The Snake King's Bride

Ay, 'tis no wind, 'tis no way in woodland swirling dust,
Ay, stay you lass, far away from all peril stray you must,
Don't awaken the charm,
Look away from all harm —
Twining serpents espouse in lust.

I knew no menaces, I dared to glare, I did not hide.
Be you, fair lass, ours forever — no one but yourself to chide!
Glen to glen shadows cling,
There he is — serpent king,
For he's chosen you as his bride.

Hold me in your net,
Lay me, lay me down on a silken bed.
Love me toe to head,
Wells to draw alone never let me get.

Where a snake potion to find I will never have a clue,
My golden eyes ever rise I will never dare to you.
Tanned and sunburned to scales,
Into autumnal veils,
With the snakes to take off I'm due.

Silent as dust under canopy's coming his voice to chase...
Lusty of hunger, full eyes, golden, half a face...
Calling down with his hiss:
"With thirty three rings
I will, dearest, you soon embrace!"

Hold me in your net,
Lay me, lay me down on a silken bed.
Love me toe to head,
Wells to draw alone never let me get.

By Katerina Kuznetzova. A Cheerful Poem About the Apocalypse

When the end time we'll attest,
You will welcome me,
In your garden I shall rest,
Bliss in blue I'll see.

Meet me at the garden's gate,
While the day is red.
Bring me, please, a little plate,
Simple piece of bread.

Bring me too a little glass,
Wine, one I adore,
Yesterday will never pass,
And today's no more.

And we read the silence' book
Put between green walls.
We are silent, and we look
As all burns and falls.

When the world is gone and thawed —
Clear as marble stone
Is that I'm so glad, my God —
I am not alone.

By Arseny Tarkovsky Ceased the Summer to Glow

Ceased the summer to glow,
As if always t'was callow,
Warmth continues to flow,
Yet my stream is too shallow.

What could happen below,
Like a leaf falling sallow,
I've been handed to know,
Yet my stream is too shallow.

Evil I'd to allow,
And the good — all to hallow,
Everything shined aglow,
Yet my stream is too shallow.

By its wings, by its blow
Life had kept me to fallow,
Luck and joy were aflow,
Yet my stream is too shallow.

Did not burn, did not plow,
Gently gardened like mallow...
Glaring day clear and slow,
Yet my stream is too shallow.

By Nikolaj Dobronravov. Espero

Lumas supre nekonata stel',
Ree estas ni en fremda domo,
Foraj urboj — nigra fragra bel',
Ekfluglumoj de aerodromo.
Tie ĉi — kaj pluvoj kaj nebul',
Tie ĉi — malvarmoj ekmatenoj,
Tie ĉi ekestas nin el nul'
En la vojo tre komplikaj temoj.

Espero — kompasoj de l' ter',
Kaj la fort' de kuraĝo min sortas,
Kun kanto nur sola de ver',
Se ĝi pri la hejmo rakontas.

Kredu min, ĉi tie en la for'
Multe de la vido malaperas,
Nuboj jam ŝanĝiĝas en kolor',
Se ofendis, la pasint' ne veras.
Devas nur atendi en trankvil',
Devas esti forta kaj obstina,
Por ricevi iam el la viv'
Ĝojajn telegramojn kvankam fine.

Espero — kompasoj de l' ter',
Kaj la fort' de kuraĝo min sortas,
Kun kanto nur sola de ver',
Se ĝi pri la hejmo rakontas.

Kaj ne eble preni de l' memor',
Por finkanti eĉ en la landeĝo,

Pri okuloj karaj en la hor'
De la blua laca Moskva neĝo.
Inter ni de urboj fragra bel',
Ree disigitaj trans la tero,
La ĉiela nekonata stel'
Lumas kiel signo de espero.

Espero — kompasoj de l' ter',
Kaj la fort' de kuraĝo min sortas,
Kun kanto nur sola de ver',
Se ĝi pri la hejmo rakontas.

**ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПЕРЕВОДА В ДОНБАССЕ**

Пасхальная секвенция *In Resurrectione D.N.*¹

Секвенция — жанр западно-европейской литургической поэзии раннего Средневековья. Отличается лаконичностью формы и простотой лексики. Представленная секвенция не имеет определенного автора и предположительно является плодом коллективного творчества средневековой монастырской школы.

Перевод Елены Александровны Вишневской, преподавателя кафедры теории и практики перевода Донецкого государственного университета (u.elena.vishnevskaya@mail.ru)

1. Hodie solemnitatis solemnitatum, gloriosa dies, 2a. In qua surrexit potenter sepulchro leo fortis et mortem nunc destruens Et aeternam vitam tribuit, Ideoque omnes submissis vocibus exsultantibus 2b. Occiso agno Redemptione pro mundi Laudum feramus praeconia: Laus, honor, potestas Et virtus, Gloria, imperium, decus Tibi sit In aevum verus. 3a. Perpetuo hoc nostrum resonet os nec sileat, 3b. Canamus pio redemptori Alleluja. 4a. Deus noster, humili nos te prece deposcimus omnes pariter,	1. Ныне торжество из торжеств, славный день, 2a. В который восстал всесильно из гроба могучий лев, и смерть ныне уничтожает и дарует жизнь вечную. И потому все кроткими Голосами ликующими 2a. Агнцу, закланному Ради искупления мира, да принесем хвалы прославления: Хвала, честь, власть и сила, Слава, царство, поклонение Тебе во веки истинное. 3a. Вечно это наши уста пусть произносят, не умолкают, 3б. Да воспоем благочестивому Искупителю Аллилуйя. 4a. Боже наш, все мы взываем к Тебе со смиренной молитвой одновременно,
---	---

¹ Analecta hymnica medii aevi. Prosarium Lemovicense. Die Prosen der Abtei St. Martial zu Limoges / Clemens Blume, Guido Maria Dreves. Frankfurt am Main: Minerva, 1961 (repr.). v.7. — pp. 77–78 (Примечания переводчика).

4b. Uthis diebus simus
paschalibus
tuo auxilio
protecti.

5a. Adsint et sanctorum
suffragia,
ut post cursum hujus
vitae
illis

5b. Atque mereamur,
angelicis
interesse [choris]
in aevum
omnes.

6a. Majestatem tuam
indesinenter frui,

6b. Qui regnas cum patre.
Spiritu sancto, Deus

7. In sempiterna
saeculorum saecula.

4б. Чтобы в эти пасхальные дни мы
были защищены
Твоей
помощью.

5а. Да пребудут и
ходатайства святых,
дабы по прошествии
этой жизни
благодаря им [ходатайствам]

5б. Мы все так же удостоились
быть среди
ангельских
хоров
в вечности.

6а. Непрестанно наслаждаться
Твоим величием, Боже,

6б. Царствующий с Отцом Твоим.
Святой Дух, Бог

7. В вечные
веки веков.

Катерина Кузнцова. Про кінець світу на мажорний лад

Як світ буде знищено —
В сад свій відпочить
В затишку поклич мене,
Де ясна блакить.

Стрінь мене увечері
Біля хвіртки ти,
Хлібцем свіжоспеченим
Мене пригости

І винця червоного,
Як люблю, налий.
Вчора та сьогодні вже
В небуття пішли.

Там удвох ми сядемо
В зелені, в тіні,
Видно буде з саду нам:
Все горить в огні.

Цілий світ румовищем,
Тиша і п'ятьма...
“Слава Богу! — мовлю, — що
Я тут не сама!”

*Переклад Ольги Вікторівни Матвієнко,
доцента кафедри теорії та практики
перекладу Донецького державного
університету*

**Материалы конкурса «Мои первые переводы»
(Донецк, ДНР, 2025)**

Normal, Henry

The house is not same since you left

The house is not the same since you left
The cooker is angry — it blames me
The TV tries desperately to stay busy
But occasionally I catch it staring out of the window
The washing-up's feeling sorry for itself again
It just sits there saying 'What's the point, what's the point?'
The curtains count the days
Nothing in the house will talk to me
I think your armchair's dead
The kettle tried to comfort me at first
But you know what its attention span is like
I've not told the plants yet
They think you're still on holiday
The bathroom misses you
I hardly see it these days
It still can't believe you didn't take it with you
The bedroom won't even look at me
Since you left it, it keeps its eyes closed
All it wants to do is sleep
Remembering better times
Trying to lose itself in dreams
It seems like it's taken the easy way out
But at night
I hear the pillows weeping into the sheets.

Генри Нормал

Дом уже не тот с тех пор, как ты ушла

Дом уже не тот с тех пор, как ты ушла
Плита злится — обвиняет меня,
Телевизор отчаянно пытается казаться занятым,
Но периодически я вижу, как он глядит в окно.
Посудомоечная машина чувствует свою вину из-за этого
Постоянно твердя: «В чем дело? В чем дело?»
Занавески считают дни,
Ничто в доме не заговорит со мной.
Мне кажется, твое кресло погребло.

Сперва чайник старался утешить меня,
Но ты же знаешь, как он быстро отвлекается.
Я до сих пор не сказал цветам.
Они думают, что ты все еще в отпуске,
И ванная скучает по тебе
С тех пор, как ты ушла, она постоянно с закрытыми глазами
Я хочу одного — спать,
Вспоминая лучшие времена,
Пытаясь потеряться во снах.
Кажется, это был бы самый простой выход,
Однако ночью
Я слышу, как подушки рыдают в простыню.

*Перевод Милы Стрельченко (strelchenko.mila311@mail.ru), ученицы 11 класса
Лицея "Интеллект" г. Донецка, сейчас студентки ФИЯ ДонГУ.*

Генри Нормал

Дом стал другим с тех пор, как ты уехала

Дом стал другим с тех пор, как ты уехала
Плита злится — она винит меня
Телевизор отчаянно пытается чем-то себя занять
Но иногда я ловлю его взгляд, устремлённый в окно
Стиральная машина снова жалеет себя
Она твердит: «Какой в этом смысл, какой в этом смысл?»
Шторы считают дни
Ничто в доме не разговаривает со мной
Я думаю, что твоё кресло умерло
Чайник сначала пытался меня утешить
Но ты же знаешь, какой он рассеянный
Я пока не сказал об этом растениям
Они думают, что ты всё ещё в отпуске
Ванная скучает по тебе
В последнее время я почти не вижу её
Она всё ещё не может поверить, что ты не взяла её с собой
Спальня даже не смотрит на меня
С тех пор, как ты её покинула, она не открывает глаз
Всё, чего она хочет, — это спать
Вспоминая лучшие времена,
Пытаясь забыться в мечтах,
Кажется, что это самый лёгкий путь.
Но ночью
Я слышу, как подушки плачут в простыни.

*Перевод Евы Никеенко (kaluna160@gmail.com), ученицы 10 класса школы № 57
г. Донецка*

Генри Нормал

Дом не такой, как был, с тех пор как ты ушел

Дом не такой, как был, с тех пор как ты ушел.
Плита сердится — она винит меня.
Телевизор отчаянно пытается оставаться занятым,
Но иногда я ловлю его на том, что он смотрит в окно.
Посуда снова жалуется на свою судьбу,
Она просто сидит и говорит: «В чем смысл, в чем смысл?»
Шторы считают дни.
Ничто в доме не хочет со мной разговаривать.
Думаю, твое кресло мертво.
Сначала чайник пытался меня утешить,
Но ты знаешь, какой он невнимательный.
Я еще не сказал растениям,
Они думают, что ты до сих пор на отдыхе.
Ванная скучает по тебе,
Я почти не вижу ее в эти дни.
Она все еще не может поверить, что ты не забрал ее с собой.
Спальня даже не хочет на меня смотреть,
С тех пор как ты ушел, она держит глаза закрытыми.
Она хочет только спать,
Вспоминая лучшие времена,
Пытаясь забыться во сне.
Кажется, она выбрала легкий путь,
Но ночью
Я слышу, как подушки плачут в простыни.

*Перевод Ульяны Леонтович (leontoviculana@mail.ru), ученицы 10 класса
Специализированной школы №1 с углубленным изучением иностранных языков
г. Горловка, ДНР*

Генри Нормал

Дом уже не тот, что был, когда ты ушла.

Дом уже не тот, что был, когда ты ушла.
Плита сердится — винит меня во всем.
Телевизор отчаянно пытается занять себя,
Но я ловлю его взгляд, устремленный в окно.

Грязная посуда снова жалуется,
Сидит, твердя: «Ну какой в этом смысл, какой смысл?»
Шторы считают дни,
Ничто в доме не желает со мной говорить.

Твое кресло, боюсь, умерло.
Чайник сперва пытался меня утешить,
Но ты знаешь, как быстро он теряет внимание.
Я еще не сказал растениям,
Они думают, что ты в отпуске.

Ванная скучает по тебе —
Мы почти не видимся теперь.
Она все еще не верит,
Что ты не взяла ее с собой.

Спальня отворачивается от меня,
С тех пор как ты покинула ее.
Она держит глаза закрытыми,
Все, что ей нужно, — это сон.

Она вспоминает лучшие времена,
Пытаясь забыться в мечтах.
Кажется, она выбрала легкий путь,
Но ночью
Я слышу, как подушки рыдают в простыни.

Перевод Дарьи Асеевой (daryusik1511@mail.ru), ученицы 11 класса Технического лицея г. Донецка

Генри Нормал

Дом стал не тот с тех пор, как ты ушла

Дом стал не тот с тех пор, как ты ушла.
Плита злится — она теперь винит во всём меня.
Телевизор отчаянно старается казаться занятым и бодрым,
Но я замечаю, как он отстранённо смотрит в окно.
Грязная посуда как будто бы осиротела:
Стоит в углу и причитает: "В чём дело? Что случилось? Не пойму..."
Занавески часы считают до заката, чтоб ночью ждать рассвета...
Дом наш смолк совсем.
И кресло твоё, кажется, сдохло.
Сначала чайник пытался меня утешить.
Но ты же знаешь, какой он эгоист.
Ах да, наши цветы ещё не знают.
Они думают, что ты всё ещё в отпуске.
Ванная скучает по тебе.
В последнее время она мне на глаза не попадалась:

Всё не может поверить, что ты могла вот так бросить её.
А спальня даже не смотрит на меня.
С тех пор, как ты ушла, она не открывает глаз,
Пытаясь уснуть,
Вспоминая лучшие времена,
Забываясь в мечтах...
Похоже, она выбрала самый лёгкий путь,
Но по ночам
Я слышу, как подушки всхлипывают, уткнувшись в простыню.

Перевод Елизаветы Кожиновой (foksnais@gmail.com), ученицы 10 класса СОШ № 119 с углубленным изучением английского языка, г. Санкт-Петербург

Генри Нормал

Дом совсем не такой, как прежде, когда ты ушла.

Дом совсем не такой, как прежде, когда ты ушла.
Плита сердится — она как будто меня винит.
Телевизор изо всех сил пытается казаться занятым,
Но периодически я замечаю, как он смотрит в окно.
Грязная посуда снова жалеет себя — просто лежит и спрашивает: "А какой вообще смысл? Какой смысл?"
Шторы считают дни.
Никто в доме со мной не разговаривает.
Думаю, твое кресло мертво.
Чайник сначала пытался меня успокоить,
Но ты же знаешь, какой он невнимательный.
Я еще не сказал растениям.
Они думают, что ты все еще в отпуске.
Ванная комната скучает по тебе.
Я вообще туда редко захожу в последние дни .
До сих пор не может поверить, что ты не забрала ее с собой.
Спальня даже не хочет на меня смотреть — с тех пор как ты ушла,
Она держит глаза закрытыми.
Ей хочется одного — спать,
Вспоминая хорошие времена
И пытаюсь забыться во сне.
Кажется, она выбрала самый легкий путь,
Но по ночам
Я слышу, как подушки плачут в простыни.

Перевод Дианы Виноградовой (fallenangelsw3@gmail.com), ученицы 9 класса школы № 136 г. Донецка

Генри Нормал
Дом стал не тот с тех пор, как ты ушла

Дом стал не тот с тех пор, как ты ушла.
Плита на кухне злится она винит во всем меня.
Телевизор старается казаться бодрым, будто ничего не произошло
Но все же видно — его мысли далеко.
И стирка будто вновь осиротела
Сидит в углу и говорит: «В чем дело? Ну в чем же дело?»
И занавески приуныли; прошлись в них складки, будто бы морщины.
Ничто теперь не будет говорить со мною
И кресло твоё, кажется, погибло.
Меня сначала чайник утешал
Но ты ведь знаешь, каков срок его внимания.
Я не говорил нашим цветам.
Они считают, что ты на отдыхе сейчас.
И ванна так давно не видела тебя.
Она мне на глаза не попадалась.
Меня серьёзно беспокоит спальня.
Пытается забыться, жить в мечтах
Наверно это самый лёгкий путь.
Но по ночам я часто слышу: подушки тихо плачут в простыню.

*Перевод Анны Золотаревой (annezolotarova@gmail.com), ученицы 11 класса
школы № 32 г.Макеевки*

ИЗ КАСТАЛЬСКОГО ИСТОЧНИКА

Проект *«Поэзия Ксении Некрасовой в английских переводах»* явился результатом работы семинара «Перевод и культурный трансфер», проводившегося в Институте иностранных языков РУДН им. Патриса Лумумбы осенью 2023 г. под руководством доктора филологических наук М. Р. Ненароковой. Смысл понятия «культурного трансфера», сформулированного французским ученым Мишелем Эспанем, состоит в том, что перевод становится средством перемещения культурных ценностей через границы национальных культур, и создаваемый текст, изменяясь семантически, становится новым художественным произведением, столь же ценным, сколь и исходный образец; при этом неизбежные изменения текста, с одной стороны, отражают картину мира принимающего языка, с другой, адаптируют памятник иной культуры к условиям культуры принимающей. Изучение этих процессов необходимо для становления переводчика любой специализации, поскольку каждый текст, относится ли он к области художественной литературы, публицистики, науки и техники, юриспруденции, экономики, представляет собой не только средство передачи некой информации, но и отражение культуры и восприятия мира создавшего его народа. В работе семинара приняли участие студенты Института иностранных языков РУДН им. Патриса Лумумбы (Москва), Донецкого Государственного Университета (Донецк, ДНР) и Северо-Кавказской государственной академии (Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика).

М. Р. Ненарокова

Поэзия Ксении Некрасовой в английских переводах

Переводы Виктории Артемовны Башиловой (viktoriyabashilova@gmail.com). На момент перевода была студенткой 3 курса, сейчас магистрант. 45.03.02 Лингвистика (Профиль: Перевод и переводоведение (английский и немецкий языки)), Донецкий государственный университет (Английский язык). Не публиковалась.

Как мне писать мои стихи?

Бумаги лист так мал.

А судьбы разрослись

в надширие небес.

Как уместить на четвертушке небо?

How to write my verses?

My sheet of paper is so small.

The destinies have opened

to the heavens' clouds.

How to put the sky only in the quarter?

Берестяные поля —
белые березы.
Мглисто в серых небесах.
На березовых сучках
птички красные сидят.

Birch fields
Are full of white birches.
Grey skies
Are full of shadows.
Red birds
are sitting on birch boughs.

«Из рыданий людских весна...»
Из рыданий людских весна,
А между пальцев у нее лучи, —
вскинет к солнцу ладонь,
а в ладони душа,
и совсем не душа,
а любовь.
от желаний пунцовая кровь.

Spring is from the wailing of human
beings,
And between her fingers, she has rays,
She will raise her palm to the sun,
And there is a soul in her palm,
But it's not a soul at all,
It's love.
The blood turned scarlet with desire.

***

Переводы Елизаветы Дмитриевны Гриненко (kosmos.cat@mail.ru), студентки 3 курса, Перевод и переводоведение, Специальный перевод (английский и немецкий языки), Донецкий государственный университет. Языки: русский, английский, немецкий. Не публиковалась.

Себе

Угодно было солнцу
и земле —
из желтых листьев
и росы
сверчка, поющего стихом,
на свет произвести.

To myself

It was pleased the sun and the earth
To bring into the world the cricket
That could sing a verse
And it was made
From yellow leaves and dew

Пила

Твой благородный звук
Не искривлял тона
Пред ликом важного бревна
И гибкий стан
Не гнулся до подошв
Пред видом стоеросовых берез
Но от твоих зубцов
Дубовые века
Ложатся в прах
Опилками шурша.

The Saw

Your noble sound
Did not distort the tone
In front of the pompous face of the log
And your flexible body
Did not bend to the soles
In front of the sight of the tangled
birches
But oak centuries
Fall into the dust from your beaks
Rustling with sawdust.

***

Перевод Софии Олеговны Завязкиной (zavyazkina-s@mail.ru), студентки 3 курса, 45.03.01 Филология, Зарубежная филология (французский, английский языки, межкультурная коммуникация и перевод), Донецкий государственный университет. Языки: русский, английский, французский. Не публиковалась.

Из детства

Я полоскала небо в речке
и на новой лыковой верёвке
развесила небо сушиться.
А потом мы овечьи шубы
с отцовской спины надели
и сели
    в телегу
и с плугом
поехали в поле сеять.
Один ноги свесил с телеги
и взбалтывал воздух, как сливки,
а глаза другого глазели
в тележки щели,
а колёса на оси,
как петушьи очи, вертелись.
Ну, а я посреди телеги,
как в деревянной сказке сидела.

From the childhood

I rinsed the sky in the stream
and on the new bast rope
I hung up the sky to dry.
And then we put on
father's coats with sheep scent
and went
    to the cart
and with the plow
we headed to the field for sowing.
One dangled his legs out of the cart
And whipped the air like cream,
While another's eyes lit
Through the cart's slits,
The wheels on the axles
were spinning like rooster's eyes.
So, I in the cart,
was sitting as in a wooden tale.

***

Перевод Ольги Евгеньевны Рагозиной (olg.ragozina2018@yandex.ru), студентки 3 курса, зарубежное регионоведение, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Языки: английский, испанский. Раньше не публиковалась.

Инкрустация

На японской лаковой коробке —
для восторга малых
и раздумий старших —
из перламутра мастер
создал радость,
изобразив цветок
и капли дождевые.
Была коробка черная под лаком,
как ночь под воздухом прозрачным,
только вместо луны — маргаритка
да зеленые доньшки капель.

The Incrustation

On the Japanese lacquer box —
For the delight of minors
And the thoughts of elders —
From the nacre the master
Created joy
By depicting a flower
And raindrops.
The black box was under lacquer
Like the night under transparent air,
Only instead of the moon there was a
daisy
And green bottoms of droplets.

***

Переводы Софии Ивановны Скородумовой (sofiaskorodumova@yandex.ru, 1132233714@pfur.ru), студентки 3 курса, «Зарубежное регионоведение» РУДН, Институт иностранных языков. Языки: английский и французский. Раньше не публиковалась.

Стуцались сумерки в садах,
И небо
Синее, как папиросная бумага,
Натянутое на обруч горизонта,
На яблоневый снежный цвет
Бросало тень.
Ах, эти яблони в цвету
У белых хат...

Их ветви в лепестках
Напоминают мне Урал,
Засыпанный сугробами,
Увязнувший в снегах.

Да, был вечер.
Без слов, без звуков.
Лежала дума на челе
Успокоенной тишины.
О чём?
Не надо слов.
Имей большое сердце,
И ты поймёшь величие полей,
Величие земли.

Косились в сторону
Из окон огоньки.
И в их лучах,
Как слёзы ребятишек,
Роняли ветки наземь
Свои вишневые цветы.

Есть третий глаз —
всевидящее око, —
им скульптор награжден,
художник и поэт:
он ловит то,
что прячется за свет
и в тайниках живет
не названное словом...

The twilights were falling down in the
orchards
And the skyline
As blue as cigarette paper
Was stretched out on a horizon hoop
And casted shadow down on
The colour of snowy apple trees.
Ah! all these apple trees in bloom
nearby the white cottages...
Their petalled limbs
remind me of the Urals,
huddled with snowdrifts,
Buried in snows.

Such was the eve.
So wordless and so soundless too.
The thought was dwelling on the brow
Of peaceful quiet.
Of what?

There is no need of words.
With the heart so big,
You will conceive the greatness of fields,
The greatness of the Earth.

Sparks peered through the windows
As if askew.
And the branches in their gleam,
Like children's tears,
Threw their cherry blossom flowers
Upon the ground.

There is the third eye —
The all-seeing eye —
With which a sculptor, an artist and a poet
Are awarded:
It catches
What hides behind the light
And lives in cache secret
Not named by a word.

***

Перевод Дарьи Аркадьевны Татариновой (dar148@mail.ru), магистранта 1 курса, Лингвистика, Юридический перевод, Российский университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы. Языки: английский, испанский. Раньше не публиковалась.

Удивленье

И заметила луна:
каждый вечер у окна
молча девочка сидит,
на нее — луну — глядит.

От внимания такого
зарумянилась луна.
«Что за милый человечек
из открытого окна
в небо смотрит на меня,
вы заметили, звезда?»

В удивлении звезда.....

А земля наша прекрасна.
И, может быть, одинока
среди пламенных солнц
и каменно-голых планет.
И вероятней всего,
что сами мы —
ещё не выросшие боги,
живущие под воздухом целебным
на нашей зелёной
и сочной земле

Amazement

And the moon saw:
Every night at the window
A little girl sits silently,
looking at her, the moon.

And the moon raised a blush
from such attention.
“Who is that amiable little girl,
looking up at me in the night sky
from an open window
have you noticed, oh, Star?”

The star is amazed.....

And our land is excellent.
And maybe it is lonely
among the flaming suns
and stony-naked planets.
And the odds are,
that we ourselves
are gods yet to grow up,
living in the healing air
on our green
and fertile earth.

***

Перевод Дианы Денисовны Хныковой (Dianahnikova@gmail.com), студентки 3 курса, лингвистика, перевод и переводоведение, Российский университет дружбы народов. Языки: английский, французский. Ранее не публиковалась.

Прости меня
Великий СССР
Что я беру
Твои одежды
И не сгущая пыль
От долгого пути
И пятен не стирая от дороги
Свожу покров льняного полотна

Forgive me, land of mighty past,
For taking fabric meant to last.
Not brushing off the dust I gain
From roads I roam, not free from stain.
I lay your linen on the table's pine,
A shelter for a weary poet's shrine.
Let your cloak now be my sheet,
A canvas where my words will meet.

На стол смолистый сосняка
Приют усталого поэта
Да будет плащ твой
Листом для моего блокнота
Да будет мантия парада
Как грамота от нас
Для будущих людей.

Let the mantle grand like a parade,
A testament for those yet made.

***

Переводы Екатерины Максимовны Шепель (ka_shepel@mail.ru), студентки 3 курса, Зарубежное регионоведение, Институт иностранных языков, Российский Университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы. Языки: английский, испанский. Публикаций раньше не было.

Изба

A Russian Stove

В доме бабушки моей
печка русская — медведицей,
с ярко-красной душой —
помогает людям жить:
хлебы печь,
да щи варить,
да за печкой
и на печке
сказки милые таить.

In the home of my grandma
A bearlike Russian stove
With the shining scarlet heart
Helps people to live:
Baking bread
Or cooking shchi,
And nice fairy tales are treasured
behind it and upon it

В середине улицы
косматая собака
валялась на снегу
уоставив в небо нос.

In the centre of the street
There is a shaggy-furry dog
wallowing in snowdrift
raising its nose to the sky

Я цепь к ведру веревкой привязала
и стала медленно
спускать валец.
И надо всем стояла тишина.

I tied the chain to the bucket
And started slowly
To lower the shaft.
And there was silence over all the world

***

Переводы Алексея Андреевича Рубцова (rubtsov.eng@yandex.ru), магистра, 45.04.01 Филология (Магистерская программа: Западноевропейская филология (английский и немецкий / французский языки). Типологическое и сопоставительное языкознание, Донецкий государственный университет. Языки: английский, французский. Ранее не публиковался.

Не помучившись
не научишься

Learning comes
With suffering.

Презренье к людям
Чувствовала я
В обиде на людей была
Что непонятна людям я
А как бы просто
Было им
Признать
Способности мои
Оказывается
Прежде чем
Признание получить
Хребет невзгод
Нехоженных пройти
И душу исцарапать в кровь
От боли плачь
Но душу зарубцуй
Найди лекарство и покой
Опять у тех же
Спутников своих
Что названы
Землей людьми
А то какой же
Ты поэт
И проводитель душ.

Я полоскала небо в речке
и на новой лыковой верёвке
развесила небо сушиться.
А потом мы овечьи шубы
с отцовской спины надели
и сели
        в телегу.
и с плугом
поехали в поле сеять.
Один ноги свесил с телеги
и взбалтывал воздух, как сливки,
а глаза другого глазели
в тележьи щели.
А колёса на оси,
как петушьи очи, вертелись.
Ну, а я посреди телеги,
как в деревянной сказке, сидела.

I felt disdain
for people
and was offended
for being misunderstood.
Though, it might've been
Easier for them
As to acknowledge
Faculties of mine.
To gain one's recognition,
As it turns out,
One has to go
Through ridges of
untrodden woes
And scratch his soul
To a bleeding pulp.
Cry out in pain
But scar your soul.
Find healing and some rest
in fellow-passengers of yours
whose name is people,
given by the Earth.
If not,
What kind of poet
And guide of souls
You are.

I was rinsing the sky in a brook,
and hung it on a new bast rope to dry.
Shortly, we put on the sheepskin coats
off father's shoulder,
And got in a cart,
Heading out with the plow
to the fields to sow.
One dangled his legs off the cart
and was beating the air like cream,
and the other's eyes were peering
into the wagon's slits,
while the wheels on the axle,
Shuffled round and round like a cock's
eye.
And me, I was seated in the midst of the
cart,
as if in a woodland fairy-tale.

На сосновом табурете
блюдце чайное, как море,
с голубой водой стоит.
Ходит по морю синица
с черным глазом на боку.
За окошком снег идет —
птица в комнате живет.

On a pine stool
there is a tea saucer,
like the sea,
with blue water.
A titmouse with a black eye on its side
walks on the sea.
It's snowing through the window —
the bird lives in the room.

***

*Перевод Юлианы Николаевны Еременко-Григоренко (yu.eremenko04@yandex.ru),
аспиранта первого года обучения (Донецкий государственный университет),
5.9.6 Языки народов зарубежных стран (германские языки). Место работы — учитель
английского языка в ГБОУ «Школа № 69 г. Донецк». Языки: английский, немецкий.
Опубликованных переводов нет.*

Хочется от людей добра
Хорошего слова
Теплых бесед
Без всяких тонкостей
А попросту
Как может
Баба русская жалеть
Сама бывалая в невзгодах
И чующая беды других
Бывают русские слова
У женщин русских
Их больше встретишь
В деревнях, в рабочих
Улицах поселков
По городу их реже
Встретишь
Там звон один
А слова нет
Произнесет
И снимет полбеды
Участливо посмотрит
Пожалеет
Хоть ты ей не родня —
сосед
Но в горе ты
И словом русским обогреет
И станет легче на душе
От бабьего сочувствия
Людского.

I want to have a good word
from good people
Heart-to-heart conversation
Without any subtleties
But simply put
How can
A Russian woman pity anybody
She's experienced misfortune herself
And sensed the troubles of others
There are Russian women
Who have Russian words
You will meet them more often
In the villages, in the
Streets of industrial settlements
You will seldom meet them
In the city
There's only babbling
But there are no words
She'll speak to you
And will take off half your trouble
She'll look at you compassionately
She'll sympathize with you
Even though you're not related to her —
just her neighbour
But misfortune is your friend
And the Russian word will warm you up
And your spirits will lighten
From womanly compassion
the human one.

***

Перевод Полины Евгеньевны Прониной (proninar92@mail.ru), студентки 3 курса, Зарубежное регионоведение, РУДН им. Патриса Лумумбы. Языки: английский, испанский. Публиковалась с переводом прозаического текста Лайама О'Флаэрти "Снайпер" с английского на русский язык в сборнике материалов по итогам конкурса художественного перевода (15 ноября 2024-15 февраля 2025 г.)

Про Мороз

А ночью север в бревна дул.
Лицо скуластое надув,
в свистульку губу подтянув,
дудил в чердачных желобах,
шуршал под окнами в снегах,
кольша блики на стенах,
метелью снов колебля мой покой.
А утром я,
открыв глаза,
вздохнула в синий полумрак
и увидала —
изо рта
птенцы пуховые летят,
и, отдалясь от уст,
они тончали в оперении
и, не откидывая тени,
тонули медленно в углах.
И, вынув руки из одежд,
я пальцем тронула рассвет
и стужей руку обожгла.
1947

About Frost

The north was blowing into log at night.
Inflating face with high cheekbones
Putting out lips like little whistle,
Played the pipe in the attic gutter
Hissed under snow-covered windows
And glints undulated on walls
Disturbed my rest by steam of dreams.
And opening my eyes,
I breathed in blue twilight in the
morning
I saw
how little birds in plumage f
rom mouth fly,
And moving away from lips
They get away in plumage
And without casting shadow,
Sank slowly in the corners.
And took my hands from pockets
I touched the sunrise by my finger
And burnt my hand by severe cold...
1947

*Переводы Северокавказской Государственной Академии,
Карачаево-Черкесская Республика, Черкесск*

Перевод Карины Январевны Урусовой (Ukaryu@yandex.ru), старшего преподавателя Института Дизайна и Лингвистики, Северо-Кавказской Государственной Академии, кафедра «Лингвистика и Межкультурная коммуникация». Языки: английский и карачаевский. Ранее не публиковалась.

Мое пальто!
Все собираюсь я
твой внешний вид
прославить перед миром
в наш многотрудный,
многодумный век.
Но не к лицу теперь
стихами облачаться,—
все о куске,
о хлебе
думают народы.
Душа и бог
преобразованы в желудок,—
что в нас лежит
и требует почтения.
Мое пальто!
Твои седые петли
и воротник, в морщинах от тревог,
и плечи, сникшие
от тяжкого раздумья,
все горести мои
с тобой, мое пальто. <...>

My coat!
I'm trying still
To glorify your look
Before the world
In our difficult and complicated age
No longer does it suit one
To robe oneself
In poems
The daily bread
That's all that occupies men's mind
Your soul and faith
Within your stomach
That lies inside of you
Demanding obeisance
My coat!
Your white loops,
And collar, all wrinkled with alert
And shoulders slumped
From heavy thoughts
And all my griefs
Remain with you, my coat!

***

Переводы Малики Исмаиловны Айбазовой (avocado156@mail.ru), выпускницы 2024 г. ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия», Лингвистика «Перевод и переводоведение». Языки: английский, французский. Ранее не печаталась.

«Стояла белая зима...»
Стояла белая зима,
дыханием снегов
весну напоминая.
Игольчатый снежок
роняли облака.
И, белые поляны разделяя,
река, как нефть,
не замерзая,
текла в пологих берегах.

It was a snow-white winter,
reminding Spring with
the breath of snow.
The clouds dropped a needle-
like snowball.
And, splitting the white glades,
The river, like oil,
without freezing,
flowed in gentle shore.

«Я вынимаю ближе к свету...»

Я вынимаю ближе к свету
очищенное от кожуры,
еще дымящее соками
лицо второе из души,
а ранее Музой звалось.
Ликующее состоянье —
одна средь улицы стоишь,
и каждое из встречных лиц
как неоткрытая планета
средь звездных глаз,
сердечность приоткрыв.

I take it out to the light, peeled,
still steaming with juices
the second face is from the soul,
and it was called the Muse.
An exultant state —
you standing in the street alone,
and each of the oncoming faces
is like an undiscovered planet
in the starry eyes,
with your heartily slightly open.

***

Перевод Дианны Заудиновны Кильба (Amina-2@list.ru), выпускницы 2024 г. ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия», Лингвистика «Перевод и переводоведение». Языки: английский, французский. Ранее не печаталась.

Здоровенные парни
мостят мостовую.
Солнце их палит лучами,
шеи медью покрывает,
ветер пылью овеивает
четыре насмешливые лица.
А девчонки у машин,
вея желтые пески,
словно камешки роняют
проголосные стихи:
«Мастер наш, Иван Петрович,
носит давнюю мечту:
голубыми тротуарами
асфальтировать Москву».
А старый мастер,
могуч да широк,
грудь как колокол,
в белой рубахе,
сидит на коленях
посреди мостовой,
камень к камню в ряды кладет,
как ткач шелка,
мостовую тклет.
Долго я стою перед ними,
— вижу в них я корни всходов
будущих культур и музык.

"Robust fellows..."

Robust fellows
paving the sidewalk.
The sun's rays scorching them,
The sun scorches their necks with copper
The wind dusts their mocking faces.
And the girls by the cars,
blowing yellow sands,
like pebbles dropping
the voiced verses:
«Our master, John Stone,
carries an old dream:
to pave Moscow with blue sidewalks»
And the old master,
mighty and broad,
chest like a bell,
in a white shirt,
sits on his knees in the middle
of the sidewalk,
stone by stone in rows,
like a weaver of silk,
weaving the sidewalk.
Long I stand before them, —
I see in them the roots of the sprouts
of future cultures and music.

***

Переводы Джамили Расуловны Биджиевой (milybidzi@gmail.com), выпускницы 2024 г. ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия», Лингвистика «Перевод и переводоведение». Языки: английский, французский. Ранее не печаталась.

Музыка

Было скрипачу семнадцать весен.
И, касаясь воздуха смычком,
юноша дорогой струн
выводил весну навстречу людям.

И была весна изумлена,
что пред нею — тоненькой и ломкой
—
люди, умудренные делами,
затаив дыхание, сидят...

Что глаза у них от звуков потеплели,
губы стали ярче и добрей
и большие руки на коленях,
словно думы, в тишине лежат.

Утверждаются на земле
любовь и камень.
Люди делают из мрамора вещи,
изображая в камне себя,
сохраняя в форме
движения сердца.
Камень — это стоящее время,
а любовь — мгновение сердца,
время в камне.

Music

The violinist was seventeen springs old.
Touching the air with a bow
by the way of strings
young man brought spring
towards people,

Now
Spring was amazed
that in front of her thin and brittle,
people who are wise and busy
is sitting breathlessly
and sounds made their eyes light up
their lips became bright and kind
and large hands on their knees
like thoughts
are lying in a silence

Love and stone
are coming in power on Earth
People are making things out of marble
Representing yourself in stone
Keeping the heartbeat in shape
Stone that is frozen time
But love is blink of an eye
Time that stuck in stone

***

Перевод Асият Аубекировны Узденовой (uzdenovasiyat@gmail.com), выпускницы 2024 г. ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия», Лингвистика «Перевод и переводоведение». Языки: английский, французский. Ранее не печаталась.

Горный февраль

Ах! Какие здесь луны
стоят в вечерах
и в ночах
в конце февраля,
когда на склонах снега,

February In The Mountains

Oh, what moons in this place
shine in the evenings' grace
and in the nights so dark,
at the end of February's mark,
when on slopes the snow doth lay,

когда воздух, как раздавленный
плод,
по рукам,
по щекам по ресницам течет
ароматом весны,
приликая к устам.
Ах!
какие
голубые
огни
от луны
освещают холм
и котловину, грязную днем;
при луне она — голубой цветок
с лепестками зубчатых гор.
В сердцевине цветка-дома,
золотые тычинки
огней-фонарей,
и над всем тишина, небеса,
голубые снега на горах.

when the air like crushed fruit doth
sway,
down the hands, the cheeks, the lashes
flow
with the scent of spring, a pleasant
glow,
sticking to the lips, a sweet charm.
Oh,
what
blue
lights
from the moon
illuminate the hill at noon,
and the valley, dirtied by day,
under the moon it's a blue flower's
display
with petals like the jagged mountains'
dome.
In the heart of the flower, houses bloom,
golden stamens of lanterns bright,
over all is silence, stars alight,
blue snow on the mountains, a sight
sublime.

***

*Переводы Амира Казимовича Айбазова (aybazov.k.amir@gmail.com), выпускника
2024 г. ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия», Лингвистика
«Перевод и переводоведение». Языки: английский, французский. Ранее не печатался.*

Лежат намятыми плодами
снега февральские у ног.
Колоть дрова
привыкла я:
топор блестящий занесешь
над гулким белым чурбаком,
на пень поставленным ребром,
удар! —
и звук, как от струны.
Звенит топор о чурбаки,
и, как литые чугуны,
звенят поленья, и мороз,
и мой топор,
и взмах,
и вздох.
Лежат намятыми плодами

Like crumpled fruits
Lies the February snow at feet.
For I used to chop firewood:
Bring a shiny axe
Over a hollow white
Log, with an edge placed on a stump,
A blow! —
And the sound is like a string.
The axe clangs against the logs,
And the logs ring like cast iron,
And the frost,
And my axe,
And a swing,
And a breath.
Like crumpled fruits
Lies the February snow at feet,

снега февральские у ног,
и утро с синими следами
по небу облаком плывет.
1946

***

Берестяные поля —
белые березы.
Мглисто в серых небесах.
На березовых сучках
птички красные сидят.

And like a cloud across the sky
Floats the morning with blue trail.

***

Bark fields,
White birches.
In the sky as gray as a mist
Red birds perch
On twigs of birches.

***

Переводы Амины Маратовны Батчаевой (amina-2@list.ru), выпускницы 2024 г. ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия», Лингвистика «Перевод и переводоведение». Языки: английский, французский. Ранее не печаталась.

Анка

От весны до осени
выгоняла Анка
птиц на просеки
— возле речки голубой.
А лицо у Аннушки в веснушках.
И косица как фасолевый ус.
И глаза у ней,
как синие синицы,
округлясь, разглядывают мир.
А вожак гусиной стаи,
белый, чинный,
клюв горбом,
шею вытянет копьём,
глаз на солнышко скосит
и гусям, стоящим чинно,
что-то с гоготом и длинно
в упоенье говорит.
И девчонка с хворостинкой,
в серой кофте, босиком,
на гусиное семейство
с восхищением глядит.
Пух над речкою летит.
На осоке пух сидит.

Anka

From spring until fall,
Anka drove the birds,
to the clearings tall—
by the river, blue and clear.
And Anka's face, in freckles fair,
Her braid like a bean mustache rare,
And her eyes, like blue tits bright,
Round and curious, taking in the light.
And the leader of the goose flock,
White and dignified, with a proud walk,
Beak curved like a hump,
Neck extended like a spear's thump,
Eyes squinting at the sun's bright ray,
To the geese, standing tall, he has
something to say,
With a cackle of delight, long and
grand,
In admiration of the feathered band.
And the girl with a twig in hand,
In a gray jacket, barefoot on land,
Looks with wonder and delight,
At the goose family in their flight.
Down floats over the river wide,
Down sits on the reed by its side.

Когда стоишь ты рядом,
я богатею сердцем,
я делаюсь добрей
для всех людей на свете,
я вижу днем —
на небе синем — звезды,
мне жаль ногой
коснуться листьев желтых,
я становлюсь, как воздух,
светлее и нарядней.
А ты стоишь и смотришь,
и я совсем не знаю:
ты любишь или нет.

"When you stand beside me..."

When you stand beside me near,
My heart fills with joy, so dear,
I become kinder to all around,
Seeing stars in the blue sky abound.
I wish I could touch the yellow leaves
so fine,
Becoming like air, elegant and divine.
And you stand there watching me so
true,
And I wonder, do you love me too?

***

*Переводы Танзилы Ибрагимовны Букуловой (tanzilab95@icloud.com), выпускницы
2024 г. ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия», Лингвистика
«Перевод и переводоведение». Языки: английский, французский. Ранее не печаталась.*

Из года в год
хожу я по земле.
И за зимой зима
проходит под ногами.
И день за днем гляжу на снег
и наглядеться не могу снегами...
Вот и сейчас
на чернотволье лип
снег синий молнией возник.
О, сердце у людей, живущих здесь,
должно она любезным быть
от этих зим.
Прозрачным быть оно должно
и совесть белую, как снег,
нести в себе.
Шел белый снег
на белые поляны.
И молнии мерцали на ветвях...

"From year to year..."

From year to year
I walk on the earth.
And winter after winter
passes under my feet.
And day after day I look at the snow
and can't get enough of the snows...
So now
on the black trunks of lindens
snow blue lightning appeared.
Oh, the hearts of people living here
should be dear to them
from these winters.
It should be transparent
and carry a white conscience
within itself.
White snow
fell on the white meadows.
And lightning flashed on the branches...

И когда я от долгой дороги
присела на камень,
положив на пенек
карандаш и бумагу,
я увидела город фиалок.
Вздымали стебли, словно сваи,

**"And when I sat down from a long
journey..."**

And when I sat down from a long journey
on a stone,
putting a pencil and paper
on a stump,

над мхом резные терема
с одним окошком посредине,
и ярко-желтая кайма
легла лучом вокруг окна,
на фиолетовых стенах
стелясь *округлыми коврами...*
1947

I saw a city of violets.
They raised the stems, like piles,
above the moss, the carved cottages
with one window in the middle,
and a bright yellow border
lay around the window,
on the violet walls
spreading rounded carpets...
1947

***

*Перевод Александры Олеговны Николаевой (nikolaeva.a2002@icloud.com),
выпускницы 2024 г. ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия»,
Лингвистика «Перевод и переводоведение». Языки: английский, французский. Ранее не
печаталась.*

Да присохнет язык к гортани
у отрицающих восточное
гостеприимство!
И жило много нас
в тылу,
в огромной Азии,
в горах.
Как и все,
мы пошли в кишлак —
обменять остатки вещей
на пищу.
И лежала пыль
на одеждах наших...
Но ничего не сумели сменить мы.

Мы пыль отряхнули
и вымыли руки —
и сели за яства.
И глыбой мрамора лежало
в пиале солнечной
овечьё молоко,
урюк и яблоки дышали,
орехи грецкие трещали,
лепешки пресные
разламывал хозяин в угощение,
и пряно пахло
фруктами из сада
и медной утварью
осыпанной листвы.

Хозяин-старик пригласил нас
пройти и сесть.

Да присохнет язык к гортани
у отрицающих восточное
гостеприимство!

May the tongue of those who deny eastern hospitality dry up!
There were many of us in the expanse of Asia, in the mountains, just like everyone
else.
We went to the village to exchange remnants of our possessions for food.
The dust lay on our clothes, but we were unable to exchange anything.
An elderly host invited us to come in and sit down.
We dusted ourselves off and washed our hands, then sat down to the feast.

In the sunlight, a block of marble lay in the bowl, sheep's milk, uryuk(apricot), and apples breathed, and the old man broke unleavened bread and cracked walnuts for us to enjoy.

The air was scented with fruit from the orchard and the copper utensils were sprinkled with fallen leaves.

May the tongue of those who deny eastern hospitality dry up!

***

Перевод Максалины Хизировны Тепсуевой (maxalina.tepsueva.94@mail.ru), выпускницы 2024 г. ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия», Лингвистика «Перевод и переводоведение». Языки: английский, французский, Ранее не печаталась.

Вдали от Родины

Сидела я на каменных ступенях —

и олеандра

дугою изогнула стебель

на фоне грецкого ореха,

лист у которого

так пряно-вкусно пахнет.

Кругом цвели обильные цветы.

Полутеней, оттенков и теней

здесь не имеют яркие венцы,

и день кончается без тени,

и не суметничают здесь.

Тверской бульвар

в день зимний, снежный

стоит перело мной

у раскаленных гор,

среди выжженных песков

и глиняных ущелий, —

все белый снег

да искристый мороз...

Мне травы тонкие на стеклах,

вращенные морозом изо льда,

приятнее для глаз

и сердцу ближе,

чем настоящие цветы
в тропических жарах.

Ах! Север, север.

Здесь пряно,
пыльно,
душно,

от пестроты и яркости
болят глаза.

И так тоскливо—
по большим снегам, —

хоть горсточку бы
русского снежку

с московских улиц
вьюга принесла.

Far From My Homeland

I sat on the stone steps,
and the oleander
bent its stem gracefully
against the backdrop of a walnut tree,
whose leaf
smells so spicy and delicious.
Abundant flowers bloomed all around.
Here, bright crowns
have no half-tones, shades, or shadows,
and the day ends without a trace of
darkness,
with no twilight present.
Tverskoy Boulevard,
on a snowy winter day,
stands before me
by the scorching mountains,
amidst scorched sands
and clay ravines—
all white with snow
and glistening frost...

To me, delicate frost grass on the
windows
grown from ice,
is more pleasing to the eyes
and closer to the heart
than real flowers
in tropical heat.
Ah! The North, the North.
Here, the thin grasses
glisten
and sparkle
amidst the bright snow,
more soothing to the eyes
than the vibrant hues
in tropical heat.
Oh, the longing—
for vast snowscapes—
if only a handful
of Russian snowflakes
were brought by the blizzard
from the streets of Moscow.

***

Перевод Миланы Муратовны Хапаевой (miboo.m@yandex.ru), студентки 4 курса Северо-Кавказской государственной академии, Института дизайна и лингвистики, кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Языки: английский и карачаевский язык. Ранее не публиковалась.

Аука

*Посвящается Сергию
Радонежскому.*

Этот тихий пустынный
и деревянных мастер игрушек
улыбается ласково
сухоньким ртом.
Я пишу —
он стоит у стола моего.
А глаза, как ромашки,
в белесых ресницах,
и седые косицы,
и подрясник на нем холстяной.
Как тебя усадить мне,
начинатель игрушек,—
про тебя я читала
в замшелых архивах,
как меж богом и тронном
ты служил бескорыстно Руси,
как учил хлебопашцев простых
деревянные резать игрушки.
И еще я слыхала,
как из дерева липы
для молодого сына
деревянную куклу баба точила
впервые на Руси.
Кукла вышла лицом, как лучи,
хороша,
нарекли ее именем Аука.
Пять столетий от куклы
Ауки прошло.
И рассыпались в прах цари,
и законы твои в пыли.
А игрушки-то вот живут,
и Аука в руках у ребят
получила бессмертие души.

Auka

Dedicated to Sergius of Radonezh

A quiet hermit whose wooden toy craft, in
bygone time,
He smiles at me gently, his lips so dry,
I write these lines, with him nearby.
His eyes like daisies and his lashes fair,
His silver locks and a cassock wear.
How shall I seat you, toy-maker grand,
The ancient archives, your deeds that I
have read.
Between the throne and God, you served
with grace,
Teaching ploughmen to carve wood,
leaving a lasting trace.
And I've heard the tale of a wooden
maiden fair,
Carved from a linden tree at first with
skill and care.
They named her Auka, radiant and bright,
Five centuries have passed for her, in
light.
Kings have fallen, their laws turned to
dust,
Yet the toys endure, in children's trust.
In the hands of youth, Auka finds her
place,
Immortal soul in her wooden grace.

***

Перевод Миланы Шамилевны Байкуловой (baykulova_003@mail.ru), выпускницы 2024 г. ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия», Лингвистика «Перевод и переводоведение». Языки: английский, французский. Ранее не печаталась.

Русский День

И густо снег летел из туч...
И вдруг зари багровый луч
поверхность мгlistую задел —
сугроб в тиши зарозовел,
старинным серебром отяжелели
на бурых бревнах
шапки крыш,
и небеса, как васильки,
вдруг синим цветом зацвели,
и мощные стволы
вздымались из снегов,
пронзая прутьями сучков
оплыв сияющих сосулук.

И восхищенный взор мой ликовал,
и удивлений дивный трепет
чуть-чуть покалывал виски,—
и плакать можно,
и писать стихи.

Вон крестики сорочьих лап,
как вышивки девичьи на холстах...

И предо мной предстал народ,
рожденный в ярости метелей
и от младенческих мгновений
и до белеющих седин
живущий чуткой красотой.
Храните родину мою!
Её берёз не забывайте,
её снегов не покидайте.

Homeland Day

And thickly snow fell from the clouds...
And suddenly a crimson ray of dawn touched the misty surface - the drift turned
pink in silence, old
silver caps weighed down on brown logs, and the sky, like cornflowers, suddenly
bloomed with blue color, and mighty trunks rose from the snows, piercing with
branches of shining icicles.
And my delighted gaze rejoiced, and a wondrous thrill of amazement slightly
tickled my temples - you can cry, you can write poetry.
Look at the crosses of magpie paws, like maiden embroideries on canvases...
And before me appeared a people born in the fury of blizzards and from infant
moments to whitening gray living with sensitive beauty.
Guard my homeland!
Do not forget its birches, do not abandon its snows.

***

Перевод Амилины Алибековны Биджиевой (amilina.b5@gmail.com), студентки 4 курса Северо-Кавказской Государственной Академии, Института Дизайна и Лингвистики, кафедры "Лингвистика и Межкультурная коммуникация". Языки: английский и карачаевский. Ранее не публиковалась.

Анне Ахматовой

<...>— Здравствуйте, поэт, —
Сказала я учтиво.

Я сейчас с мальчишкой
Здесь, на тротуаре,
Из-за ветки вишни

Жаловалась Анна:
— А я встала рано
А в окошко увидела цветы...
А в моем стакане
Розы с прошлых весен —
Все не сохли розы.
Из друзей никто мне нынче
Не принес весны.

Чуть не подралась.
Все равно всю ветку
Оборвет мальчишка...

И проходит дальше.
Голова седая,
А лицо как стебель,
А глаза как серый
Тученгий ветер.
И ложатся под ноги ей тени
Облачками...
Львами...
С гривами цветов...
<1940-е годы>

— Good day, Poet! — said I civilly.
Ann was complaining:
— I've got up early and have seen flowers...
I've got some roses from last spring glasses —
They still are living but not my friends.
Now on the road, just for a moment,
I almost tried to fight with lad
Because of cherry twig instead
He could it cut and break... and passes on.
The head is gray and face's as stem,
And eyes're gray as foggy air.
And lying there under her legs
some shadow clouds, lions with
manes of blossom go ahead.

***

*Перевод Лауры Мазановны Акбаевой (lauraakbaeva2005@mail.ru), студентки
3 курса Северо-Кавказской Государственной Академии, Института Дизайна и
Лингвистики, кафедры «Лингвистика и Межкультурная коммуникация», английский
язык. Ранее не публиковалась.*

Урал

Лежало озеро с отбитыми краями...
Вокруг него березы трепетали,
и ели, как железные, стояли,
и хмель сучки переплетал.
Шел человек по берегу — из леса,
в больших болотных сапогах,

The Urals

There's a lake laying with broken edges.
The birch trees trembled around it
and the spruce trees stood like iron,
and hops intertwined their branches.
A man was walking along the shore
— from the forest

в дубленном буром кожухе,
и за плечами, на спине,
как лоскут осени —
лиса
висит на кожаном ремне...

Я друга из окошка увидела,
простоволосая,
с крыльца к нему сбежала, он
целовал мне шею,
плечи,
руки,
и мне казалось, что клен могучий
касается меня листьями.
Мы долго на крыльце стояли.
Колебля хвойными крылами,
лежал Урал на лапах золотых.
Электростанции,
как гнезда хрусталей,
сияли гранями в долинах.
И птицами избы
на склонах сидят
и желтыми окнами
в воду глядят.

in large boots,
in a tanned brown coat
and behind his shoulders on his back,
like a piece of autumn, —
a fox
was hanging on a leather belt.

I saw a bare-haired friend from the
window,
I ran from the porch to him,
he kissed my neck,
shoulders,
hands
and it seems to me that the mighty maple
touched me with its leaves.
We were standing on the porch for a long
time.
Swinging with pine wings,
The Urals laid on golden paws.
Power plants
like crystal nests
sparkled their faces in the valleys.
And the birds in the nuts
sat on the slopes
and with yellow window
looking into the water

***

*Перевод Замиры Заурбековны Баисовой (zamiib13@gmail.com), студентки
3 курса кафедры «Лингвистика и Межкультурная коммуникация», Института
Дизайна и Лингвистики, Северо-Кавказской Государственной Академии. Языки:
английский и ногайский. Ранее не печаталась.*

Утренний этюд

Каждое утро
к земле приближается солнце
и, привстав на цыпочки,
кладет лобастую обветренную
голову на горизонт
и смотрит на нас —
или печально,
или восхищённо,
или торжественно.

И от его близости земля обретает слово.
И всякая тварь начинает слагать в звуки
восхищение души своей.
А неумеющие звучать
дымятся синими туманами.
А солнечные лучи
начинаются с солнца
и на лугах оканчиваются травой.
Но счастливейшие из лучей,
коснувшись озёр,
принимают образ болотных лягушек,
животных нежных и хрупких
и до того безобразных видом своим,
что вызывают в мыслях живущих
ломкое благоговение.

Morning etude

Every morning,
The sun approaches the earth,
And, standing on tiptoes,
Puts it's large, winded head on the horizon
and looks at us;
either sadly, or admiringly or solemnly
And because of it's closeness the earth gains a word
And every creature begins to compose
into the sounds of the admiration of its soul
And that which cannot sound
smokes in blue mists
And the sun's rays begin with the sun
and end in the grass in the meadows
But the happiest of sunshine
Those who touched the lakes
They take the image of swamp frogs
Delicate and fragile animals
And so ugly in appearance,
that they cause a fragile reverence
in the thoughts of the living

***

Перевод Зухраhon Муродбек кизи Атажановой (zuhrahonatazanova317@gmail.com), студентки 3 курса Северо-Кавказской Государственной Академии, Института Дизайна и Лингвистики, кафедры «Лингвистика и Межкультурная коммуникация». Языки: узбекский, английский. Ранее не печаталась.

Утренний этюд

<...> А лягушки и не догадываются,
что они родня солнцу,
и только глубоко веруют зорям,
зорям утренним и вечерним.
А еще бродят между трав, и осок,
и болотных лягушек
человеческие мальчишки.
И, как всякая поросль людская,
отличны они от зверей и птиц
воображением сердца.
И оттого-то и возникает в пространстве
между живущим и говорящим
и безначальная боль,
и бесконечное восхищение жизнью.

<...> The frogs do not suspect
that they're kin to sun,
They only deeply believe in the dawns,
Dawns of the morning and evening,
As well roaming between herbs and sedges
and marsh frogs and human boys.
And, like every human growth,
different from their beasts and birds
by the imagination of the heart.
And that's why it arises on the space
between living and speaking
and beginlessness pain
and endless admiration for life.

***

Перевод Любви Аслановны Байрамкуловой (bayramkulova.lyuba@bk.ru), студентки 3 курса кафедры «Лингвистика и Межкультурная коммуникация», Института Дизайна и Лингвистики, Северо-Кавказской Государственной Академии, английский язык. Ранее не печаталась.

<...> Отходит равнодушие от сердца,   Indifference shifts away from my heart
когда помотришь на берёзовые   When namely you look at the birch
листья,   leaves

что почку открывают
в середине мая.
К младенчеству весны
с любовью припадая,
ты голову к ветвям склоняешь,
и в этот миг
походит на рассвет —
бурею битое,
грозою мытое,
жаждой опалённое
твое лицо,
мой современник нежный.

Which open up your bud in mid of may.
By infancy of spring
Going with your love
You sway your head to branches
And at that instant
Coming in the early hours
Beaten by gale
And washed by storm
Parched by craving
Your visage.
My tender fellow...

***

Перевод Альбины Алиевны Гебеновой (aag1608@mail.ru), студентки 3 курса Северо-Кавказской Государственной Академии, Института Дизайна и Лингвистики, кафедры «Лингвистика и Межкультурная Коммуникация», английский язык. Ранее не печаталась.

Мой институт

Тверской бульвар...
Оленьими рогами
растут заснеженные тополя,
сад Герцена, засыпанный снегами;
за лёгкими пуховыми ветвями
желтеет старый дом,
и греют тлеющим огнём
зажжённые большие стёкла.
И я сама —
торжественность и тишина —
перед засвеченным стою окном:
в окне прошёл седеющий Асеев,
на нервном, как ковыль, лице
морские гавани
нестылых глаз
теплом нахлынули
на снежные покои.
Мы знаем вас,
друг молодости нашей,
чистосердечность вашего стиха
и бескорыстность светлую в поэзии.
Январь 1941

My Institute

Tverskoy Boulevard...
The snowbound poplars are tortuously growing here,
The Herzen's garden is buried in snows;
There is the building;
Behind downy twigs,
Its getting very old,
And flashing with a smouldering fire
A lighted street lamps.
So here I am —
Solemnity as well as silence —
Observing view out the window:
A graying Aseev has just passed
He looked so fussy and quite nervous
See harbours of the postered eyes
Warmly surged to the snow chambers
We know you well,
A friend of ours,
Such pure sense in your poems
As impartiality in your poetry.

***

Перевод Амины Умаровны Батчаевой (amina-2@list.ru), студентки 3 курса Северо-Кавказской Государственной Академии, Института Дизайна и Лингвистики, кафедры «Лингвистика и Межкультурная коммуникация», английский язык. Ранее не печаталась.

Мой институт

Вот юноша поэт,
и, словно раненая птица,
косой пробор
распахнутым крылом
на лоб задумчивый ложится,
трагедию войны сокрыв.
По лестнице идёт другой,
рассеянный и молчаливый,
он знает финские заливы,
мечтательный и верный воин
и грустный, как заря, певец.

<...>The young man poet,
and his hair, parting at one side,
is landing on his dreamy forehead,
as if a wounded bird
with wide opened wings,
is hiding the drama of the war,
Another man, the clumsy and wordless
is climbing stairs,
he's aware of the Finland's gulfs,
the dreamy and loyal warrior,
and a singer
as sorrowful as a dawn.

Пуховый ветер над Москвой...
Но лебеди покинут белый дом,
последний крик
с плывущих облаков

A soft and a hugging wind is above the
Moscow...
But still the swans are tending to leave
their white house,

прощальной песней
ляжет на крыльцо.

their last scream from the drifting
clouds, is landing as a farewell song on
a porch

***

*Перевод Мадины Умаровны Гемсокуровой (mgemsokurova@gmail.com),
студентки 3 курса Северо-Кавказской Государственной Академии, Институт
Дизайна и Лингвистики, кафедра «Лингвистика и Межкультурная коммуникация».
Языки: английский и карачаевский. Ранее не печаталась.*

Дела наши, что сделаны нами, —
огромного роста.
Липа и кедр городам по колено,
а ладони у нас, как кленовые листья,
тонки и малы, —
на ладонь не уместишь кирпич.
И вот у таких-то
слабых и хрупких,
не вырастающих и до половины дерева,
из-под рук поднимаются многоэтажные
здания,
протягиваются километровые мосты.
И пальцы, умеющие отделять лепестки цветов,
рассекают каменные горы.

«Our affairs that we have done..»

Our affairs that we have done
they have a great growth
Linden and cedar to the cities knee-deep
And our palms like maple leaves, small and thin —
so you can't fit a brick on them
And those who are so weak and fragile,
not growing up to half a tree
They construct multi-storey buildings
Or create great bridges
And their fingers that can divide the flower leaves
Dissect the stone mountains

***

Перевод Халимат Рашидовны Гербек (gerbekhalimat@gmail.com), студентки 3 курса Северо-Кавказской Государственной Академии, Института Дизайна и Лингвистики, кафедры «Лингвистика и Межкультурная коммуникация», перевела стихотворение Ксении Некрасовой «На перепутье» на английский и карачаевский языки. Ранее не публиковалась.

На перепутье

Я иду со станции в колхоз...
Белая стоит зима...
На березовых сучках
птички красные сидят.
И вдруг — в овчинной на сборках шубе,
в холостяных обшитых рукавицах,
снег взметая подолом юбки,
выступила навстречу мне
женщина из-за берез,
и я сказала «здравствуйте!» ей.
и она сказала «здравствуйте!» мне.—
Ходила за рассадой я в теплицы,
да зря, видать... А вы чьи будете?—
Я? Я из Москвы.—И тишина упала между нами.
В молчанье мы до птичника дошли,—
вдоль окон куры восседали,
и в красных фесках головы склоняли
задумчивые петухи.—
Капусты новый сорт
выращиваю я,— скапала спутница моя.
На перекрестке трех троп дороги разошлись.—
Счастливо вам дойти!—колхозница простилась
и в сторону свою пошла.
Шел белый снег
на синие равнины.

At A Crossroads

I'm going from the station to a communal farm.
It is a snowy winter,
Red birds are sitting on birch twigs.
Suddenly, in a sheepskin-lined fur coat,
In embroidered mittens made from a canvas.
Sweeping the snow with the hem of the shirt,

The woman stepped towards me
From among the birches
And we said hello to each other
'I went to greenhouses for seedling. said she 'But apparently in vain.
'Where are you from? '
'Me? I'm from Moscow.' Then silence fell between us,
And in the silence we reached the poultry house.
There were chickens sitting outside the windows.
Thoughtful roosters bowed their heads in red fezzes.
'I'm growing a new kind of cabbages' said my companion.
The roads separated at the intersection of three trails.
'Have a good trip! Goodbye!' said the collective farmer woman.
And she went to other side.
While white snow was falling on blue plains.

***

Перевод Лейлы Рашидовны Долаевой (dolaeva.lelya@bk.ru), студентки 3 курса Северо-Кавказской Государственной Академии, Института Дизайна и Лингвистики, кафедры «Лингвистика и Межкультурная коммуникация», английский язык. Ранее не печаталась.

Утренний автобус

Люблю я утренние лица
людей, идущих на работу,
черты их вычерчены резко,
холодном вымыты водою.
Садятся рабочие люди в автобус.
Еще не бранятся
на мягких сиденьях
гражданки в шляпах модных и
перьях,
и потому
в автобусе нашем
доверчиво тихо.
Почти все пассажиры
читают газеты.
Проходит автобус
вдоль Красной Пресни...

Уборщица входит
с лицом сухощавым,
в синем халате
и красном платочке.
Парень в спецовке учтиво встает,
место свое уступая женщине.
А рядом сидят два маляра.
Старший маляр
спокоен и важен.
Глаза у него как сталь, строги.
С ним сидит ученик молодой,
навсегда удивленный Москвой,
А раннее утро уходит вдаль...
Автобус полон народу.
Моя остановка.
И я схожу.
Идет Москва на работу.

The Morning Bus

I love the morning faces if those who go to work.
Their facial traits are drawn by cold water sharply.
The laborers get on the bus.
No swearing yet arises among ladies in fashionable hats with feathers, hence

In our business, tranquility reigns with trust.
Almost all of the passengers are reading newspapers.
The bus passes along Red Presnya.
The cleaning lady with a lean face, Blue uniform and red handkerchief enters the bus.
The man in overalls gives up his place suavely.
Nearby, two painters sit in a quiet companionship.
The elder one is meaningful.
His eyes akin to steel, so severe.
Beside him, a young apprentice, forever amused by Moscow's allure.
As the dawn fades into the horizon
The bus is completely packed.
That's my stop.
And I stop off.
Into Moscow's bustling embrace of labor and life.

***

Перевод Аины Ансаровны Канпушевой (ainakap1255@gmail.com), студентки 3 курса Северо-Кавказской Государственной Академии, Института Дизайна и Лингвистики, кафедры «Лингвистика и Межкультурная коммуникация», английский язык. Ранее не печаталась.

Чаша в сквере

Меж стволов березовых у сквера
возвышалась мраморная чаша;
листья виноградные из камня
чаши основанье обвивали.
И девчонка в ватной душегрейке,
в яркой, как зарницы, юбке,
протирала тряпкою холщовой
каменные гроздья по бокам.
Мрамор для нее —
не камень бессердечный.
Девушка фасады лицевала
мрамором на Ленинских горах.
И еще в свои семнадцать весен
наблюдала изморозь на окнах
и рисунки трав на огородах,
острых елей тонкие черты.
И сейчас, рассматривая чашу,
вдруг вплетенный в мраморные
стебли
Цвет укропа каменный находит,
высеченный четко и красиво.

The Bowl in the park

Between the birch trunks near the
square,
A marble bowl stood high;
Grape leaves made out of stone,
Wrapped around the base of the bowl.
And a girl in a fluffy warmer,
In a bright skirt like lightning,
Wiped the stone bunches on both sides
With a coarse rag.
Marble was not a heartless stone to her.
She veneered the facades with
Marble on the Lenin hills.
And at her seventeen springs,
She observed frost on the windows
And drawings of grass in the gardens,
Thin lines of sharp fir trees.
And now, looking at the bowl,
Suddenly, woven into the marble stems,
She finds the color of dill,
Engraved clearly and beautifully.
Dill grows abundantly in gardens;

Рос укроп на огородах буйно;
раньше ей и в мысль не приходило,
чтобы будничным укроп на грубом
камне
восхищал людей
тончайшею резьбою.

She had never thought before
That common dill on rough stone
Could impress people
With its delicate carving. <...>

***

*Перевод Тахмины Тулпаровны Дотдаевой (tdotdaeva19@mail.ru), студентки
3 курса кафедры «Лингвистика и Межкультурная коммуникация», Института
Дизайна и Лингвистики, Северо-Кавказской Государственной Академии, английский
язык. Ранее не печаталась*

Чаша в сквере

Так, смывая пыль на высечках и гранях
и разглядывая каменные травы,
для себя она нежданно постигла
единенье жизни и искусства.
Прошлогодний лист из чаши выметает
и водою наливает чашу,
и от влаги оживает мрамор
и сквозит прожилками из недр.
И с обветренными девушка руками,
в ссадинах от ветра и воды,
в алой юбке,
пред зарей вечерней,
с легкими, как пламень, волосами
и с глазами, полными раздумья,
тихо перед вазою стоит,
вытирая пальцы о холстину.
И в такой вот час и возникает
светлое желанье стать ученым
или зодчим, мудрым и суровым,
чтобы все, что видишь, все, что понял,
от себя народу передать.

The Bowl in the park

<...>And as the girl washes away the dust
from the notching and the facets
And scrutinizes stone herbage,
She suddenly comprehends for herself
The unity between life and art.
Sweeps out the last years leaf out of the chalice

and fills it up with water,
and from the moisture the marble comes alive
and seeps through veins from the depths
And with weathered hands and abrasion
from wind and water, the girl in a scarlet skirt,
before the afterglow,
with hair as light as flame and thoughtful eyes,
quietly stands in front of chalice,
wiping her fingers on the linen.
And at such an hour there arises
a bright desire to become a scientist
or an architect, wise and stern,
so that all that you see, all that you understand,
you can pass on to the people.

***

Перевод Алана Хутовича Каппушева (al22.06@mail.ru), студента 3 курса Северо-Кавказской Государственной Академии, Института Дизайна и Лингвистики, кафедры «Лингвистика и Международная коммуникация». Языки: английский и карачаевский. Ранее не печатался.

Исток

Когда неверие ко мне приходит,
стихи мои
мне кажутся плохими,
тускнеет зоркость глаза моего, —
тогда с колен
я сбрасываю доску,
что заменяет письменный мне стол,
и собирать поэзию иду
вдоль улиц громких.

Я не касаюсь проходящих,
что ходят в обтекаемых пальто
походкой чванной, —
лица у них надменны,
разрезы рта на лезвие похожи
и в глазах бесчувственность лежит.
Не интересней ли
с метельщицей заговорить?...

The Source

When disbelief comes to me,
The poems of mine Seem bad to me.
My eyes lose their vigilance, —
And then, from knees of mine I drop the
plank,
That replaces the desk for me, And go
Along the loudly streets to collect
poetry.
don't touch the passers,
Who walk in streamlined coats
With conceited gait,
Their faces are haughty,
Their mouths are like a blade,
And their eyes are full of
emotionlessness.
Wouldn't it be more interesting
To talk to a broommaker?

***

Переводы Зульфии Анзоровны Кочкаровой (kzulfiya77@gmail.com), студентки 3 курса Северо-Кавказской Государственной Академии, Института Дизайна и Лингвистики, кафедры «Лингвистика и Межкультурная коммуникация». Языки: английский и карачаевский. Ранее не печаталась.

Мысли

Шла по Пушкинскому скверу,—
вокруг каждая травинка цвела.
Увидала юношу и девушку —
в юности лица у людей бывают
как цветы,
и каждое поколение
ощущает юность свою
как новость...

Как мне писать мои стихи?
Бумаги лист так мал.
А судьбы разрослись
в надширие небес.
Как уместить на четвертушке небо?

После дождя в весеннем
саду
земля была как чай,
заваренный на травах,
на цвет густа
и воздухом вкусна.

Thoughts

As I was walking around
the blooming Pushkin's square
I saw a young couple
In youth the faces of people
are similar to flowers
And every generation feels their youth
As if it is a discovery

How shall I write my poems?
The sheet of paper is so small
And people's lives
are as grand as the sky
How shall I fit something so grand
on something small?

"After the rain in the spring garden"
After the rain in the spring garden
The earth resembles tea
As if it was brewed on herb's,
Rich in colour
With a pleasing musky note.

***

Переводы Камилы Наурузовны Наурузовой (nauruzovakamila9@gmail.com), студентки 3 курса Северо-Кавказской Государственной Академии, Института Дизайна и Лингвистики, кафедры «Лингвистика и Межкультурная коммуникация». Языки: английский и карачаевский. Ранее не печаталась.

Поэт

Ст. Щипачёву

Вы прячете доброе сердце
в застёгнутый наглухо
черный пиджак,—
и вдруг при взгляде на стихи
чуть розовеет бледное лицо,

Poet

To St. Shchipachev

You hide a kind heart
in a tightly buttoned black jacket—
and suddenly, at the sight of poems
your pale face slightly blushes,
just as by the firelight becomes

так при огне просвечивает
алым
мечтательное
зимнее
окно.

translucent
with a crimson glow
the dreamy
frosty
window.

Раздумье

На столе открытый лист бумаги,
чистый, как нетронутая совесть.
Что-то запишу я
в памяти моей?...
Почему-то первыми на ум
идут печали,
но проходят и уходят беды,
а в конечном счете остается
солнце, утверждающее жизнь.

Musings

On the table lies a clean sheet of paper,
pure as an sinless conscience.
Shall I plant something
in the memory of mine?..
For some reason, it's the sorrows
that come to mind first,
but troubles pass and fade away,
and in the end, what remains
is the life-affirming sun.

Слегка лукаво-добродушна,
чуть-чуть растрепана толпою,
в одеждах ярких и нарядных,
проходит улица предо мной.
Отряхни ноги у порога
и войдем в горницы весны,
уважая листья и цветы,
снимем кепки с головы.

«Slightly slyly good-natured...»
Slightly slyly good-natured,
a bit disheveled by the crowd,
in bright and festive clothes,
the street walks by before me.
Shake the dust off your feet at the
threshold
and let's enter the chambers of spring,
respecting the leaves and flowers,
we'll take off our caps from our heads.

***

*Перевод Фатимы Дагировны Тебуевой (fotya0099@gmail.com), студентки
3 курса Северо-Кавказской Государственной Академии, Института Дизайна и
Лингвистики, кафедры «Лингвистика и Межкультурная коммуникация». Ранее не
печаталась.*

Конец дня

Между двух гор
ставили дом машины.
Стояли женщины
на строящихся стенах,
и клали кирпичи,
и возвышали цех.

The End Of The Day

Between two mountains
a house was being built.
Women were standing
on not yet constructed walls,
and they were laying bricks
and were erecting a factory.

Склонялся час к шести,
и медленно кирпичный брус
сошел с ладони,
движеньем затихающим
оканчивая день.

И ослабели сухожилья,
натянутые в локтевых изгибах,
звенящие от подниманья бревен,
от напряженья сдвинутых вещей,

И отделились руки от труда,
и матерьялы встали по местам,
и принял звук работ
обличие предметов.

The hour was approaching six,
and steadily a beam of brick
got off the palm,
and with subsiding gesture
the end of the day was indicated.

And tendons weakened
strained in the elbow's bend,
grinding because of picking up logs,
from the tension of moving a bulk of
things.

And hands were separated from the
work, and materials were placed where
they belong
and the sound of labour
takes on the appearance of objects.

***

*Перевод Айши Магомедовны Темрезовой (a.temrezova@gmail.com), студентки
3 курса Северо-Кавказской государственной академии, Института Дизайна и
Лингвистики, кафедры «Лингвистика и Межкультурная коммуникация. Языки:
английский и карачаевский. Ранее не печаталась.*

Лопата я
и тем горда,
и мной хозяин горд.
Я полпланеты на зубок
в труде перебрала.
Меня венцами не прельстишь—
венцы у королей,
а я копаю у корней,
что кормят всяких королей...
А я копала в старину,
копаю и сейчас.
И буду почву рассекать,
куда народ свергает знать,
когда наступит на мозоль
неповоротливый король.
Лопата я и тем горда,
и мной хозяин горд.
Я полпланеты на зубок
в труде перебрала.
О! Знаю я и что и как,

I'm Shovel,
and proud of it,
And the proprietor is proud of me.
I rummaged the half of planet in labor.
You won't entice me with a crowns —
They are for kings,
and I'm digging at the roots,
Whose feeding every sort of kings...
And I dug in old days,
and digging now.
And I will dissect the soil,
There people overthrowing the nobility,
When clumsy king will step
on callus on his foot.
I'm shovel and proud of it,
and the proprietor is proud of me.
I rummaged the half of planet in labor.
Oh! I know what and how,
What the earth lies on.
But the best of other things is coming

на чем лежит земля.
Но лучше всех идти домой
с хозяином вдвоем:
я на плече его лежу.

home together with the proprietor:
I'm laying on his shoulder.

***

Перевод Муниры Ахмедовны Тлисовой (tlismunira02@gmail.com), студентки 3 курса Северо-Кавказской государственной Академии, Института Дизайна и Лингвистики, кафедры «Лингвистика и Межкультурная коммуникация». Языки: английский и черкесский. Ранее не публиковалась.

Наставник

The Teacher

День у меня
как петушиные одежды —
золотисто-синий хвост,
и белых два крыла,
и красный гребень у чела.
День потому
наряден так,
что каждый мой
свершающийся шаг
осеняет учитель особый,
одетый в одежды
из листьев чудесных.
Вздымался кедр,
передо мной
касяся медвежьей головой
плывущих туч
над хвойною землей.
Я каждый день
сидела перед ним.
И удивлялась
древесине,
что, не ломаясь, возникала.

My day as cockerel clothes —
Golden blue tail
and two white wings
And the red crest on the forehead
The day is elegant
so every my performing step
dawns on special teacher
Dressed in clothes
made of wonderful leaves
The cedar was heaving in front of me
Touching with his bear head
the floating clouds over forest
Every day,
sitting in front of it
I was amazed by the wood
that appeared without breaking.

***

Перевод Амины Игоревны Эркеновой (aminaercenova@mail.ru), студентки 3 курса Северо-Кавказской Государственной Академии, Института Дизайна и Лингвистики, кафедры «Лингвистика и Межкультурная Коммуникация», английский язык. Ранее не публиковалась.

День

С утра я целый день стирала,
а в полдень вышла за порог

Day

In the morning I did laundry all day,
and at noon I went outside

к колодцу за водой.
От долгого стояния в наклон
чуть-чуть покалывало поясицу
и руки от движенья вдоль
ломило от ладоней до плеча.
А в улице лежала тишина,
такая тишина,
что звук слетающих снежинок
был слышен гаммой,
как будто неумелою рукою
проигрывает малое дитя:
слетают до и ля
и звездочками покрывают землю.
Напротив домики
в снегурочных снегах стояли,
и опадающие листья
казались
как полушубки в заячьих мехах.
И ягоды краснеющей рябины
одел в чепцы холстиновые
иней.
В середине улицы
косматая собака
валялась на снегу
уоставив в небо нос.

Я цепь к ведру верёвкой привязала
и стала медленно
спускать валёк.

И надо всем стояла тишина.

to the well for water.
Leaning down for a long time
I felt a little tingling in the small of my
back and in my arms from the movement
from palm to shoulder.
And the street was quiet,
so quiet
that the sound of snowflakes flying down
could be heard as if
A little child played
with an inexperienced hand:
do and la fly down
and cover the ground with stars.
Opposite the houses
stood in the snow of the snow maiden,
and the falling leaves
seemed like coats of rabbit fur.
And the berries of the blushing rowan
tree
Were dressed in bonnets of linen of frost.

In the middle of the road
a shaggy dog
was lying in the snow
with his nose up at the sky.

I tied the chain to the bucket with a rope.
and slowly down the shaft.

And there was silence over everything
1946

***

Перевод Дамира Назировича Туаршева (pajiloided@gmail.com), студента 3 курса Северо-Кавказской Государственной Академии, Института Дизайна и Лингвистики, кафедры «Лингвистика и Межкультурная Коммуникация», английский язык. Ранее не публиковался.

Здоровенные парни
мостят мостовую.
Солнце их палит лучами,
шеи медью покрывает,
ветер пылью овекает
четыре насмешливые лица.
А девчонки у машин,
вея желтые пески,

Nefty guys
are paving the roadway.
The sun burns them with rays,
covers their necks with copper,
the wind blows dust
over their slightly mocking faces.
And the girls at the cars,
waving yellow sands,

словно камешки роняют
проголосные стихи:
«Мастер наш, Иван Петрович,
носит давнюю мечту:
голубыми тротуарами
асфальтировать Москву».
А старый мастер,
могуч да широк,
грудь как колокол,
в белой рубахе,
сидит на коленях
посреди мостовой,
камень к камню в ряды кладет,
как ткач шелка,
мостовую ткёт.
Долго я стою перед ними,
— вижу в них я корни всходов
будущих культур и музык.

drop walking poems like pebbles:
"Our master, Ivan Petrovich,
has an old as world dream:
to asphalt Moscow
with blue sidewalks.
And the old master,
he is mighty and broad,
with a chest like a bell,
in a white shirt,
sitting on his knees
in the middle of the road,
laying stone to stone in rows,
like a silk weaver,
weaving the pavement.
I have been standing in front of them for
a long time
— I see in them the roots of the shoots
of future cultures and musical ones.

Содержание

<i>От составителя (О. В. Матвиенко)</i>	3
<i>Слово о конкурсе (К. С. Корконосенко)</i>	4
Материалы конкурса начинающих переводчиков им. Э. Л. Линецкой (Санкт-Петербург, 2024)	5
<i>Переводы с английского</i>	6
АНГЛИЙСКАЯ ПРОЗА	7
A Full Life by F. Scott Fitzgerald (fragment) — Фрэнсис Скотт Фицджеральд. Жизнь на полную. <i>Перевод А. Вахитовой.</i> Жить на полную. <i>Перевод А. Калугиной.</i> Насыщенная жизнь. <i>Перевод Е. Соломатиной.</i> Целая жизнь (Отрывок). <i>Перевод Р. Адрианова (Элиаса Отиса)</i>	
АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ	16
Christina Georgina Rossetti. A Diamond Or A Coal? — Кристина Джорджина Россетти. Алмаз или же уголь? <i>Перевод А. Зубченко.</i> Алмаза ли? угля? <i>Перевод Р. Адрианова</i>	
<i>Переводы с немецкого</i>	17
НЕМЕЦКАЯ ПРОЗА	18
Marc-Uwe Kling. Die Känguru-Chroniken. Das Känguru von gegenüber — Марк- Уве Клинг. Новый сосед. <i>Перевод А. Ивлевой.</i> Кенгуру напротив. <i>Перевод Е. Язевой.</i> Кенгуру из квартиры напротив. <i>Перевод М. Ю. Васильевой.</i> Хроники кенгуру. Кенгуру по соседству. <i>Перевод Р. Адрианова</i>	
НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ	25
Ilma Rakusa. Versuch einer Heimatbestimmung — Ильма Ракуза. Опыт родинотворчества. <i>Перевод Р. Адрианова.</i> Что же такое Родина... <i>Перевод К. Ничипорук.</i> Что такое Родина? Попытка определения. <i>Перевод Н. В. Лучкиной</i>	
<i>Переводы с французского</i>	28
ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОЗА	29
Jacques-Émile Blanche. Propos de Peintre. De David a Degas. Fantin-Latour — Жак-Эмиль Бланш о Фантен-Латуре. Фрагмент очерка. <i>Перевод А. Хильми.</i> О художниках. От Давида до Дега. Фантен-Латур. <i>Перевод А. Демидовой.</i> О художнике. От Давида до Дега: Фантен-Латур (Отрывок). <i>Перевод Р. Адрианова.</i> О художнике. От Давида до Дега: Фантен-Латур (Отрывок). <i>Перевод И. Г. Меркуловой</i>	
ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ	35
Raymond Queneau (1903—1976). Adieu — Рэймон Кено (1903—1976). Прощай. <i>Переводы Н. Бухтояровой, Р. Адрианова, М. Литвиненко</i>	
<i>Переводы с испанского</i>	37
ИСПАНСКАЯ ПРОЗА	38
Vicente Blasco Ibáñez. Un silbido — Висенте Бласко Ибаньес. Свист. <i>Переводы Ю. Харитоновой, Р. Адрианова</i>	

ИСПАНСКАЯ ПОЭЗИЯ	47
Miguel Hernández (1910—1942). Perito En Lunas (1933) — Мигель Эрнандес. Знаток луны. <i>Переводы А. Ханукаевой, Н. Филимоновой. Эксперт по лунам. Перевод Р. Адрианова</i>	
<i>Переводы с итальянского</i>	49
ИТАЛЬЯНСКАЯ ПРОЗА	50
Matteo Noris (1640-1714). Catone Uticense, 1701 — Маттео Норис. Предисловие к драме «Катон Утический» (1701 г.). <i>Перевод А. Арифудиной.</i> Маттео Норис. Предисловие к драме «Катон Утический». <i>Перевод Е. Болдиной.</i> Предисловие к драме «Катон Утический» Маттео Нориса. <i>Перевод Е. Богдановой.</i> Катон Утический. <i>Перевод Р. Адрианова</i>	
ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ	55
Matteo Noris (1640-1714). Catone Uticense, 1701. Frammento 1. Scena V— Маттео Норис. Катон Утический. Сцена V. <i>Перевод Р. Адрианова</i>	
<i>Переводы с венгерского, турецкого, арабского</i>	56
ВЕНГЕРСКАЯ ПРОЗА	57
Méhes Károly. Kézfogás a svéd királlyal — Мехеш Кароль. Рукопожатие с королем Швеции. <i>Перевод Д. Васильевой.</i> Пожать руку королю Швеции. <i>Перевод А. Розуван.</i> Рукопожатие короля Швеции. <i>Перевод Р. Адрианова</i>	
ВЕНГЕРСКАЯ ПОЭЗИЯ	67
Falcsik Mari. Valahol Európában, 2010-es évek — Мари Фальчик. Где-то в Европе 2010-х... <i>Перевод Р. Адрианова</i>	
ТУРЕЦКАЯ ПРОЗА	70
Bilge Karasu. “Göçmüş Kediler Bahçesi”. Beşinci Masal YAĞMURLUKENTİN GÜNEŞÇİSİ — Бильге Карасу. Сад умерших котов. Человек Солнца из города Дождей. <i>Перевод А. Кышоглу.</i> Сад переселившихся кошек. Пятая сказка. Солнечный человек дождливого города. <i>Перевод Д. Ванюковой.</i> Сад ушедших кошек. Сказка пятая. Солнце дождливого города. <i>Перевод Р. Адрианова</i>	
ТУРЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ	75
Yunus Emre — Юнус Эмре. <i>Переводы А. Первушина, А. Кышоглу, Е. В. Вторушина, И. Измайлова.</i> Твоя любовь меня забрала у меня: ты мне нужна... <i>Перевод Р. Адрианова</i>	
АРАБСКАЯ ПРОЗА	79
Закария Тамер. Божья роса. <i>Перевод Н. Ворониной.</i> Дождь. <i>Переводы А. Буковской, Р. Адрианова</i>	
АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ	85
Карим аль-Ираки. В том, что больно тебе, никого не спеши обвинять... <i>Перевод Р. Адрианова</i>	

<i>Переводы с китайского</i>	88
КИТАЙСКАЯ ПРОЗА	89
Те Нин. Беременная женщина и корова (отрывок). <i>Переводы В. Нацibuлиной, А. Шуклиной.</i> Беременная девушка и корова (отрывок). <i>Перевод В. Сейткуловой.</i> Беременная и корова (Отрывок). <i>Перевод Р. Адрианова</i>	
КИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ	103
《回答》北岛 — Бэй Дао. Ответ. <i>Переводы А. Шуклиной, В. А. Жуковой, А. Мамедовой, В. Гоголевой, Р. Адрианова</i>	
<i>В переводческой мастерской</i>	109
<i>Из переводов Галины Лазаревой.</i>	110
Alec Derwent Норе. MAN FRIDAY — Алек Дервент Хоуп. ПРЕДАННЫЙ СЛУГА (Робинзон и Пятница)	
<i>Стихи поэтов Британских островов в переводе Марины Челаукиной (творческий псевдоним — Марина Туманова).</i>	119
Англия. Joseph Rudyard Kipling. Mandalay. Deserters — Джозеф Редьярд Киплинг. Мандалай. Дезертиры. Edmund William Gosse. An invitation. May-Day. Perfume — Эдмунд Уильям Госс. Приглашение. Майский день. Духи Уэльс. Dylan Marlais Thomas. And death shall have no dominion — Дилан Марлайс Томас. И смерть не будет властвовать вовек	
Ирландия. William Butler Yates. After long silence. No second Troy. The white birds. The Lake Isle of Innisfree. To Some I Have Talked with by the Fire. — Уильям Батлер Йейтс. После долгой тишины. Нет второй Трои. Белые птицы. Озёрный остров Иннисффри. Тем, с кем я говорил у костра. John Millington Synge. In Kerry. To The Oaks Of Glencree. Glen Cullen — Джон Миллингтон Синг. В графстве Керри. Дубам в Гленкри. Глен Каллен	
Шотландия. Alexander Smith. Inversnaid. Love— Александр Смит. Инверснэйд. Любовь	
<i>Майкл Эдвардс, Бессмертный член Французской Академии, в переводах с французского Нины Лучкиной</i>	133
Michael Edwards. L'IMPREVU — Майкл Эдвардс. НЕОЖИДАННОСТЬ. PARIS LUNAIRE — ПОДЛУННЫЙ ПАРИЖ	
<i>Творчество Иоэля Матвеева (стихи и переводы)</i>	136
In weary dreams I wear a cowl May ever be two worlds so twisted LAGETA LUBMA They Loved Each Other TRANSLATIONS From Old Irish By Vladimir Solovyov. At Saimaa in Winter Lo, my Queen's in azure all appearing By Geydar Dzhemal When you will come, and if you come to meet By Yuri Entin. The Song of the Bremen Musicians By Natalia O'Shea. Farewell. The Snake King's Bride By Katerina Kuznetzova. A Cheerful Poem About the Apocalypse By Arseny Tarkovsky Ceased the Summer to Glow By Nikolaj Dobronravov. Espero	

Опыт художественного перевода в Донбассе	
Пасхальная секвенция <i>In Resurrectione D. N.</i> Перевод <i>Е. А. Вишневской</i>	145
Катерина Кузнецова. Про кінець світу на мажорний лад. Переклад <i>О. В. Матвієнко</i>	146
Материалы конкурса «Мои первые переводы» (Донецк, ДНР, 2025)	151
Normal, Henry. The house is not same since you left — Генри Нормал.	152
Дом уже не тот с тех пор, как ты ушла. Переводы <i>М. Стрельченко, Е. Никеенко, У. Леонтович, Д. Асеевой, Е. Кожиновой, Д. Виноградовой, А. Золотаревой</i>	
Из Кастальского источника	
«Поэзия Ксении Некрасовой в английских переводах» (науч. рук. проф. <i>М. Р. Ненарокова</i>). Переводы <i>В. Башиловой, Е. Гриненко, С. Завязкиной, О. Рагозиной, С. Скородумовой, Д. Татариновой, Д. Хныковой, Е. Шепель, А. Рубцова, Ю. Еременко-Григоренко, П. Прониной, К. Урусовой, М. Айбазовой, Д. Кильба, Дж. Биджиевой, А. Узденовой, А. Айбазова, А. Батчаевой, Т. Букуловой, А. Николаевой, М. Тенсуевой, М. Хапаевой, М. Байкуловой, А. Биджиевой, Л. Акбаевой, З. Баисовой, З. Атажановой, Л. Байрамкуловой, А. Гебеновой, А. Батчаевой, М. Гемсокуровой, Х. Гербек, Л. Долаевой, А. Каппушевой, Т. Дотдаевой, А. Каппушева, З. Кочкаровой, К. Наурузовой, Ф. Тебуевой, А. Темрезовой, М. Тлисовой, А. Эркеновой, Д. Туаршева</i>	158
	159

**Литературно-художественное издание
Отражения. Выпуск 15.**

Первые опыты художественного перевода

Редакторы и составители: *К. С. Корконосенко, О. В. Матвиенко*

Иллюстрации: *В. В. Бондаренко*